К-57

Т. С. Коготкова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ русской терминологии

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

Т. С. Коготкова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ русской терминологии

МОСКВА "НАУКА" 1991

ББК 82.2Р
К 57

4
К-57
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
86578

Ответственный редактор
доктор филологических наук *Л.И. Скворцов*

Рецензенты:
доктор филологических наук *П.Н. Денисов*
доктор филологических наук *В.Н. Прохорова*

Редактор издательства *А.В. Бездидько*

Коготкова Т.С.

К 57 Национальные истоки русской терминологии. — М.: Наука, 1991. — 120 с.

ISBN 5-02-011079-5

Монография посвящена проблеме национально-самобытного элемента в составе стандартизованных и унифицированных терминов русского языка. Впервые в терминоведении использован метод ретроспективного поиска от стандартизованного термина к слову-прототипу в народной диалектной речи.

Для специалистов-языковедов, научных работников, терминоведов.

К $\frac{4602020101-576}{042(02)-91}$ 576-91, II полугодие ББК 81.2Р

Kogotkova T. National sources of Russian terminology.

The general investigation of modern systems of terminology as they are fixed in the State Standard Registers is carried out in the book. Those systems are exposed which are formed completely on the national Russian (or Slavonic) base and which originate from local words, used for special purposes, preferently in crafts and trades of the Russian population.

The general linguistic and extra-linguistic principles stipulating the stability of nationally-original terminology in time are exposed in the book.

ISBN 5-02-011079-5 © Издательство "Наука", 1991

ВВЕДЕНИЕ

Обширный терминологический материал, которым располагает современный русский язык, пока еще не получил достаточного освещения с точки зрения его происхождения. Проблема "своего" или "чужого" скорее рассматривалась в плане выявления места "чужого", усвоенного или не усвоенного русским языком, а не с точки зрения исконно национальных элементов в этом лексико-терминологическом многообразии. И это понятно. "Чужеязычное", не "свое" дифференцируется с лексическим запасом любого национального языка прежде всего по форме.

Терминология русского языка всегда жила и живет по законам русской грамматики, опирается в разных видах своей деривации (словообразовательной, синтаксической и семантической) на модели и правила русского словопроизводства. Именно этой органической, спонтанно-языковой связью терминологии и лексического запаса всего языка можно, пожалуй, объяснить неразработанность вопроса о доле собственно национально-русского элемента в составе русской унифицированной и стандартизованной терминологии сегодняшнего дня.

Разграничение национального и интернационального в любом развитом литературном языке — задача универсальная и непростая. Языки постоянно взаимодействуют между собой, обновляя и обогащая за счет заимствований свои языковые ресурсы. Для целей и задач настоящей работы разговор о разграничении национального и интернационального, по существу, сливается с проблемой выделения объекта изучения, т.е. создания и определения фактической языковой базы монографии. Как бы ни были сложны и противоречивы критерии, приемы выделения собственно национального в языке, априори мы исходим из признания того, что основной средой бытования и средоточием для него все-таки является народная речь. Это мнение разделяют все языковеды, независимо от того, на каком языковом уровне, на каких языковых фактах и явлениях ведется установление национального элемента[1].

По нашему глубокому убеждению, задаваясь целью установить проявления собственно русской реальности в терминологии, надо также обращаться прежде всего к народно-диалектной языковой практике.

---

[1] Ср. интересные и убедительные высказывания о фразеологии, этом, по определению Б.А. Ларина, "неповторимом строении" в русском национальном языке, приведенные в кн.: *Мокиенко В.М.* Образцы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986. С. 18.

Само определение "народно-диалектного участия" в формировании и бытовании современной терминологии имеет несколько сторон. Они затрагивают не только количественное выявление терминосистем и терминологических единиц, восходящих к народно-диалектному типу речи, но и способность полученных в результате такого поиска единиц к участию в образовании новых терминов по мере расширения, углубления, дифференциации и интеграции самих научно-технических знаний и деятельности. Одинаковы обе опасности — переоценить значение народно-национального элемента в современном терминообразовании и, наоборот, недооценить его. Гиперболизация, пристрастная приверженность к тому или иному мнению мешают вскрыть объективную картину.

Примером такой недооценки может служить одно из положений книги "Общая терминология. Вопросы теории". В самой попытке авторов строго отграничить специальную лексику от диалектной видно их стремление совершенно игнорировать генетический аспект[2]. Как можно будет убедиться из последующего изложения материала, для русской терминологии вопросы генезиса пока еще не утратили своей актуальности.

Хотя многие терминологи и особенно терминоведы-практики не могут не видеть и не могут не признавать того, что "терминов-диалектизмов не так уж мало в определенных отраслевых терминологиях"[3], неизученность массовых фактов в рассматриваемом аспекте способствовала утверждению и почти незыблемости мнения о том, что термины-диалектизмы — это реликты, пережитки прежних эпох, само наличие которых в составе современных терминологических систем обязано инерции употребления. Согласно этим прочно укоренившимся взглядам, термины, генетически диалектные, трудно поддаются стандартизации и унификации.

Действительно, народно-диалектный элемент в современных терминосистемах — это как бы пережиток, но пережиток устойчивый, создающий прочную и надежную традицию. В применении многих традиционно-русских терминов и даже терминосистем заметно номинативное обновление, осовременивание. Основа номинационного обновления всегда внелингвистична. От домашнего или ремесленного изготовления предметов быта и хозяйствования до современного фабрично-заводского, индустриального производства этих же товаров пройден огромный путь. Конструктивное усовершенствование орудий труда и механизмов, технологический прогресс производства, изменение сырьевых ресурсов, изменение и расширение конечного продукта и многое другое, естественно, повлекло изменение словарно-номинативного фонда, обслуживающего ту или иную сферу производственной деятельности. По моделям продуктивного словообразования на исконно русской (или славянской) морфемно-корневой базе созда-

---

[2] *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология. Вопросы теории. М., 1989. С. 26.

[3] *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977. С. 172.

ются новые термины, как однословные с помощью разных аффиксов, так и составные двух- и многокомпонентные. Такому обновлению подверглись и продолжают подвергаться такие термины, которые восходят к народно-диалектной речи[4]. Следует иметь в виду, что генетические народно-диалектные термины конструируют не только словник современной терминосистемы (при номинировании терминов), но очень часто входят в дефиницию термина, являясь тем самым необходимым понятийным компонентом термина в целом. Ср. *Рабочая площадь пода электропечи* 'площадь пода электропечи, которая может быть использована для размещения садки, технологической тары и обеспечения их нагрева до номинальной температуры с заданной равномерностью'. Говоря, таким образом, об общем объеме диалектных слов в современной терминологии, вряд ли правомерно элиминировать и этот языковой материал. (Насколько нам известно, обычно в разговоре о месте народно-диалектного элемента в терминологии он не принимается во внимание.)

Вернемся к только что приведенному термину *под* и покажем, что применение слова в терминологии продлевает его жизнь в языке в целом, удерживает его традиционную семантику. *Под* 'выстил, днище любого очага'. Семантика давняя, известная с древних времен славянским языкам[5]. Ее устойчивость определена неизменностью самой реалии. В быту русского народа слово и реалия получили широкое распространение благодаря русской печи, нижняя горизонтальная поверхность которой называется *подом*. Отмеченное повсеместно, слово *под* — производящая основа многих однокоренных слов: *подовые хлебы, подовые пироги* — испеченные прямо на поду без противня. Устойчивость во времени реалии обеспечивает подобную же устойчивость и неизменность обозначающего его слова. Ср. в "Житии протопопа Аввакума (1663—1664): Он [юродивый] в хлѣбне той после хлѣбовъ в жаркую печь влѣзъ и голым гузном сѣл на *поду* и, крошки подбираючи, естъ [Карт. Слов. XI—XVII вв.] и у М. Горького "Лопата пекаря зло и быстро шоркала о *под* печи, сбрасывая скользкие вареные куски теста на горячий кирпич" ("Двадцать шесть и одна").

Снижение роли печного отопления в наше время, почти повсе-

---

[4] См. главу 3, где на материале кожевенного производства приведены многочисленные и многообразные примеры распространения исконно русских однословных терминов.

[5] Рассматривая славянскую ремесленную терминологию, О.Н. Трубачев относит слово *под* (**под*ь*) к праславянской гончарной терминологии (*Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповой реконструкции. М., 1966. С. 207—208). Здесь мы не говорим о других значениях слова *под*, отмечаемого словарями: 'пол, низ, земь, настил долу, подошвенная выстилка, дно' || *Подъ в избе крестьянской, жернов — угол, кутник, кут, род нар; || Стожной, скирдной под,* южн., остожье, подстожье, очищенное место иногда с подстилкою' [Даль, IV]. Специализированную семантику имеет слово *под* в языке физической географии: 'низ, подошва горы, дно, плоская степная впадина, замкнутое понижение, круглое или овальной формы, временное озерко в ней' [Мурзаев, с. 443]. (В квадратных скобках указываются источники. Полное наименование см. в "Списке источников и сокращений". Цифра в квадратных скобках обозначает порядковый номер ГОСТа по "Списку...")

местный переход на фабрично-заводское хлебопечение значительно снижают распространенность слова *под*; создаются внеязыковые предпосылки для перехода его в разряд устаревающей лексики. В терминологии же такого снижения в употреблении лексемы *под* нет и не может быть. Во многих сферах производственной деятельности, там, где применяются печи (в металлургии, в производстве селикатно-керамических изделий и углеродных материалов и др.), слово *под*, сохраняя свою бытовую семантику, входит необходимым компонентом в составные ТЕ, унифицированные и стандартизованные благодаря выработанной дефиниции. В рекомендациях Международной организации по стандартизации терминологии по разделу "Силикатно-керамические и углеродные материалы и изделия" [47] находим: *под горшковой печи, под камеры, под, лещадь, под топки, под туннельной вагонетки.*

В понятиях терминов предметной категории рассматриваемый компонент (*под*) выполняет различную классификационную роль. Если в приведенных примерах эта роль партитивная, т.е. в компоненте *под-* выражено указание на часть предмета, то в терминах, называющих разные виды печей, эта роль уже конструктивная: *печь с вращающимся подом, печь с выдвижным подом, печь с подом на роликах, печь с шагающим подом.* Само многообразие классификационных функций, выпадающих на элемент *под* в составе стандартизованных терминологических единиц (ТЕ) различных терминосистем[6], отвечая разнообразию внеязыковых реалий, неоспоримо свидетельствует о номинативной незаменимости слова *под*, его идиоматичности.

Итак, реликтовый признак многих диалектных элементов в терминологии в основном определен древностью происхождения такого термина. Однако другой признак — традиционность употребления и, главное, способность быть применимым к новому денотату в результате разных семантических трансформаций на разных этапах его истории — говорит о словообразовательной продуктивности такого элемента, закрепившегося в той или иной терминосистеме[7].

Неизменность определена внеязыковой опорой терминов, восходящих к народно-диалектной основе. В самом деле, пахать, сеять, полоть, вывозить на поля навоз (а теперь — минеральные удобрения), убирать урожай — непременные занятия земледельца во все времена. Широкая механизация сельскохозяйственного производства облегчила труд в поле, но основной сущности этих занятий не изменила. Язык, и прежде всего его лексическо-фразеологический фонд, отражает это. Новые слова и словосочетания, особенно мно-

---

[6] Ср. в ГОСТе [16] кроме приведенных отмечаются примеры *камерная электропечь сопротивления с выдвижным подом, электропечь сопротивления с шагающим подом, электропечь сопротивления с наклонным подом, электропечь сопротивления с пульсирующим подом.*

[7] В каком-то отношении древнее слово *под* и древнее слово *земля* аналогичны. Разница лишь в сфере употребления их в современном языке: одно из этих слов (*земля*) — слово общего языка (и терминосистем также), а другое (*под*) — более узкое по сфере употребительности, менее актуализировано со стороны экстралингвистической.

гочисленные в последние десятилетия, не служат помехой для существования старых (реликтовых?) слов. Традиционное содержание их осовременивается, обрастает новыми значениями, служит производящей базой для появления новых слов и при этом сохраняет свой изначальный смысл. Если слово "реликт" и приложимо в этом случае, то с очень существенными оговорками.

Другое дело, когда речь заходит об активном влиянии диалектного словаря на терминологию в наши дни. Вряд ли сейчас идет массовое заимствование диалектных слов для обозначения вновь появляющихся производственно-технических реалий и понятий. Причины этого понятны. Они определены исторической эволюцией взаимоотношений города и деревни (если упрощенно идентифицировать город с литературной речью, а деревню — с диалектикой). Бесспорно, влияние современной деревни на город по всем возможным параметрам намного уступает влиянию города. Деревня меняет свой предметно-понятийный фонд под воздействием города, а не наоборот. Одновременно с экстралингвистическими переменами идет и изменение лексического состава языка современной деревни. Влияние общелитературного словаря на сельскую речь в наше время необратимо, оно повсеместно и глубоко[8]. В этих условиях заимствование стилистически нейтральной лексики предметно-номинативного содержания из говора в литературный язык затруднено. Это общее мнение, оно укрепилось в литературе, стало непререкаемым[9]. Вместе с тем такая категоричность становится определенным тормозом в изучении процессов выхода местной лексики за пределы узкорегионального употребления. Такой выход есть. Случаи эти не столь многочисленны и встречаются по преимуществу в терминологических сферах. Здесь местные слова получают новое семантическое наполнение, обнаруживая новые словопроизводственные возможности.

Активная словообразовательная деривация на основе корневых морфем собственно местных слов (или слов сельскохозяйственной сферы) распространяет свое действие на самые разные тематические группы сельскохозяйственного словаря: авто*зимник* — 'зимняя дорога для автомашин', авто*кормушка, грибоварка, грибоварня, мель*завод — 'завод производящий помол муки', стекло*холст* — 'нетканый материал из стеклонитей', *стого*образователь — 'автоматическое стогообразующее приспособление к комбайну' [НСиЗ 1971].

В этот список сложных слов органически вписываются такие лексемы, корневые морфемы которых — одна или обе — своей семантикой неизвестны литературному языку: льно*теребилка* или льно*теребильщик* (из *теребить лен* — 'дергать лен'), *дежа*опрокидыватель (от *дежа* — 'квашня') — 'механизм для опрокидывания дежи в хлебопекарной промышленности', *ботво*измельчитель, *ботво*отводитель

[8] Подробнее об этом см. в: *Коготкова Т.С.* Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970; *Она же.* Русская диалектная лексикология. Состояние и перспективы. М., 1979.

[9] Русский язык и советское общество. Лексика современного русского языка. М., 1968. С. 153.

(*ботво*отвод), *ботво*подъемник, *ботворез*. Наименования механизмов и приспособлений, в которых корневая морфема — местное слово — особенно подчеркивает современный характер появления таких слов. Понятийный и логический смысл их шлифовался и уточнялся в разных классификационных рядах сферы фиксации.

Будучи узаконенными в терминологиях, рассматриваемые терминологические новообразования становятся единой лексикой сельскохозяйственного языка, минуя этап узколокальной прикрепленности.

Не исключается при этом для таких терминов международная стандартизация. Приведенные выше наименования механизмов с компонентом *ботва-* взяты нами из [Восьм. с/х сл-рь].

Примеры с термином *ботва-* и его производными являются возражением "с фактами в руках" против мысли о том, что местные по происхождению термины могут затруднять стандартизацию и унификацию терминологии. В основе любой стандартизации (и на национальном, и на международном уровне) лежит не генетический принцип корнеслова терминов, а денотативная и понятийная соотнесенность стандартизируемых и унифицируемых терминов. Предпосылки стандартизации обусловлены самой жизнью. Необходимость скорейшего внедрения в жизнь новых достижений науки и техники, расширение и углубление связей между разными отраслями производства требуют адекватного взаимопонимания при профессиональном общении. Это относится как к ситуации внутрисоюзной, так и международной[10]. Стандартизация становится, таким образом, важным фактором не только общественной коммуникации, но и материального производства. Повышение качества стандартов обеспечивает правильное однозначное понимание устанавливаемых в них правил, норм, требований, показателей и т.д. Для международной стандартизации основная задача заключается в становлении однозначного понимания терминов, способствующего сотрудничеству в разных областях. Эти виды сотрудничества затрагивают как традиционно сложившиеся стороны человеческой деятельности, так и самые новейшие, что непосредственно отражается в номинативно-терминологическом составе стандартизуемых отраслей. Еще один весьма показательный пример выхода на уровень международной стандартизации термина, имеющего не только длительную историю в русском языке, но и полноценно бытующего в общенациональном речевом обиходе. Слово *кряж* и в литературном языке, и в говорах известен как специализированный термин лесного промысла: 'толстый, короткий обрубок бревна из близкой к корню части дерева' [Ушак.][11]. Ведущие признаки реалии — кряжа, такие как толщина (объем) и пригодность к распиловке (функциональное назначение), стали основными классификаторами его специализированной семантики. В ГОСТе [20] "Продукция лесозаготовительной промышленности. Термины и определения" дается следующая дефиниция: *Кряж*

---

[10] *Волкова И.Н.* Стандартизация научно-технической терминологии. М., 1984. С. 3.

[11] Другие значения слова *кряж*, отмеченные в различных словарях, здесь не рассматриваются.

'круглый деловой сортимент для выработки специальных видов лесопродукции". Родовой термин *кряж* конкретизируется в многочисленных видовых в зависимости от их назначения: *кряж авиационный, кряж аккумуляторный, кряж карандашный, кряж катушечный, кряж клепочный, кряж колодочный, кряж лыжный* и т.д.

Стандарт СЭВ 1262-78, взявший за основу родовой термин *кряж* и дословно повторивший только что приведенную дефиницию ГОСТа [20], фиксирует и видовые ТЕ: *кряж катушечный, кряж клепочный, кряж стружечный, кряж ступичный, кряж судостроительный.* В примечании, сделанном при дефиниции, разъясняется: "К специальным видам лесопродукции относятся, например, авиационные, резонансные пиломатериалы, лыжные заготовки". Таким образом, имеет место совпадение в выделении самих терминологических единиц, конструируемых лексемой *кряж*, как в национальном ГОСТе, так и международном стандарте. Единичное расхождение в формулировке дефиниций одного и того же термина типа 'кряж, предназначенный для катушечных заготовок' и 'круглый сортимент для выработки заготовок шпуль, катушек и ткацких челноков' не меняет картины сущностного сходства реалий, обозначенных одним и тем же термином.

Итак, проблема выявления диалектного по происхождению элемента в составе современной терминологии достаточна сложна и неоднозначна. Сразу же следует предупредить, что установление общего количества таких элементов не по силам одному исследователю. Эту задачу мы разрабатываем на отдельных ГОСТах. Но уже в начале исследования очевидно, что генетически местные термины, воспринятые многими терминосистемами и коммуникативно полноценные в них, обнаруживают прочную стабильность. Они являются базой для образования новых терминологических единиц. Говорить о них как о реликтах можно лишь в плане этимологическом, отнюдь не в коммуникативном или функциональном.

Возвращаясь к разговору об определении объекта настоящего исследования, необходимо указать на сложность, состоящую не столько в отграничении нашего материала от терминов-интернационализмов или терминов, генетически чужеязычных, сколько о выделении диалектного ядра из общенародной лексики ("своего" из "своего"). Не надо доказывать, что диалекты и современные терминологии (не без оснований называемые иногда подъязыками в силу своей функционально-коммуникативной обособленности), а также литературно-нормализованный язык общенародного пользования — все это один и тот же национальный русский язык (этноязык). И категориально-грамматически, и лексико-семантически между ними много общего, особенно в прошлом. Взаимодействие этих относительно автономных систем между собой постоянно и многообразно. Поэтому установить собственно диалектный элемент бывает трудно, а подчас и невозможно.

Сравнительно легко вычленить лексемы, противопоставленные общенародной лексике в плане выражения. Ср. *свиль, сувой* 'вить слоев и жилок или волокон в дереве, *протвпл. прямослой: свиль березовая* или *кленовая*' [Даль]; в специальном употреблении в современном

языке: 1. То же, что *косослой* — 'витообразное расположение волокон в дереве, делающее его непригодным для технической обработки'; 2. 'Волнистая прослойка, ласа, полоса в стекле' [Ушак]. Последняя семема принята при стандартизации терминов в силикатно-керамическом производстве.

Надо иметь в виду, что лексическая система всякого говора, как и диалектов в целом, складывается из двух неравных групп слов: ме́ньшей, которая дифференцируется в плане выражения с словарным составом общенародного языка, и бо́льшей, совпадающей с ним. Термины, имеющие свой "местный прототип" в первой группе, легко обнаруживаются (*свиль, обечайка*), восходящие же ко второй таким свойством не обладают. Тем не менее к исследованию привлекаются и они.

Что же касается критерия, на который принято опираться при определении диалектного слова как такового — локальную ограниченность ('диалектное слово всегда имеет изоглоссу меньшую, чем общерусское распространение'), то этот критерий в приложении к специализированной лексике говора теряет свою релевантность. Диалектная лексика со специализированной семантикой отразила как многовековую эволюцию того или иного конкретного ремесла (занятия), так и противоречивые и сложные условия собственно языкового развития каждого говора. С уверенностью можно сказать, что специализированная лексика говора, особенно та часть ее, которая совпадает в плане выражения с общенародной лексикой, это лексика широкого ареала распространения[12].

Коммуникативная полноценность терминов, восходящих к диалектной речи, и функциональная тождественность их терминам общенародного происхождения дают основание многим терминологам не считать русские диалекты источником генетически специфических терминов. Так, один из основателей русской терминологической школы акад. А.М. Терпигорев, говоря о способах образования технических терминов и выделяя при этом три пути, два из них связывает со словарным составом родного языка: а) построение словосочетаний, производных, сложных или усеченных слов, б) изменение значений существующих слов и в) введение иноязычных заимствований. Последний противопоставлен двум первым.

---

[12] Сама попытка привязать слово или группу слов со специализированной семантикой к тому или иному ареалу распространения (этим долгие годы отличались работы по диалектной лексике, написанные под влиянием господствующей в диалектологии методики лингвистической географии) по мере появления новых исследований подвергается коррекции. Ср. одну из таких поправок: "В статье О.И. Блиновой о терминах льнообработки, прядения и ткачества как западносибирские квалифицируются слова *рвать, брать, мять, трепать, мялка, прялка, набелки, ниченки, зев, изгребье, чисменка.* В группы с более узким ареалом бытования в русских говорах включены слова *кострига, стена* (единицы измерения пряжи), *навой, ценки, подножки, кроснина.* По нашим наблюдениям, эти все слова распространены и на территории Южного Урала (*Максимов Б.Б.* Замечания о лексике промыслов и ремесел // Вопросы лексикологии. Сборник девяносто седьмой. Свердловск, 1969). Поддерживая Б.Б. Максимова, заметим, что слова *брать, прялка, набилки, ниченки, зев, кострика* и др. фиксируются и в южнорусских, рязанских говорах [Деул.].

Выступая от имени Комитета технической терминологии, А.М. Терпигорев призывает специалистов, занятых терминированием, избегать иноязычных заимствований при составлении терминологических классификаций и отборе терминов, ибо "термины иноязычного происхождения обладают существенным недостатком: они препятствуют простоте и доходчивости всей терминологической системы"[13].

По нашему замыслу, основу языкового материала настоящего исследования должна составить не просто диалектная предметно-номинативная лексика со специализированной семантикой, а та часть ее, которая вошла в стандартизованные терминосистемы (ГОСТы) или какие-либо иные издания сферы фиксации (специализированные словари, энциклопедии, словники и т.п.). Ретроспективный поиск (от унифицированного и стандартизованного термина той или иной современной терминосистемы к некодифицированному слову-прототипу диалектной речи) находит опору в тематической классификации местной лексики.

Известно, что в диалектной лексической системе, так же как и в говорах в целом, сложились и до сих пор продолжают полноценную жизнь предметно-тематические объединения слов, являющиеся наименованиями реалий (понятий) той или иной внеязыковой сферы, связанной с производственной деятельностью людей (лексика ткачества, лексика и терминология рыболовства, сельскохозяйственная, лексика разных ремесел и промыслов и т.п.). Этот обширный языковой материал описывался и продолжает описываться в многочисленных диалектно-лексикологических работах разной проблемной направленности.

Содержательно исконно русская терминология восходит к предметно-номинативным пластам словарного фонда национального языка. Не все лексемы, что заполняют такие пласты, являются терминами в современном их понимании, включенными в ГОСТы, ОСТы или в специализированные словари, обслуживающие повседневную речевую практику (устную и письменную) профессионалов разных областей. Провести же грань между словом-наименованием и термином сложно. Сама же потребность подобного разграничения выглядит по-разному в лингвистических исследованиях неодинаковой проблемной направленности. Незначительная в историко-этимологических[14], она становится принципиально значимой в работах на совре-

[13] *Терпигорев А.М.* Об упорядочении технической терминологии // ВЯ. 1953. № 1. С. 76.

[14] Вот что пишет по этому поводу О.Н. Трубачев: "Употребляя в этой работе большое число раз слова терминология, термин, мы чувствуем необходимость оговориться, что пользование этими словами продиктовано здесь в значительной мере соображениями удобства, а не какими-то принципиальными установками. Дело в том, что строгость и однозначность употребления в языке названий такого рода, обозначаемых нами как термины, обычно не превышает средние величины этих показателей для прочих компонентов словаря и не составляет, по-видимому, той обязательной характеристики, которая должна отличать термин от слова вообще" (*Трубачев О.Н.* Указ. соч. С. 62). Такими же соображениями удобства для описания и анализа материала в настоящей работе продиктовано применение в равном значении терминов *специализированная лексика диалекта (говора), номинативно-производственная лексика диалекта (говора), профессионально-производственная лексика говора* и др.

менном материале, обращенных к изучению коммуникативно-языковой деятельности общества, ибо такое разграничение обеспечивает основную характеристику термина — его точность[15]. Точность и однозначность термина создают "коммуникативный комфорт"; в работе по стандартизации и упорядочению научно-технической терминологии на национальном, региональном и международном уровнях ставятся эти же цели.

Принципы и обоснования, на которых строилась и строится деятельность по упорядочению терминологий в нашей стране, выводятся из анализа недостатков существующих терминологий: только после этого следуют разработка требований к терминосистемам, методы их упорядочения, а также вопросы построения классификаций и определений и способов построения новых терминов. В соответствии с этим к термину как особой функционально-значимой единице языка предъявляется ряд непременных требований: как языковой знак термин должен быть соотнесен (связан) с соответствующим понятием в системе понятий определенной области знаний, термин в пределах той или иной научной или технической дисциплины должен быть однозначен, точен, краток и, по возможности, мотивирован. Термин не должен содержать в себе ни модальности, ни экспрессивности, он "точен и холоден" (по выражению А.А. Реформатского)[16]. Все эти свойства термина как языкового знака вырабатываются сознательно, путем договоренности. В конвенциональных акциях создается и дефиниция термина, объединяющая в себе необходимое, но достаточное количество признаков для объяснения понятия (или реалии). Идеальная пропорция необходимых, но достаточных признаков при построении конкретных дефиниций достигается с большими усилиями, отсюда то скептическое отношение к терминологической дефиниции, которое встречается у разработчиков терминов и авторов словарных статей в словарно-энциклопедических пособиях[17].

В поле нашего зрения попадают отвечающие изложенным требованиям стандартизованные (или нестандартизованные) термины, прототипом которых (по содержанию и по форме) является то или иное слово (или семема) народно-диалектной речи. Для предметных терминов они восходят к одинаковому по функции или конструктивно денотату. Отсюда и сходство ведущих сем в смысловой структуре стандартизованного термина и его диалектного прототипа.

Связь лексической системы языка с материальной и духовной культурой народа определяет и другой ведущий критерий настоящей работы — тематический. Акад. В.В. Виноградов подчеркивал особую

---

[15] Подробнее об этом см.: *Терпигорев А.М.* Указ. соч.; *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961; *Даниленко В.П.* Указ. соч.; *Канделаки Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов. М., 1977; Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968; *Волкова И.Н.* Указ. соч.

[16] *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного совещания. М., 1961. С. 52.

[17] *Мостовенко Н.П.* Дефиниция в советских универсальных энциклопедиях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.

роль национально-исторического момента в формировании и становлении терминологии в целом. "История терминологии той или иной сферы нашей культуры, производственной деятельности — это вместе с тем повесть о закономерностях развития знаний о природе и обществе"[18]. Национальная окраска терминологии содержится уже в самом тематическом (идеографическом) аспекте ее. Традиционные и наиболее древние занятия народа — земледелие, животноводство, бортничество, рыболовство и охота дополнялись и другой производственной деятельностью, носившей преимущественно домашний характер. "Вплоть до XIX в., — пишет акад. Б.А. Рыбаков, — почти каждая крестьянская семья своими силами рубила избу, ладила соху, борону, ставила ткацкий стан, дубила овчины, пряла и ткала лен, изготавливала деревянную мебель и утварь". Наряду с домашними занятиями в Древней Руси выделяются многообразные ремесла по изготовлению товаров на заказ. Это — кузнечное, литейное, гончарное дело. В XV в. разряды ремесленников расширяются за счет плотников, сапожников, кожевенников, портных, бочаров и т.п. В городах такое выделение ремесел в постоянное занятие идет быстрее, растут мастера-специалисты[19].

Базирующееся на домашнем быте ремесленное производство Древней Руси находило соответствующее отражение в лексике. Ремесленно-промысловая лексика формировалась на основе переосмысления бытовых (повседневных) слов, т.е. имело место семантическое терминообразование. Семантические термины — типичные языковые образования в сфере номинативно-производственной лексики.

В общей эволюции терминологии русского языка нельзя недооценивать данного этапа. Именно в это время в соответствующих производственных сферах закладываются основные представления о самих реалиях, об их свойствах, процессах и состояниях. Устойчивость многих сторон хозяйственно-производственной деятельности народа обусловливает стабильность и неизменность лексики этих сфер (принцип слово ⟷ вещь). Именно по этой причине срабатывает обратная связь: слово становится свидетелем существования реалии в прошлом. В слове видят опору для построения своих концепций и специалисты по истории материальной культуры: "Существенным разделом этнографических материалов является словарный запас русского, украинского, белорусского и других славянских языков, восполняющий и комментирующий древнерусскую терминологию", — пишет Б.А. Рыбаков, строя свою обширную систематизацию ремесел Древней Руси прежде всего на данных археологических раскопок[20].

Древний многовековой период накопления народных знаний исследователи называют донаучным периодом в формировании терминологической лексики и придают ему серьезное значение[21]. Началом

[18] *Виноградов В.В.* Вступительное слово // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961. С. 6—7.

[19] *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 182.

[20] *Рыбаков Б.А.* Указ. соч., с. 27; аналогичные и регулярные сопоставления словарных данных с реалиями древнего славянства и в других работах: *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.

[21] *Герд А.С.* Язык науки и техники как объект лингвистического изучения. — Науч. докл. высшей школы. Филол. науки. 1986. № 2.

собственно научного этапа русской терминологии принято считать XVIII в.; к изучению терминологий отдельных наук этого времени ученые-лингвисты уже приступили. Ср., например, обстоятельные исследования Л. Кутиной терминологии физики, математики, астрономии и географии в первой трети XVIII в.[22]

Отличительная особенность донаучного этапа в формировании специализированной лексики[23] состоит в том, что основные наименования профессиональной деятельности в этот период, так же как и сам предметно-номинативный фонд, складывались и определялись в устном речевом обиходе. Отдельные стороны этого опыта, получившие словесное выражение, и сейчас в эпоху бурного развития наук и знаний входят как системно-организованные звенья во многие терминосистемы.

Дальнейшее развитие науки и индустриального производства значительно видоизменило специализированную лексику. Бурное терминообразование по семантическим и словообразовательным моделям русского языка дополнялось интернациональными терминами-заимствованиями из других языков.

Сопровождающая рост научных знаний дифференциация наук и производств повлекла за собой распределение по разным сферам связанной с ним профессионально-терминологической лексики. В науке утвердился термин "подъязык" для обозначения лексического состава той или иной сферы науки и деятельности. Самобытно-национальный элемент как бы растворился во множестве новообразований, и особенно массовых и не всегда оправданных заимствований. Он стал невидимым, а для кое-кого и помехой в терминостроительной практике. Возникает научная задача выявить и определить удельный вес национально-самобытного элемента на современном этапе существования русской терминологии.

Изучая связи истории русского языка с диалектологией, акад. В.В. Виноградов писал: "Роль живой народной речи и ее говоров была очень велика и в развитии научной и профессионально-технической русской терминологии. Язык исторической (особенно военной), географической, общественно-политической, естественно-научной и технической литературы исстари обнаруживал свою связь с народно-областными выражениями"[24].

Для характеристики нашего словарного материала, не имеющего строгого ареала закрепления, включающего в свой состав элементы просторечия, а также обиходно-бытовые слова общенародного распространения, мы используем термин "народно-диалектная лексика",

---

[22] *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964; *Она же.* Формирование терминологии физики в России: Период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л., 1966.

[23] Здесь мы придерживаемся более принятого и определенного термина "донаучный", а не "доиндустриальный" этап в формировании терминологии, что иногда можно встретить в литературе.

[24] *Виноградов В.В.* Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978. С. 211.

"народно-диалектное слово". Такой термин в данной работе представляется нам более точным, чем термин "диалектная лексика"[25].

Задаваясь целью выявить самобытно-национальнй элемент, мы обращаемся к наиболее признанным и авторитетным собраниям терминологической лексики — текстам государственных и отраслевых стандартов. Методом ретроспективного поиска от стандартизованного термина к его народно-диалектному прототипу устанавливается принадлежность термина к его национальным истокам. В качестве сопоставления привлекаются многочисленные областные словари, как дореволюционные, так и современные, ибо в них прежде всего и отражена устная речевая практика народа.

Вместе с тем, как бы при этом ни было необходимо само такое сопоставление, для нас оно не является единственным при квалификации привлекаемых языковых фактов как самобытно-национальных элементов. Существенными аргументами для подобных квалификаций, с нашей точки зрения, являются и функционально-семантические характеристики специализированной лексики в диалектно-языковой системе, и выявление специфических особенностей в процессах семантизации слов при построении дефиниций и стандартизованных терминов.

---

[25] Известную поддержку для нашего термина мы видим в термине "народно-областной", используемом в цитируемой работе В.В. Виноградова.

Глава 1

НАРОДНО-ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И СОВРЕМЕННЫЕ УЗАКОНЕННЫЕ ТЕРМИНЫ

Выделение народной речи как основной среды самобытной национально-русской терминологии заставляет нас обратить особое внимание на областную русскую лексикографию. Областные словари — основной источник для поиска прототипа стандартизованного (или нестандартизованного) современного термина и для сопоставительного анализа его содержательного (реально-специализированного) наполнения. Областной словарь — вторичный источник с заданными свойствами. Для нас он является средоточием профессионально-производственной лексики[1].

Областная лексикография[2] располагает достаточно обширным списком областных словарей, начиная со словарей XIX в. и кончая словарями сегодняшнего дня, составление которых активизировалось в последние десятилетия. Современные словари фиксируют слова живой народной речи. Хронологический срез народно-диалектной лексики в них достаточно широк. Первую запись областных слов В.Далем исследователи относят к 1819 году[3]. Если иметь в виду весь список областных словарей, то следует отметить, что наблюдения за областной лексикой производственного и ремесленно-промыслового содержания ведутся уже более полутора веков. Продолжительность периода свидетельствует (при условии, что слово отмечено в словарях) об устойчивости или неустойчивости слова и его семантики, о характере семантических сдвигов в нем, наконец, позволяет увидеть коммуникативные сбои при употреблении слова с профессиональной семантикой в народно-диалектной среде и применение его же в среде современных производственников.

В соответствии с поставленной проблемой наше внимание, естественно, привлекают те лексикографические издания, в словнике которых наименования реалий, процессов, свойств предметов, относящихся к многочисленным видам хозяйственной и производственно-промысловой деятельности народа, занимают заметное место.

Потребность свести воедино специализированные слова и их

---

[1] *Котков И.С.* О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение как история русского языка. М., 1964. С. 8; *Он же.* О лингвистических источниках с заданной информацией и некоторых других // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 5—6.

[2] См. "Список источников и сокращений".

[3] *Канкава М.В.* В.И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958. С. 54.

пояснения стала ощущаться уже в начале XIX в. Создание терминологических словарей, выходивших либо отдельными, либо прикнижными изданиями, составляло в России прошлого одну из заметных сторон деятельности различных профессиональных объединений (например Русского технического общества, Общества русских врачей, Гидрографических департаментов и под.).Словники этих лексикографических пособий, как правило, были невелики, а по составу слов (местных и общеупотребительных) неоднородны[4].

Выход России на капиталистический путь развития, первые шаги по интеграции промышленно-производственной деятельности выдвинули на повестку дня упорядочение самого речевого общения. Журнал "Отечественные записки" (1841. № 7) в одной из статей, рекламирующих словарь по терминологической лексике, писал: "Сельское хозяйство, как и всякая наука, имеет свою обширную терминологию, устрашающую незнающих множеством странных слов, которых верное применение узнать не так легко, как это кажется с первого взгляда, тем более что сельское хозяйство заключает в себе несколько разнообразных предметов..."

Таким изданием явился "Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного" В.Бурнашева (СПб., 1843). Автор словаря помощник директора Удельного земледельческого училища проделал огромную работу. В предисловии к "Опыту" он пишет: "Для собрания и пояснения этих 25 000 терминов я должен был прочесть, а не пролистовать около трехсот томов разных сельскохозяйственных универсальных и специальных книг на русском языке, поставить себя в сношения с множеством производителей по разным отраслям сельского хозяйства, беседовать часто с простолюдинами, посещать разные мастерские, постоялые дворы, лавки, рынки, торжища, народные собрания и проч." (с. II). Словник "Опыта", организованный на базе литературно-письменных источников специализированного содержания и записей живой народно-разговорной речи, удовлетворял запросы производственников и промысловиков разных профессий и разных уровней. Установка на "всеобщность" словника "Опыта" делала издание полезным в широких читательских кругах деловых людей. Вместе с тем, понимая ту роль, которую все еще играют в речевом обиходе русского народа местные слова, и не желая потерять эту группу возможных потребителей своего словаря, В.П. Бурнашев поясняет: "Жители северной, южной, средней, западной и восточной России найдут в этом собрании слов много таких, которые свойственны их местностям. Люди, незнакомые с терминологиею разных стран России, найдут в этой книге почти все то, что им нужно будет для сношения с разными и различными производителями" (Там же).

Местный фактор в "Опыте" преодолевался с помощью сопоставительной подачи общенародного слова и его диалектного синонима. Толкование дается, как правило, при первом слове, а при втором — лишь ссылки на первое. Ср.:

[4] См. оценку этих изданий в предисловии к: *Кауфман И.М.* Терминологические словари. Библиография. М., 1961.

www.ruslang.ru
Институт русского языка РАН в Библиографии
8 4578

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Дуру́нда. См. Дуранда.

Дуранда или **дурунда.** Выжимки, остающиеся после выжимания масла. То же, что *избоина* или *жмыхи.*

За́корм. То же, что *закром.* См. это слово.

За́кром. 1) В хлебных *амбарах* так называется большой неподвижный ларь, в который ссыпают *жито.* Разделы закрома называются сусеками или засеками. 2) В мукомольных мельницах помещение с перегородками, находящееся в верхнем ярусе, над воронкою, и служащее для ссыпки пшеницы. На дне его сделано отверстие, через которое зерна падают в воронку, а оттуда поступают на поставы или снасти.

Словарь содержит около 25 тысяч слов. Тематический диапазон его очень широк. В.Бурнашев пишет в предисловии: "Слова эти принадлежат и полеводству, и луговодству, огородничеству, садоводству, домоводству, домостроительству, скотоводству, овцеводству, коневодству, свиневодству, пчеловодству, птицеводству, рыбоводству, рыболовству, лесоводству, хмелеводству, шелководству, землеизмерению, плотничеству, кузнечеству, столярничеству, бондарничеству, слесарничеству, кожевничеству, кушнерству, портняжничеству, сапожничеству, сукноделию, ткачеству, валянию, солодовничеству, медоварению, салотоплению, воскобелению, свечелитству, пивоварению, свежеванию, хлебопечению, торфоразысканию, свеклосахароварению, паточному и крахмальному производству, виноградо-развождению, виноделию, винокурению, смолосадничеству, гончарничеству, соловарению, соледобыванию, рудокопству, металлоплавлению, птицеловству, звероловству, судостроению, судоходству и проч. И наконец житию-бытию русского простолюдья, т.е. обрядам, обычаям, описанию жилищ, пищи, шития, одежды, обуви, времяпрепровождения, увеселений и проч., проч. в разных полосах нашего обширного отечества".

Мы считаем, что этот словарь, как никакое иное справочное издание прошлого по специализированной лексике, отвечает задачам и проблемам настоящей монографии. Поэтому именно "Опыт" В.Бурнашева мы используем при сопоставлении с современными терминами, и этим объясняется то подробное описание, которое мы даем этому словарю.

"Опыт" В.Бурнашева был горячо встречен читающей общественностью, инициатива автора была поддержана Императорским вольным экономическим обществом, на средства которого словарь был опубликован. Хотя "Опыт" не исчерпал всей лексики, значение словаря состоит в том, что он всем своим языковым материалом, если взглянуть на него с точки зрения исторического развития производства в России в целом, как бы завершает этап ручного производства, на смену которому идет труд механизированный. И сейчас "Опыт" В.Бурнашева "является ценным и единственным в своем роде пособием для исследователя, занимающегося изучением истории любого из производств, терминологию которых зафиксировал словарь"[5]. Академик И.И.Срезневский, видя многие недочеты "Опыта",

---

[5] *Толикина Е.Н.* Русская ремесленно-промысловая терминология первой половины XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени: (Словарь В.Бурнашева). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1954. С. 12.

в рецензии на словарь писал: "...все же в нем 25 000 слов — громада, над которою нельзя было не трудиться много, в которой, при первом ее собирании, нельзя было не растеряться... Нельзя не желать, чтобы и по другим отраслям сделано было хотя бы то, что сделано В.Бурнашевым по отраслям, им избранным..."[6]

Словник "Опыта" В.Бурнашева во многом повторен в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И.Даля, реально-энциклопедическая, профессионально-бытовая и этнографическая оснащенность которого до сих пор не может идти в сравнение ни с одним предшествующим или современным областным словарем. Однако установка словаря Даля на показ локально-закрепленной лексики и сам принцип толкования слов через подбор синонимов оставляет за "Опытом" преимущества в части собственно терминологического раскрытия слов. В центре внимания "Опыта" — специальное содержание слова; в словаре опущены грамматические, стилистические характеристики слов, как не отвечающие прямому назначению и профилю словаря. Упор на раскрытие специализированного содержания, преодоление местного элемента, достоверность профессиональных сведений, извлеченных из столь же достоверных источников, всякий раз добросовестно приводимых в словарных статьях, позволяют утверждать, что "Опыт" — первое издание в русской лексикографии, в котором слова, ставшие впоследствии терминами, прошли первую терминологическую (унифицирующую) обработку. Сравним дефиниции к слову "жерства", имеющиеся в терминологических словарях с определением Даля[6а]:

Бурнашев: первый каменный слой под землею на каменистой почве;

Толковый словарь по почвоведению [ТСП]: плотные твердые конкреции иногда полные изнутри;

Даль: *запад.* крупный песок, крупнее дресвы, искрошенный или рассыпчатый песчаник, в пласту; первый слой каменистый подпочвы, подруб, подзем, подземок холодный из жесткой глины.

Словарь В.Даля включил в свой словник более четырех тысяч слов терминологизированного содержания. И хотя одной из ведущих установок его был показ ареального закрепления слов (эта установка, естественно, распространяется и на интересующие нас здесь слои слов), тем не менее, как показали исследования далева словаря уже в наши дни, одна треть ремесленно-промысловой терминологии вошла в состав общенародного распространения и только десять процентов ремесленно-промысловой лексики характерны для отдельных ареалов. Все это говорит об общенациональном характере ремесленно-промысловой лексики и служит, как справедливо замечает один из исследователей словаря В.Даля, "ярким показателем единства русского языка, несмотря на наличие в нем наречий и говоров"[7].

Для изучения национальных корней и национальной окраски сов-

[6] Цит. по: *Кауфман И.М.* Терминологические словари. Библиография. С. 9.

[6а] Пример из: *Нуржанова Д.К.* Способы номинации с/х терминологии. Дис. ...канд. филол. наук. М., 1981.

[7] *Литвинов М.И.* Ремесленно-промысловая терминология в словаре В.И.Даля. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1955. С. 6.

ременной русской терминологии оба словаря (и "Опыт" В.Бурнашева, и Словарь В.Даля) играют первостепенную роль, дополняя, уточняя свои сведения и по части словника, и по части содержательного раскрытия слова.

Обилие терминологической лексики, непрерывное и безграничное возрастание ее затрудняет выявление народно-диалектных прототипов в составе различных терминологий. По этой причине возможно лишь выборочное сопоставление по отдельным терминосистемам. Результаты таких сопоставлений достаточно эффективны[8].

Разговор о сохранности исконно русского элемента в составе современной терминологии тесно связан с вопросом о структуре современных терминов и терминов прошлого. Современное терминопроизводство идет по пути создания составных терминологических единиц, в то время как 25 тысяч терминов в словаре В.Бурнашева — это по преимуществу однословные термины. По наблюдению М.И.Литвинова, простые термины (т.е. однословные) составляют 95% общего количества ремесленно-промысловой терминологии, имеющейся в словаре Даля, а сложные (слова-сложения) и составные — всего 5%[9].

Массовое появление составных терминов обусловлено внеязыковыми обстоятельствами. Процессы механизации и технизации любого производства, в основе которого лежит традиционное ремесло (или даже промысел), это не только дань времени или общему прогрессу, естественно сменившему тяжелые ручные операции на механизированные, но это и видоизменение ассортимента конечного продукта, частичное видоизменение естественных сырьевых ресурсов, замена их искусственными и мн. др. Естественно, все это соотносится со словарно-номинативным фондом.

Кроме экстралингвистических причин на образование составных терминов определенное влияние оказывают и собственно лингвистические факты. Один из них — необходимость разграничить термин в его однозначном понимании в пределах терминосистемы и нетермин (в общенародном употреблении), если лексемы совпадают не только в плане выражения, но и в плане содержания.

Остановимся подробнее только на одном примере. ГОСТ "Волокна и нити текстильные" [6] восходит к ткаческому ремеслу. Всего в ГОСТе зафиксировано 29 терминов, из них только два однословные — *пряжа* и *жгут*. 22 термина — составные атрибутивные словосочетания (модель П + С). Само понятие волокно репрезентируется в ГОСТе в составе видовых сочетаний модели П + С в зависимости от сырьевой основы: *текстильное волокно, элементарное волокно, комплексное волокно, натуральное волокно, искусственное волокно, синтетическое волокно.* (В "Опыте" В.Бурнашева лишь один термин — *волокно* 'тонкая кожица растений, например у льна, конопли'.)

---

[8] В "Орфографическом морском словаре. Опыт словаря-справочника" (М., 1974) Р.Э.Порецкой зафиксировано свыше девятисот областных морских терминов (подсчеты Ф.П. Филина: *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981).

[9] *Литвинов М.И.* Указ. соч. С. 10.

Наименования разных видов нити зависят от ее структуры или материала. Чтобы отделить общенародное слово *нить* с аналогичной семантикой, ГОСТ располагает особым термином: *мононить* 'одиночная нить, не делящаяся в продольном направлении без разрушения, пригодная для непосредственного использования в текстильном изделии'.

Для нас интересны диалектные компоненты в составе атрибутивных терминов. Таковым является *трощеная нить*. Компонент *трощеный* функционально встает в один ряд с генетически разнородными видовыми конкретизаторами родового термина *нить: текстильная нить, элементарная нить, комплексная нить, крученая нить, трощеная нить, натуральная нить, искусственная нить, синтетическая нить, фасонная нить, армированная нить, текстурированная нить.*

В дефиниции *трощеная нить* — 'нить, сложенная из двух или более продольно сложенных комплексных нитей или пряж, не скрученных между собой'. Семантика не скрученного соединения нитей в данном термине четко выступает в сопоставлении с такими ТЕ, как *крученая нить, крученая комплексная нить, крученая комбинированная нить.* Сопоставление идет по признаку соединения нити. *Крученая нить — трощеная нить* — термины, находящиеся в отношениях эквиполентной антонимии, когда смысловое противопоставление между словами идет не по всему объему сопоставляемых понятий, а лишь по части его. Эквиполентная антонимия особенно характерна для семантической систематизации именно в терминологии, в частности в составных терминологических единицах. Языковая антонимия компонентов *крученый — трощеный* здесь уравновешивает само логико-содержательное наполнение реалий — нитей разных по способу соединения.

По происхождению прил. *трощеный* (из страдательного причастия) восходит к народно-диалектному глаголу *тростить — тращивать*[10]. Прядильное значение глагола *тростить — тращивать* в словаре В.Даля также содержит указание на способ соединения нити (или веревки) в процессе ее производства. Это: 'вить, свивать, спускать пряди, сучить; сукать, скать; сдваивать' (т. IV). Синонимический способ толкования, принятый в этом словаре, объединяет слова, семантика которых предусматривает скручивание нити (*вить, свивать)* и не предусматривает этого действия (*сдваивать).* Проверка валентности и семантики глагола *крутить* (и его производных) в этом же словаре как будто проясняет понимание В.Далем прядильного действия *тростить.* Ср.: **Крутить** — вертеть, вить..., завивать...; тростить, сучить (разрядка наша. — *Т.К.*) (т. II). По Далю,

---

[10] Есть разные гипотезы об этимологии глагола *тростить.* Фасмер: «Считают родственным др.-англ. dreasten 'крутить, давить, вынуждать, раздавливать, мучить' [Мацнауэр 353]. Не является более удачным производное из польск. troskać, troszczyć 'беспокоится, заботится' [Желтов, ФЗ, 1876, вып. 1, с. 19] или сравнение с гот. þriskan 'молотить', нем. dreschen — то же [Горяев, ЭС. с. 377]. Не связано также с лат. torqueo 'кручу' [Горяев, там же]» (т. IV, с. 106). Ушаков: «Образовано от *сростить* со вставным "т" между "с" и "р" по типу таких слов, как *страм* из *срам*» (т. IV).

трощеная нить — это, скорее всего, нить из свитых или перевитых между собой волокон.

Представление о прядильном процессе трощения как о свивании нескольких нитей в одну, т.е. действии, близком к скручиванию, устойчиво удерживается в языке. Ср. определение глагола *тростить* в Словаре Ушакова: "*(тех.обл.).* Ссучивать, свивать, соединять (волокна, нити) в одно" (т. IV).

Не исключено, что в областном речевом обиходе для глагола *тростить,* обозначающего одну из операций в домашнем прядении, необходимость подчеркнуть способ соединения нескольких волокон в одну нить (как?) не выражена столь определенно, как это имеет место в технически оснащенном, современном текстильном производстве. Реальная нерасчлененность влечет и диффузию смысловой структуры диалектного слова. С этим свойством диалектных слов согласуются и их толкования в областных словарях. И не только в словарях прошлого века, но и современных. Ср. как противоречиво показана сема 'скручивание нити' в толковании глагола *тростить* в иллюстрированном примере к нему: **Тростить.** 2. Соединять. *Адна нитка, другая нитка, их складали и трастили* [СРДГ, т. III].

Приведенная ранее дефиниция термина *трощеная нить* из ГОСТа [6] не является произвольным изобретением составителей стандарта. *Трощение* нити и *кручение* ее — это две разные операции в современном текстильном производстве. Они определяют крепость нити, что является релевантным признаком, особенно для швейного производства. Именно данный понятийный конкретизатор и является основанием для различения нитей, сложенных по длине в несколько раз (*трощеных*) и затем уже скрученных (*крученых*). Энциклопедические определения по трем изданиям Большой Советской Энциклопедии и Технической энциклопедии [ТЭ] квалифицируют *трощение* как вспомогательный процесс текстильного производства, предшествующий переработке пряжи на крутильных машинах. При *трощении* пряжа очищается от пуха и сора, удаляются слабые и толстые участки ее. В технике текстильного дела *тростильные машины* и *крутильные машины* — это разные агрегаты, так же как и лица, работающие на них, — *тростильщики* и *крутильщики* — это представители разных профессий.

Подробное описание термина *трощеная нить (трощение, тростить)* показательно для проблемы своеязычной терминологии в разных отношениях: во-первых, пример говорит о живой, непрекращающейся связи стандартизованной современной терминологии с народно-диалектной речью. Входя как компонент в составной термин, подобные лексемы выполняют необходимую семантическую функцию. По этой причине они привлекают наше внимание наравне с однословными терминами, восходящими к народно-диалектной речи. Важным для нас в этом отборе является сама лексема и ее смысловые (или функциональные) трансформации при переходе из диалектов в современную терминологию. Во-вторых, разобранный пример доказывает конвенциональность терминологии как особой подсистемы национального языка, подчиненной задачам систематизации и логической

классификации своих единиц. Термину *трощение* предписано значение, идущее частично вразрез с его исконно народным осмыслением, но удобное при его соотнесении с термином *кручение* (нити). В-третьих, пример свидетельствует о преимуществах в современном терминообразовании таких народно-диалектных лексем, которые в плане выражения отличаются от общеупотребительного словаря. Заимствованные из диалекта такие лексемы в языковом сознании лиц, не знакомых с диалектной речью, сливаются со словами чужеязычными — также не имеющими живых мотивировочных ассоциаций. Ср. в ряду видовых конкретизаторов нити, отмеченных в этом же ГОСТе, *нить армированная, нить текстурированная*. Единство формы и содержания лексемы усиливает знаковые позиции термина.

Вернемся к проблеме областных словарей и их источниковедческой роли для нашего исследования, в частности, остановимся подробнее на фиксации ремесленно-промысловой и производственной лексики в современной областной лексикографии. Дореволюционные словари не исчерпали всей лексики рассматриваемого содержания, хотя они составлялись в своем большинстве истинными знатоками местных условий жизни и быта, природы и хозяйствования. Знания эти уникальны, а сами словари подчас являются для современных лексикографов непревзойденным образцом. И тем не менее... Исследователи конкретных предметно-тематических пластов диалектной лексики констатируют неудовлетворительную фиксацию многих звеньев ее, особенно лексики ремесленно-промысловой[11].

С начала новейшей областной лексикографии (середина 50-х годов), когда вырабатывались принципы отбора слов, методы наблюдения за ними в полевых условиях и др., было обращено особое внимание на необходимость фиксации тематическо-специализированной лексики современного говора. Это определялось самим временем. Перестройка диалекта в современных условиях, интенсивная смена предметно-понятийного фонда естественно влечет за собой выпадение многих слов и целых пластов лексики из языковой системы говора. Всякое упущение во времени необратимо для регистрации таких слов. Выпадение традиционно-местных слов, переход их в пассивное употребление находится в жесткой зависимости от наличия или отсутствия внеязыковой опоры в виде конкретной реалии, денотата. Если специфическая для деревни реалия функционально нагружена, то слово, ее называющее, живет в речи всех возрастных и социально-образовательных групп деревенского населения[12].

В дискуссиях тех лет подверглись обсуждению вопросы фиксации и подачи в областных словарях тематически детерминированной

---

[11] *Литвинов М.И.* Указ. соч. С. 2—3.

[12] Например, развитие железнодорожных, водных и воздушных путей сообщения Сибири послужило причиной для выхода из активного употребления лексики ямщины и связанных с ней промыслов. По изысканиям А.М. Кошкаревой 76,9% ото всех изученных ею слов этой тематики (2000 единиц) — архаизмы, пассивный фонд словоупотребления (*Кошкарева А.М.* Лексика ямщины и связанных с ней промыслов в Прииртышских говорах. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1981).

лексики диалектов специализированного содержания. Выдвигалось несколько путей сбора и описания этой лексики.

Согласно одной точки зрения исключалось лексикографическое описание. Эта лексика должна была составить содержание специально ей посвященных монографий. Только жанр монографии позволяет подробно, с уклоном в энциклопедизм охарактеризовать многочисленные реалии крестьянского быта, хозяйствования, ремесел и промыслов и соответствующие им слова. Немалое место в таких описаниях должны найти лингвогеографические характеристики[13].

Другой путь — описание такой лексики в специально ей посвященных словарях. Словари профессий, ремесел, промыслов могут подготавливаться на экспедиционных языковых материалах, но сама задача создания таких словарей должна быть самостоятельной, автономной по отношению к работе над словарями общеупотребительной лексики говора. Такое мнение высказал Ф.П.Филин, который считал, что словари эти должны бы быть исчерпывающе полными; их словники должны учитывать всю лексику, обслуживающую ту или иную сферу деятельности, — как сугубо местную, так и совпадающую с общенародным языком[14]. Это суждение очень важно для постановки и решения (хотя бы частичного) проблемы соотношения общенародного

---

[13] *Аванесов Р.И., Орлова В.Г.* К очередным задачам русской диалектологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1959. Т. 1. С. 5. Частично идея монографического изучения тематических пластов диалектной лексики реализовывалась в диссертационных исследованиях, связанных с разными регионами страны. Ср.: *Палагина В.В.* Современный говор старожильческого населения западной части Томского района Томской области. Томск, 1951; *Руделев В.Г.* Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах. Оренбург, 1958; *Блинова О.И.* Производственно-промысловая лексика старожильческого говора с.Вершинина Томского района Томской области. Томск, 1962; *Богданов В.Н.* Лексика мараловодства как составная часть лексической системы местного говора (На материале говора сел Талицкого сельсовета Усть-Камского района Горно-Алтайской авт. области). Горно-Алтайск, 1965; *Иванова Ф.П.* Предметно-бытовая лексика русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1965; *Лукьянова Н.А.* Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области. Новосибирск, 1966; *Макаров В.И.* Рыболовецкая лексика говоров Нижнего Дона. Ростов/на Дону. 1957; *Храмцова В.П.* Лексика Псковских рыбаков. Л., 1969; *Орлов Л.Л.* Лексика животноводства в современном сельском хозяйстве (Опыт семантико-стилистического исследования на материале современного донского говора). М., 1976; *Курганская Н.И.* Лексика гончарного промысла говоров Брянской области. Л., 1981; *Оленева Т.Б.* Наименование сельскохозяйственных орудий и их деталей (На материале русских народных говоров; период XIX — начало XX в.). М., 1981; *Кошкарева А.М.* Лексика ямщины и связанных с ней промыслов в Прииртышских говорах. М., 1981; *Дементьева Т.В.* Метрологическая лексика брянских говоров. Л., 1983; *Торопчина Л.В.* Наименования народной женской одежды в русском языке XIX века. М., 1983; *Юмсунова Т.Б.* Лексика говора "семейских" Бичурского района Бурятской АССР (На материале трех тематических групп). М., 1985; *Васильев В.П.* Русская метеорологическая лексика Кузбасса (Значение, таксономия и функционирование слов). Томск, 1986; *Битюкова Н.К.* Диалектные и профессионально-просторечные образования в составе научной терминологии животноводства. Саратов, 1984.

[14] *Филин Ф.П.* Некоторые проблемы диалектной лексикографии // Изв. АН СССР. Серия ОЛЯ. 1966. Т. 25. Вып. 1. С. 12.

и местного элемента в составе специализированной лексики диалекта. Фиксация совокупных фактов давала бы исследователям объективно-языковой материал и для оценки современного состояния диалектных лексико-семантических систем и, в частности, для изучения взаимодействия исконно местной и общенародной специализированной лексики.

Несмотря на обоснованность позиции Филина в оценке словарей специализированной лексики говора, особенно если рассматривать их как источник для изучения вопросов генезиса национальной терминологии, намерения создавать специализированные словари диалекта с полным охватом относящейся к ним лексики многим представляются несбыточными, нереальными, а посему представляют лишь теоретический интерес. Возражения оппонентов обосновываются существенными соображениями. Главные из них: 1) в связи с перестройкой быта и хозяйствования в современной деревне лексика ремесел, промыслов и иных домашних производств, утрачивая свое былое значение, быстро выходит из употребления, отмирает, сбор и фиксация ее становятся работой, не терпящей отлагательств; 2) сама же фиксация специализированных слов в говоре требует особой подготовки диалектолога-словарника как на этапе сбора слов, так и в момент углубленной систематизации при написании словарных статей. Составители специализированных словарей должны были бы обладать достаточными знаниями в том или ином промысле (или ремесле), в совершенстве владеть предметом. В массовом масштабе, а работа по составлению областных словарей приобретала именно такой размах в те годы, эта задача не могла быть выполнена.

В результате ни то, ни другое предложение не приобрели установочного характера для лексикографических коллективов, где шла собирательская и словарно-составительская работа. Специализированная лексика диалектов заполняет словник областных словарей наряду с иными разрядами местной лексики в соответствии с принципом дифференциального / недифференциального отбора слов, принятого для каждого словаря.

Отсутствие исчерпывающих сведений как о составе и общем количестве специализированной лексики того или иного производства в говоре, так и об ареальных характеристиках ее заставляет воспринимать отдельные суждения о соотношении собственно-диалектного и общенародного элемента в терминологии диалекта как интересные гипотезы, требующие проверки.

Именно такую модель предложил Б.Б.Максимов, анализируя лексику ремесел и промыслов в одном из говоров Челябинской области. Он пишет: "В систему терминов какого-либо ремесла или промысла [в говоре. — *Т.К.*] входят как противопоставленные, так и непротивопоставленные литературной лексике слова. В говоре наблюдается процесс включения общенародной лексики в состав терминологии. Эту группу слов мы условно называем функциональными терминами. Соотношение собственно терминологической лексики и функциональных терминов в составе промысловой и ремесленной терминологии непостоянно. Широкая распространенность какого-либо

ремесленно-промыслового занятия в языковом отношении сопровождается стабильностью номенклатуры, а следовательно, и незначительным количеством функциональных терминов. Если же данный промысел или ремесло являются редким или непостоянным занятием жителей, то в составе терминологии встречается значительное количество функциональных терминов. Поэтому в таких условиях четкие границы и объем терминологической лексики невозможно определить"[15]. Это общее соображение раскрывается в сопоставлении терминологий льнообработки, прядения и ткачества, с одной стороны, и терминологий золотодобычи и кузнечного дела — с другой. Собственно местная терминология (= номенклатура — у автора) охватывает льнообработку, прядение, ткачество — функциональные термины — последние два вида деятельности. В делении терминологической лексики, предложенном Б.Б.Максимовым, представляется неясным состав функциональной терминологии с генетической точки зрения. Всегда ли она привлечена из литературного языка или какая-то ее часть также исконна для говора, как и местная терминология? Ответ на поставленный вопрос невозможен без привлечения большого массива языковых фактов.

Внимание к тематически-детерминированной лексике на этапе ее фиксации в диалекте было реализовано в "Пособии-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка" (М., 1960). "Пособие" имело целью направить ход беседы собирателя слов с информантом по определенному тематическому руслу. "Пособие" содержит пять разделов: I. Природа и использование ее ресурсов; II. Человек и семья; III. Крестьянские селения дореволюционной России; IV. Производственная деятельность; V. Организация домашнего быта. Особенно важны для наблюдений за производственной лексикой разделы IV и V, ориентирующие на сбор слов по полеводству, огородничеству, животноводству, пчеловодству, промыслам и ремеслам, постройкам, средствам передвижения, одежде, обуви и др.

Не во всех словарях, вышедших в свет после 1960 г., нашли отражение все тематические рубрикации "Пособия", но в целом нельзя отвергать его значение для сбора номинативной лексики, в том числе и слов производственного содержания. Именно методические установки "Пособия" направляли интерес и внимание к предметной лексике, к словам-номинациям, за которыми стояли многообразные в идеографическом отношении реалии народной жизни[16]. Выполнение программы сбора местной лексики с ориентацией на тематическую классификацию "Пособия" в масштабах всей страны обеспечивало фиксацию тематически-детерминированных слов в по-

---

[15] *Максимов Б.Б.* Замечания о лексике промыслов и ремесел (На материале говора поселка Краснинск Верхне-Уральского района Челябинской области) // Вопросы лексикологии. Материалы VII зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Свердловск, 1969. С. 108—109.

[16] Подробнее об этом: *Коготкова Т.С.* О "внешней" обусловленности словников областных словарей // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974

левых условиях. По мере выхода в свет словарей эти лексические данные находили и находят теперь широкое потребление.

Каждый областной словарь — это словарь картотеки. Количество слов производственной тематики, связанных с ремеслами и промыслами прошлого или другими видами регулярной хозяйственной деятельности, в словниках вышедших в свет изданий (на сегодняшний день их более 60) представляется нам значительным. Словники словарей неодинаково представляют тематические группы производственного словаря, что объясняется причинами объективными и субъективными. Природные условия разных местностей, направленность хозяйственно-экономической деятельности в них по-разному отражаются в лексике. К этим объективным предпосылкам добавляются субъективные — неодинаковая организация работы в каждом отдельно взятом лексикографическом коллективе, лингвистические интересы и пристрастия составителей словаря и мн. др. Новейшие областные словари являются надежным и солидным дополнением к материалам областных словарей прошлого. Обращенность же именно этих изданий к современности позволяет с большим доверием оперировать их показаниями при анализе коммуникативных ситуаций сегодняшнего дня, при решении разного рода культурно-речевых вопросов и др. Вместе с тем наблюдающийся разнобой в стилевой и смысловой характеристике слов в областных словарях в ряде случаев создает определенные неудобства в поисках стилистически неоднородных слов, в том числе специализированных. Исследователи справедливо отмечают недостатки подобного рода[17].

Самобытно-русская терминология зародилась в глубинах народно-диалектной речи. Возникновение терминологических слов в некодифицированной диалектной речи, всегда функционирующей в устной форме, идет спонтанно. Поэтому они несистемны, фрагментарны.

Представляется правомерным охарактеризовать основные особенности терминологической лексики изнутри диалектной лексико-семантической системы. Взгляд на термин и терминологию и на их место в лексической системе говора позволит выявить: 1) основные принципы народно-диалектного (= исконно русского) терминотворчества; 2) приемы терминологической систематизации, складывающиеся имманентно; 3) основные структурно-семантические прототипы (отдельные и групповые) современных терминов.

Для обозначения диалектного термина мы используем такие эквивалентные терминологические сочетания,как "диалектный термин", "местный термин", "термин диалекта". Под ними мы понимаем те номинативные слова с ремесленно-производственным содержанием, которые в каждой отдельно взятой местности связаны с хорошо развитым промыслом, ремеслом или производством. С языковой стороны они логически соотнесены в едином лексико-тематическом ряду. Понятна условность такого терминологического употребления.

[17] *Садретдинова Г.А.* Стилистические пометы в современных диалектных словарях // Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения. Межвузовский сб. науч. тр. Кемерово, 1985.

Диалектный термин, т.е. слово со специальным значением в лексико-семантической системе говора, не всегда можно назвать термином в собственном смысле слова. Почему? Потому что оно не всегда однозначно, не всегда четко отграничивается от обиходно-разговорной лексики говора, не всегда соответствует строго выдержанным понятиям, ибо понятия эти не всегда образуют законченно-логическую систему. Из числа признаков термина в общепринятом смысле диалектному термину больше всего присуща соотнесенность со словами того же самого тематического ряда. По этой причине в основу диалектных терминологических классификаций кладется внутренняя упорядоченность самих предметов (реалий). В таких группах особенно устойчивы дихотомические (парные) связи слов, иногда не лишенные образности: *ни́жник* — 'нижний, неподвижный жёрнов в ручной домашней мельнице — жёрнове', *ве́рхник* — 'верхний, вращающийся жёрнов'; *мужи́к* и *жо́нка* — 'параллельные сошники у сохи'.

По месту, которое занимает термин в лексико-семантической системе говора, а также по характеру образования диалектный термин имеет ярко выраженную специфику по сравнению с ролью и местом терминологической лексики в рамках общелитературного языка. Здесь они образуют терминосистемы благодаря своему логически формализованному соответствию понятиям данной отрасли науки или техники и строгой систематичности. И если большинство из них в силу этого обособлены и обладают наибольшей изолированностью по отношению к общенародному языку, то термины говора в самой лексической системе диалекта можно назвать терминами всеобщего употребления. Эта функциональная роль диалектного термина обусловлена двумя причинами.

Во-первых, причинами неязыковыми. Как известно, производственно-профессиональная лексика диалекта составляется из слов и словосочетаний, обозначающих многочисленные реалии подсобных ремесел, промыслов, специализированных отраслей сельского хозяйства. Меньшая обособленность указанных сфер человеческой деятельности в самой хозяйственно-экономической жизни деревни, уровень их развития, привлечение к ремесленно-производственной деятельности очень широкого круга лиц данного коллектива[18] определяет и характер употребления терминологических единиц в лексической системе диалекта. Во многих русских деревнях и селах в побочных промыслах, а иногда и на мелких предприятиях в зависимости от времени года было занято (да нередко и теперь) чуть не все трудовое население. Почти вся терминологическая лексика сельскохозяйственного обихода, промыслов и ремесел понятна носителям того или иного конкретного говора; в необходимых случаях она свободно вводится в речь. Устная форма бытования диалектной речи предопределяет особо заметную роль паралингвистических средств. Смысл высказывания в такой речи раскрывается не только в сумме смыслов примененных в речи слов, но и в интонации, жесте, в знании участниками

[18] От явлений этого порядка следует отграничить так называемые тайные и условные языки ремесленников-отходников.

разговора ситуации и конситуации. Внеязыковой контекст настолько существен, что он органически входит в ту психологическую осведомленность, которая объединяет говорящего и слушающего. Это свойство диалектно-речевого обихода в ремесленно-производственном общении проявляется в показе, при котором вербальные средства иногда снимаются полностью. Несложность того или иного домашнего производства или ремесла делает передачу производственного опыта через показ универсальной. В этом одна из причин относительной неразвитости, фрагментарности специальной лексики в диалектных системах. Справедливо замечание о том, что система специальных слов в говоре оказывается неполной, лишенной отдельных звеньев, которые, несомненно, возникли бы в случае превращения какого-либо ремесла (промысла) в регулярную производственную деятельность[19]. Именно такое восполнение недостающих вербальных средств и осуществляется, когда объединения специализированных слов диалекта превращаются в систему стандартизируемых терминов.

Во-вторых, причина языковая. Диалектная речь, как известно, существует в единственной форме — устной. Разговорность — обязательный признак слова профессионально-производственного содержания. Все это настолько расширяет границы употребления терминологического слова в диалектной речи, что его часто можно рассматривать как факт обиходно-разговорной речи говора. Входя в общеупотребительную лексику и не испытывая кондификационных регламентаций, присущих систематизированным терминосистемам, диалектный термин может подвергаться дальнейшему семантическому развитию[20].

Вторичные, переносные значения диалектного термина обычно экспрессивно окрашены. Вторичное переносно-метаморфическое значение благодаря своей экспрессивности начинает самостоятельную жизнь, выходя за пределы диалекта и утверждаясь в разговорно-просторечных сферах литературного языка: *веретено́* 'о непоседливом, излишне подвижном существе'; *кряж* 'о здоровом, коренастом, крепкого сложения человеке'. В говоре д. Деулино *кряж* входит в терминологический ряд — *кругля́ш, швыро́к, поты́лок-окра́йник, това́р* и др. Терминологическое членение единиц такого ряда отражает спецификацию реалий, существенную для данной местности[21], и не совпадает полностью в семантическом и лексемном отношении с подобным же терминологическим рядом в стандартизованной терминосистеме, объединяющей продукцию лесозаготовительной промышленности. Семантика компонентов ряда обозначает разные виды лесоматериалов: *кряж* 'толстое бревно определенной длины, предназна-

[19] *Максимов Б.Б.* Указ. соч. С. 108.

[20] Ср. описанные нами примеры смысловых трансформаций в говоре д. Деулино Рязанской области у слов *костри́ка, кряж, леха́, намы́ка* и др. (*Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. С. 70 и след.).

[21] Лексика леса занимает особое место в деулинском говоре, так как д. Деулино расположена в северной, лесной части Рязанской области. Заготовка леса, его обработка, гочка смолы, производство древесного угля в доколхозный период, плотничество, сбор грибов и ягод на продажу — все это определяло и определяет хозяйственно-экономический профиль деревни.

ченное для распиловки на доски', *кругля́ш* 'бревно, строительный лес', *товар* 'пиломатериалы', *потылок—окра́йник* 'горбыль, крайняя выпуклая с одной стороны доска, получающаяся при продольной распиловке бревна', *швыро́к* 'короткое полено из отходов деревообработки, идущее на топливо'[22].

Несовпадение в сегментации действительности, значительное расхождение в таком спецификаторе (терминологическом признаке), как "назначение" обозначаемого предмета, служит причиной лексемного несовпадения в терминологических рядах говора и терминосистемы. В ГОСТе "Продукция лесозаготовительной промышленности" — 73 термина. В их числе нет таких, как *потылок-окрайник, швырок,* так как реалии, ими обозначаемые, "поглощены" одним термином — *отходы лесозаготовок* 'древесные остатки, образующиеся при валке деревьев, очистке их от сучьев, раскряжевке хлыстов, разделке долготья и окорке сортиментов'. Этот термин в ГОСТе [20] шире диалектных, рассматриваемые местные термины *кругляш* и *кряж* диалектной системы соотнесены с обобщенным родовым термином *круглый сортимент*, дифференцирующимся на три подгруппы: *круглые сортименты*, используемые без переработки, *круглые сортименты* для распиловки, *круглые сортименты* для переработки лущением и строганием. Каждая группа содержит в своем составе по нескольку терминов. Лишь одна единица *строительное бревно* денотативно накладывается на термин диалектной системы *кругляш.*

Диалектному термину *товар* соответствуют те виды распиленного *кряжа* (пиломатериалы), которые предназначаются для строительства дома [20].

Терминологический спецификатор "назначение" многообразен и необходим для многих видов изделий (сооружений, частей, деталей); он определяет предметно-понятийную классификацию в [20], чему и соответствуют терминологические наименования. Неслучайно сама дефиниция общего понятия *сортимент* в данной терминосистеме формулируется через слово "назначение": *сортимент* 'лесоматериал установленного назначения'.

Общеупотребительность и понятность диалектного терминологической лексики всем или большинству носителей говора объясняется характером терминотворчества в говоре. Термин диалекта полностью соответствует тем закономерностям словотворчества, которые известны языковой системе диалекта. Базой для его появления служит та же общеупотребительная, бытовая лексика говора; семантическое преобразование с подчинением ему морфологических средств — основной способ продуктивного терминотворчества в говоре. Внешняя аналогия,

---

[22] Слово *швыро́к* не вошло в словник Деулинского словаря в связи с дифференциальным отбором слов: оно отмечено в [МАС] в знач. 2. *собир. спец.* 'Короткие дрова для топки печей', значение актуальное для деулинской речи как это было и есть при печном отоплении жилищ. Ср. примеры из художественных текстов: "В непродолжительном времени дрова в Москве повысятся до двадцати рублей за сажень *швырка*" (Салт.-Щедр. Благнам. речи); "Он покупал у владельца кубическую сажень дров за 60 копеек... и перерубал ее на *швырок*, отвозил на базар и выручал от продажи рублей десять" (Шелгунов. Очерки русской жизни).

сходство, функциональный перенос — все это определяет смысловую трансформацию слова при образовании термина. Бытовые общеупотребительные слова говора используются в производственном контексте, и тем самым осуществляется их специализация. Рассмотренное деулинское слово *кругляш* в соотносимом понятийном ряду *кряж, потылок, товáр, швырóк* строго дифференцируется в семантике (*Кряш он на распилофку идёть, а кругляш — это для стройки*), но в другой ситуации этим словом можно обозначить любой предмет круглой формы (*А у нáс картóшки — мятка да кругляшóм*).

Термин диалекта прозрачен по своей внутренней форме, семантико-морфологическая структура его мотивирована. Соответствие содержания и звукового и словообразовательного оформления диалектного термина не только обеспечивает быстрое понимание его, но и сообщает ему известную образность и выразительность; диалектный термин ничем не выделяется из общей массы диалектных слов.

Общеупотребительность специализированных диалектных слов в речи носителей говора вполне согласуется с теорией монофункциональной стилистики, которая присуща разговорной диалектной речи вообще, в отличие от полифункциональной стилистики общелитературного языка[23].

Диалектная и ремесленно-промысловая терминология русского языка мало изучена, что во многом объясняется отсутствием специализированных региональных словарей. Вместе с тем в уже проведенных исследованиях отмечается интердиалектный характер многих ремесленно-производственных терминологий. Это междиалектное закрепление целого ряда местных терминов (и даже терминологий) определяется прежде всего общностью и единством самих предметов материальной культуры, часто восходящих к глубокой древности. Думается, что некоторые собственно языковые характеристики диалектного термина (мотивированная структура, прозрачность внутренней формы, образность и экспрессивность) тоже способствуют интердиалектной локализации его. Они же, эти характеристики, позитивно сказываются на вхождении и закреплении подобных терминологических единиц в общенациональные терминологии. Свойство наддиалектной локализации местного термина легко обнаруживается при попытках непременно противопоставить северновеликорусские и южновеликорусские различия в сфере терминологической лексики. Из 240 слов-терминов словника текстильного словаря говоров "Богословщина" Рязанской области квалифицируются как противопоставленные южновеликорусские термины северновеликорусским четыре пары собственно лексических единиц: *брать* (юж.) — *теребить, таскать* (сев.); *трости* (юж.) — *зубья* (сев.), *донце* (юж.) — *копыл* (сев.); *потыкать* (юж.) — *сучить* (сев.). К ним примыкают еще три пары словообразовательных и морфологических противопоставлений: *конопи* (без *л* в основе; юж.) — *конопля, конопле, конопель* (сев.), *численка* (юж.) — *чисменка, чисменица* (сев.), семантические различия: *кросна* 'ново-

[23] Это различие стилистических структур литературного и народного языка отмечалось еще в теоретических построениях Пражского кружка. См.: *Едличка Е.* О пражской теории литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 547.

вытканный холст' (юж.) — *кросна* (*ы*) 'ткацкий станок' (сев.)[24]. Столь же скромны сопоставительные сведения северновеликорусских терминов ткаческого дела с южновеликорусскими и в говорах с. Вершинина Томской области. О.И. Блинова, изучавшая там лексику обработки льна и ткачества, отмечает, что "из 56 названий, подлежащих сопоставлению, оказались общими 35"[25].

Закрепление народно-диалектного термина на разных ареалах русских диалектов существенно при выявлении путей формирования единой профессионально-терминологической лексики в целом. К сожалению, сопоставительных работ о локализации народно-диалектных терминов в диалектной лексикологии немного. Приведем пример с традиционной рыболовецкой лексикой. Множество водных бассейнов на русской земле дает повод ожидать значительные ареальные колебания в этой лексике, но этого нет. Ср. список из пятнадцати общих терминов, сопоставляющий рыболовецкую терминологию в брянских и тверских (селигерских) говорах:

бесе́дка 'сиденье для гребцов в лодке', *болт* 'шест с утолщением на конце, ударами которого пугают рыбу, загоняя в сеть', *бродни́к, бродничо́к* (и др. варианты) 'небольшой невод, которым ловят вдоль берега', *дед* 'палка, на которой крепится сеть небольшого рыболовецкого орудия — "кричи"', *копо́ра* 'дуга для скрепления бортов и днища лодки', *корма́* 'мешкообразная часть невода, где скапливается пойманная рыба', *кры́га* 'сеть на палках, которой ловят рыбу по мелководью', *крыло́* 'сетная стенка, способствующая захвату рыбы', *полотно́* 'мелкоячеистая сеть рыболовецких орудий обычно трехстенных сетей', *режь* 'крупноячеистая сеть рыболовецких орудий', *ты́чка* 'кол для крепления орудий лова в воде', *укле́йня* 'сеть для лова уклей', *уцы́нок* 'воронкообразное входное отверстие в ловушку', *хвоста́ч* 'закры́тый конец ловушки, где скапливается пойманная рыба'[26].

Многие из слов приведенного списка фиксирует [СРНГ], добавляя при этом новые локальные сведения. Так, слово *бесе́дка* отмечено еще в олонецких, новгородских, ярославских, нижегородских, волжских, пермских, уральских, тюменских, томских, свердловских и кемеровских говорах. Подобные сведения можно привести и к другим словам. Слова *беседка, крыга, крыло, мотня, режа (режак, редник), тычковая снасть, уклея* характерны для Волго-Каспийского рыбного бассейна, отдаленного от рыбных промыслов Брянщины и Псковщины[27].

Интердиалектный характер местных терминов, благодаря чему каждый из них включен в частные лексико-семантические системы, предопределяет семантические сдвиги в этих терминах, подчас значительные, но при этом семантическая инвариантность слова сохраняется.

Смысловые сдвиги, обусловленные несовпадением денотативной

---

[24] *Чумакова Ю.П.* Текстильная лексика говоров района "Богословщина" Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристики). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Горький, 1966. С. 14—15.

[25] *Блинова О.И.* Лексика обработки льна, прядения и ткачества // Тр. Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. Т. 174. Лингвистический сборник. Томск, 1964. С. 53.

[26] *Меркулов Н.Ю.* Из лексических связей брянских и селигерских говоров (На материале рыболовецкой лексики) // Брянские говоры. Л., 1975. Вып. 3.

[27] *Копылова Э.В.* Ловецкое слово. Словарь рыбаков Волго-Каспия. Волгоград, 1984.

основы, формируют междиалектную терминологическую омонимию. Терминологические омонимы характерны для многих специализированных сфер диалектной речи, некоторые из омонимов закрепляются в стандартизованных терминосистемах. Это свойство присуще всей лексике номинативно-терминологизированного содержания: и той, что дифференцируется в плане выражения со словарным составом литературного языка, и той, что по форме совпадает с ним.

Семантическая филиация общенародного слова *зябь*, связанного по содержанию с сельскохозяйственным производством, варьируется по разным подсистемам национального языка вокруг смыслового признака 'вспашка'. В литературном языке, так же как в специализированном сельскохозяйственном, *зяблевая вспашка* — это осенняя вспашка полей. Приведем пример из [СХЭ, Т. 2]: *зяблевая обработка почвы* (от слова "зябнуть") — 'летне-осенняя обработка почвы под посев яровых культур весной следующего года'... Такое же понимание вкладывается в термин *зяблевая обработка почвы, зябь* в [14]. Возможность осуществления вспышки в достаточно широкие сроки позволяет различать *зябь позднюю* и *зябь раннюю* [Восьм. с/х. сл-рь]. Связанная с осенней вспашкой земель семантика у слова *зябь* отмечается словарями литературного языка, хотя в них имеется некоторая смысловая нюансировка. Словарь Ушакова относит слово к специализированной сельскохозяйственной сфере и подчеркивает цель зяблевой обработки земли — 'для посева яровых весной', во втором издании МАС слово *зябь* выводится из сферы специального употребления (даже без помет) и совмещает в себе процессуальную и предметную семантику: 'Осенняя вспашка поля, а также поле, вспаханное под весенний посев'.

Специфика любой диалектной системы состоит в том, что ее изменения определяются не только фактором времени или социально-возрастной дифференциацией (как это имеет место в литературном языке), но и постоянным и непрекращающимся воздействием соседних, близлежащих говоров. Система говора измеряется координатами временной, территориальной и стилистической[28]. Совокупность этих факторов влияет на изменчивость диалектной лексики, в том числе и на смысловые модификации слов. Исследователь диалектной лексики не всегда имеет возможность наблюдать "шаги" и "переходы" в семантике слов, довольствуясь нередко лишь их результатами, отмеченными в словарях. Красноречивый пример — слове *зябь*. По данным [СРНГ] в слове *зябь* смысловой признак 'осенняя вспашка' и даже 'вспашка' необязателен. В разных территориально разобщенных говорах *зябь* 1. 'Целина' Курган. 1950—1951. Волхов. Ленинград. 2. 'Земля, которая два года не засевалась озимыми'. Борисоглеб. Тамб. 1958. 3. 'Земля, вспаханная трижды и предназначенная для посева озимых культур'. Новосиб. 1967. Как видно из приведенной словарной статьи, семантический признак 'вспашка под яровое' заменен в отдельных говорах противоположным — 'вспашка под озимое'.

---

[28] *Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б.* Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа. Докл. на IV Международном съезде славистов. М., 1958. С. 5.

Терминологическая омонимия особенно заметна в ряду лексем, исконно русских или общеславянских, которые дифференцируются по форме (в плане выражения) с общелитературной лексикой. Закрепляясь за различными специализированными сферами, они — коммуникативно удобны, ибо благоприятны социальные условия воспроизведения их в речи.

В качестве иллюстрации приведем слово *цéвка (цѣвка)*. Схема терминологизированных значений слова четко представлена в Словаре Ушакова[29]: 1. 'Трубка' (*обл.*). 2. 'Деревянная трубка, катушка, надеваемая на веретено для наматывания пряжи' (спец.). 3. 'То же, что коклюшка' (обл.). 4. 'Всякая, преимущ. полая, кость, напр. лучевая, у лошади надкопытная (пясть), пяточно-плюсневая (несущая пальцы) у птиц и др.' (спец.). 5. 'Цилиндрический выступ на колесе, род зубца' (тех.).

Древнее слово общеславянского лексического фонда — *цéвка (цѣвка)* объединяет по сей день в своей смысловой структуре "напластования" разных эпох. Функциональное распределение его по разным коммуникативным сферам, прочность денотативной базы способствует устойчивости его во времени. В ремесленной терминологии славянских языков слово *цевка (цѣвка)* известно прежде всего как термин ткачества. *Цевка* — 'палочка с утком' — шпулька будущего челнока, отмечается исследователями как деталь уже в наиболее древнем, вертикальном ткацком стане (эпоха неолита)[30].

В этнографических работах, связанных с бытом и хозяйствованием русского крестьянства, *цéвка* — 'небольшая сквозная трубочка из тонкого стебля калины, бузины, а иногда и тростника, на которую сучили (наматывали) пряжу для утка'; заготовленные таким образом *цéвки* с пряжей складывались в особые короба — *цевочницы*[31]. Если посмотреть на семантические признаки, составляющие лексическое значение слова *цéвка (цѣвка)*, то указание на форму предмета (палка, трубка) и его конструктивную особенность (полая в середине) это сильные семантические признаки. Объединение этих двух сем сохраняется во всех терминах, обозначаемых данной лексемой, хотя сам денотат может быть разным. Ср. этимологическое истолкование: цевка — 'дудка, пустая в середине палка; шпулька, катушка пряжи, лучевая, берцовая кость, пальцы пестерни' [Преображен.]. Дальнейшие семантические иновации воспроизводят именно эти признаки. Сема — пустота внутри' может достигаться не только подбором естественного (природного) материала для цевки, но искусственно, что и подчеркивают словари. Ср.:

Цевка 2. 'Свитое трубочкой бересто, которое надевают на один конец железного прута, скальни — навивают нитки для утока, когда начинают ткать, вложивши цевку в челнок' [Бурнашев];

'Картонная трубочка в виде катка, на которую наматывают нитки' [ДСЛ]

---

[29] По мнению специалистов, Словарь Ушакова положительно выделяется среди словарей современного литературного языка разработкой специализированной лексики.

[30] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология... С. 22.

[31] *Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К.* Хозяйство и быт русских крестьян. М., 1959. С. 96, 97.

Подтверждение исходных, этимологических смыслов можно встретить и в современной диалектной речи. Растение, из которого делают цевку, *цéвочник* 'кустарник кизильника' — *Цевочник цветет под вид калины.* Обск.; 'бузина сибирская'. Sambucus sibirica. Nakai. *Цевочник. Сердечко у ей лёгко, его нарежут, цевки делали.* Обск. доп.. **Цéвочник** 'Камыш'. *Цевки-то все из цевочника* [Новосиб.].Как местное наименование слово *цевочник* в рассматриваемом значении попадает и на страницы художественных произведений: *"У дома, на излуке захлестнутого цевошником и дурнолесьем, сохранились ворота..."* (В. Астафьев. Место действия. Слепой рыбак).

Ткаческое значение слова *цевка* устойчиво сохраняется в деревнях и по сей день. И теперь ткацкий стан, его детали и их названия диалектологи "постигают" не только из рассказов о нем старожилов, а наблюдая его в действии, при изготовлении, например, половиков, нешироких тканей для полотенец под вышивки и под. Слово *цевка* отмечено многими современными областными словарями. Обращает на себя внимание широкий ареал бытования ткаческого значения у слова *цевка*: 1. *Спец.* 'Деревянный или бумажный цилиндрик с намотанной нитью утка, вставляемый в челнок'. *Ч'óлнак, нъ н'авó цéфк'и нъд'авáл'и и пъ аснó'ви ткáл'и* [Деул.]; Варианты такого осмысления отмечены в [ПОС; Латв; КЯОС; [СКГ] и др.

У слова *цéвка* отмечаются и другие значения: разные, чаще полые предметы палкообразной формы в крестьянском быту: 'рукоятка цепа' [СКГ] 'большая деревянная ложка' [КЯОС], 'деревянная или берестяная трубка, служащая поплавком' [ПОС; Забайкал.].

Еще больше это смысловое многообразие у однокоренного *цевьé*: 'ось, веретено, стержень, долгий вертлюг', *цевье якоря, цевье безмена* 'прут , перо, стержень, ручка, рукоятка цепа' и под.

Терминологическую спецификацию получило наименование всякой полой кости. Словарь Ушакова дает определение *цевки* в этом значении обобщенно: 'всякая, преимущественно полая кость, напр. лучевая, у лошади надкопытная (пясть), пяточно-плюсневая (несущая пальцы) у птиц и др. (*спец.*)'. В народной речи в результате метонимических смещений *цевкой* могут называть не только трубчатую кость в конечности (животного, человека или птицы), но и саму часть ноги, руки, формируемую этой костью. Ср.: *Пáуъл'н'ик'и — как'íйи н'ибýт' чýлк'и атр'éжыш, на цéфк'и над'éн'иш йéт'и пáуъл'инк'и* или: *цéфкъ? éть ладóн', а вóт да лóктá — цéфка* [Деул.].

Как наименование кости *цевка* входит в терминосистемы, связанные с характеристикой разных животных (или продуктов животноводства): 'пятнистая и плюсневая кости крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов' [24].

Если рассматриваемая техническая и анатомическая семантика слова *цевка* (и его однокоренных) связана с профессионально-производственным речевым обиходом в литературно-кодифицированной или народно-диалектной речи, то старинное производное от *цевка* слово *цевни́ца*, обозначающее древний музыкальный инструмент, относится к речи книжной, художественно-поэтической.

См., например, как подано это слово в словарях: **Цевница** *ста-*

рин., поэтич. — 'свирель' [Ушак.]. В языке музыкантов *цевницей* называют одну из разновидностей флейт[32].

В художественной литературе прошлого, когда мотивы и сюжеты античности занимали существенное место в арсенале изобразительных и выразительных средств, слово *цевница* обычно[33].

В XIX в. наименование *цевница* получило замену. Ее стали называть *кувичками, кугиклами, кувиклами*[34], хотя специалисты по музыкальным инструментам и музыковеды, имея в виду заслуженное прошлое этого инструмента, а с ним и старинного наименования его *цевница*, не могли отказаться от него. Парную флейту называют свирелью, а многоствольную дудку — *цевницей.*

Словари древнерусского языка фиксируют в этом слове не только название многоствольной флейты, но и другие "музыкальные" значения, возникшие как результат разного рода метонимических смещений: *цѣвница* 'струна', 'мера', 'свирель', соотнесенное с ним *цѣвникъ* — 'гусляр', 'лирник', [Срезн.]; *цѣвница* — 'свистѣлка', 'флетиѧ', 'шаламан' [Лекс. Берынды].

Слово *цѣвница* входит и в состав современной музыкальной терминологии. Как термин его показывают второе и третье издания БСЭ, соотнося с синонимичным ему наименованием *флейта Пана.*

Разбор семантической эволюции слова *цевка* (и однокоренных с ним) показывает, как актуализируется семантика его на разных исторических этапах[35]. Это и пример того, как плодотворно взаимодействие подсистем национального языка — терминологии и живой народно-диалектной речи.

---

[32] По преданиям древних греков, на этой флейте играл Пан — мифическое существо. На картинах, отражающих античность, нередко можно увидеть Пана с многоствольной флейтой — цевницей.

[33] Ср. у Пушкина:

И фавнов и сатиров рой...
Бегут смятенною толпой
Вослед за быстрой колесницей
Кто с тростниковою цевницей
Кто с верной кружкою своей...
("Торжество Вакха")

Слово это не только называет музыкальный инструмент, а как бы является символом поэзии и поэтического творчества:

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной,
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной.
("Мне вас жаль, года весны моей...")

[34] Старинный музыкальный инструмент кувиклы до сих пор жив в отдельных районах нашей страны. В Курской области его называют по-разному: *кувиклы, кувички, тростянки, цевки.* (из музыкальной передачи по всесоюзному радио 14.IX.1986 г.).

[35] Непременная связь слова и вещи (реалии) проявилась в том, что из языка вовсе исчезло одно из древнейших значений слова *цевка*, появившееся в результате метонимического переноса — 'моток пряденого золота и серебра определенного веса': на подвязки пошло... *цѣвка* с четвертью золота пряденого, цѣна осмнадцать алтынъ и двѣ деньги. Расходн. кн. 1584—1585 г. [Срезн.]; Того же дни устюжанин Иван Дмитриев сын Синицын явил товару... постав кострышну сукна, 6 *цевок* золота и серебра (Там. кн. 1633—1634) [Карт. Слов. XI—XVII вв.].

Но если в терминологии это единица статичная благодаря строгой дефиниции и "привязке" к конкретной реалии, соотнесенной с другими реалиями, то в говорах слово живет, испытывая семантические сдвиги. Семантическая непрерывность диалектного слова на пространстве, подтверждающая измерение его территориальной координатой, — одно из условий устойчивости слова в диалектах, а следовательно, и в национальном языке.

Терминологическая омонимизация обнаруживается на многочисленных примерах, как дифференцирующихся в плане выражения с лексическим составом общенародного литературного языка, так и недифференцирующихся. Она присуща и диалектной ненормированной речи, и речи литературной.

Семантический способ терминообразования (т.е. внутриязыковые заимствования), по мнению С.П. Гринева, характерен для начального этапа в формировании знаний и умений[36], а В.Н. Прохорова, изучив около тридцати терминосистем различных производственных и научных областей, пишет: "...лексико-семантическое образование русской терминологии является исконным и традиционным для русского языка"[37]. Наш материал показывает, что к истине ближе точка зрения В.Н. Прохоровой. Семантические термины рождаются на наших глазах и получают всеобщее распространение (ср. стремительное распространение слов *нитка, нить газопровода* или *плети газопровода, ж.д. рельсов* и под.).

Распределение терминов-омонимов обусловливается денотативной основой в лексическом значении слова. Наиболее показательными в этом отношении являются слова, полисемия которых формируется по разного рода ассоциативным признакам, так или иначе связанным с функциональным назначением реалии. Смысловая структура общенародного слова *гнездо* в [МАС] представлена следующим образом: 1. Место, устраиваемое или приспосабливаемое птицами для кладки яиц и высиживания птенцов. || Место, приспособленное животными или насекомыми для зимовки. || *перен. с определением.* Место жительства, домашний очаг. 2. Семья птиц, животных, выводок. || *перен. Устар.* Семья, род (о людях). 3. Скопление, группа растений, грибов и пр., растущих вместе. || Скопление чего-л.; группа каких-л. однородных предметов, расположенных вместе (*руда располагается гнездами незначительных размеров*) || *Лингв.* Группа слов одного корня. 4. Углубление, отверстие и т.п., в которое вставляется, вкладывается, вдвигается что-либо. 5. Укрытое место, предназначенное для бойца с оружием (*пулеметное гнездо, снайперское гнездо*). 6. *С.-х.* Место высева двух или нескольких семян, посадки двух или более растений.

Полисемичная структура слова *гнездо* формировалась на протя-

---

[36] *Гринев С.В.* Принципы разработки теории терминологии в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова // Всесоюз. конф. "Основные направления развития и совершенствования работ по стандартизации научно-технической терминологии в XI пятилетке". Тез. докл. М., 1983. С. 23.

[37] *Прохорова В.Н.* Лексико-семантическое образование русской терминологии. Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1983. С. 30.

жении длительного времени. Синхроническая иерархия значений здесь развивалась на основе ассоциативных связей, каждое из перечисленных значений находит внеязыковую основу, что позволяет им обособиться и быть относительно независимыми друг от друга. Также "независим" и выход этих семем в разные сферы терминологического употребления. Начнем с первого, главного значения — 'гнездо птицы'. Термин *гнездо* помещен в ГОСТе "Птицеводство" [26]. ГОСТ касается общественного птицеводства, что отражено в понятийной и вербальной дифференциации. Термин *гнездо* 'устройство, в котором несушка размещается для снесения яиц' совпадает по смыслу с главным (первым — по [МАС]) значением слова, хотя в дефиниции термина отсутствует указание на такой семантический признак, как "высиживание яиц"[38].

Видовым по отношению к нему в рассматриваемом ГОСТе будет термин *контрольное гнездо* 'гнездо-ловушка для индивидуального учета яйценоскости птицы', а в ГОСТе "Птицеобрабатывающая промышленность" [15] — *механизированное гнездо* 'устройство для снесения птицей яиц, из которого яйца выкатываются на транспортную ленту и подаются к месту их обработки'. Но уже два других видовых термина (из [26]) соотносятся не с первым исходным значением общенародного слова (по МАС), а скорее со вторым — *гнездовое спаривание птиц* 'спаривание самца птицы с группой подобранных самок с индивидуальным учетом яиц' и *селекционное гнездо* 'группа птиц, подобранная для гнездового спаривания'.

В приведенных определениях совмещаются такие семы слова *гнездо,* как 'общность', 'однородность', определяющие птицу по соответствующему признаку.

Термин из [26] использует общенародные слова в разных значениях или в разной комбинации сем, что и создает понятийную точность термина.

Объединение сем 'вместилище' для 'группы однородных предметов' являют собой термины из других ГОСТов: *гнездо картофеля* 'совокупность подземных органов куста (клубни, столоны, корни' [37] и *гнездо пчелиной семьи* 'соты, занятые пчелами, расплодом[39] и кормом' [41].

Расширительно трансформировано 6 (с.-х.) значение в ГОСТе "Лендолгунец". [30]. Являясь родовым компонентом в составном термине *семеноводческое гнездо льна-долгунца* с дефиницей 'группа семеноводческих хозяйств льно-семеноводческой единицы, размножающих семена суперэлиты, элиты первой, второй и третьей репродукций', лексема *гнездо* предстает в расширенно-пространственной семантике. Сема пространства, обозначая малую площадь (семя льна-долгунца —

[38] Следует заметить, что в ГОСТе этот признак элиминируется обоснованно: в общественном птицеводстве выведение птенцов осуществляется инкубаторным методом. Но и в домашнем птицеводстве денотативное содержание слова *гнездо* отвечает одновременно обеим группам семантических признаков ("снесение яиц" и "высиживание птенцов"). Обе группы семантических признаков, определяющих назначение самой реалии гнездо, встречаются одновременно у недомашней птицы.

[39] *Пчелиный расплод* — 'яйца, личинки и куколки пчел в пчелиных ячейках сотов' [41].

по [МАС]), метонимически переносится на обозначение не только обширного пространства, но и хозяйственного объекта, на нем располагаемого. По существу, здесь пространственная семантика полностью видоизменяется, общность с 6 значением [МАС] определяется лишь семой "высева" однородных групп семян. Подобное осмысление в производстве льна-долгунца у слова *гнездо* подчеркивает другой составной термин этого же ГОСТа *гнездо сортосмены льна-долгунца* 'часть посевов льна-долгунца в льносеменоводческой единице, на которой в соответствии с планом сортосмены или сортообновления проводится полная замена семян'.

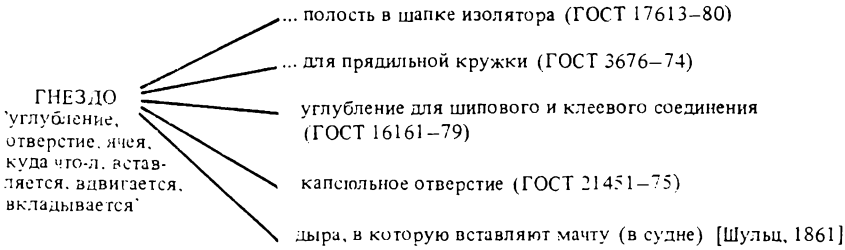
Если только что рассмотренные стандартизованные термины, конструируемые лексемой *гнездо*, связаны с разными отраслями сельскохозяйственного производства, с занятиями, традиционными в народе, то следующая группа терминов (по ГОСТам) демонстрирует применение этой лексемы в разных видах промышленного производства. Модифицируется 4 значение [МАС], связанное с наименованием различных углублений, в которое вставляется, вкладывается или вдвигается что-либо: *Гнездо шипового клеевого соединения.* Кр. ф. *гнездо* 'отверстие или углубление в заготовке, соответствующее размерам и профилю шипа соединяемой заготовки' [10]. *Прядильное гнездо* 'приспособление для установки прядильной кружки' [6]. *Гнездо* 'полость в шапке изолятора или ушка, являющаяся элементом сферического соединения' [22]. *Гнездо транспортного защитного контейнера* 'внутренняя плотность транспортного защитного контейнера, предназначенная для размещения закрытых радиоизотопных источников излучения или радиоактивных веществ, заключенных в потребительскую тару' [5]. *Гнездовая контакт-деталь.* Кр. ф. *Гнездо* 'контакт-деталь, предназначенная для ввода штыревой контакт-детали и электрического контактирования с ней по своей внешней поверхности' [7].

Ассоциативное богатство общеславянского (общенародного — в русском) слова *гнездо* (*гнѣздо*) предопределяет его полисемию. Семантическое развитие его непрерывно, оно охватывает общенародную (литературную) подсистему национального языка, территориальные диалекты и многие терминологические подъязыки. В диалектах есть аналоги всех общенародных значений, конкретизирующие денотаты сельской жизни, и еще иные значения, сугубо диалектные. В [СРНГ] зафиксировано двадцать одно значение слова *гнездо*, в их числе предметные: 'несколько свай, вбитых близко друг от друга и связанных вместе; такое устройство служдит для причала судов и пароходов' Олон. 1885— 1888; 'звено, изгородь между двумя столбами или кольями' Льгов., Курск. 1930-е; 'две-три избы в селении, стоящие рядом' Яросл. Якушкин 1896, и непредметные: 'дом, местожительство' Боров. Калуж., 1901; 'семья' Даль [без указ. места]. Ворон., 1927, Горьк., Урал., Иссык-Кульск.; 'крестьянская усадьба, место, занятое домом и двором' Ростов. Яросл., Сузд., Влад. Мельниченко и др.

Сема 'общность', 'группировка однородных предметов' (конкретных и неконкретных), сема 'вместилище', 'ложе' и др., актуальные экстралингвистически, обеспечивают богатое семантическое словопроизвод-

ство, обслуживающее многие терминосферы. Устойчивость таких значений поддерживается деривационными образованиями. Исходное, главное значение слова *гнездо* (связанное с птицами) реализовано и в *гнездиться* и в *гнездование, гнездовка, гнездовка настоящая* (Восьм. с/х. сл-рь), также являющимися терминологизированными единицами сельскохозяйственного языка.

Если сравнить любое из приведенных значений в [МАС] с их семантическими дериватами, распределенными по разным терминосистемам, то нетрудно увидеть, что причиной семантического сдвига и специализации является функциональный момент.

Функциональный фактор в изменении значения слов состоит в том, что он, с одной стороны, предопределяет историческую изменчивость смысловой структуры слова, а с другой — обеспечивает устойчивость этой лексемы во времени. Д.Н. Шмелев, осмысляя и анализируя природу семантических изменений словарного состава языка, подчеркивает важность именно функционального момента: "Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически. Он является тем стержнем, который обеспечивает лексико-семантическое тождество слова при его самом разнообразном реальном применении"[40].

Это свойство слов естественного языка полностью воспринято терминологией, особенно предметными терминами: признак функции, признак назначения в них обладает бóльшей сохранностью, чем, например, признак материала или конструкции.

Пример на терминологическую омонимию с лексемой *гнездо* говорит также и о том, что правило "терминологической эффективности", больше присущее словам, дифференцирующимся в плане выражения с словарным составом литературного языка (о чем говорилось ранее), все-таки относительно. Терминологическая омонимия лексемы *гнездо* предопределена внеязыковой соотнесенностью ее. Исторически сложилось так, что специализацию получили сами "участники", сегменты реальной действительности (в технике, в сельском хозяйстве и др.). В отношении многих рассмотренных терминов можно говорить о сохранении семантической традиции, даже при изменении функции реалии.

Пример с лексемой *гнездо* и его богатой специализированной

[40] *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 234—235.

семантизацией позволяет вновь вернуться к разговору об определении диалектной принадлежности слова. С одной стороны, первое, исходное значение дает повод отнести слово к лексикону сельской жизни по тематическому признаку, с другой же — полисемия, семантическим следствием чего явились специализированные значения, говорит об общенародной распространенности слова. Для исконно-русских терминов определить его отнесенность к местной речи или общенародному языку — проблема не из легких. "Как провести границу между общерусскими и диалектными специальными терминами? — пишет Ф.П. Филин — "Чувство литературной нормы", которое в некоторой степени может оказаться полезным в других случаях, здесь поможет мало, поскольку масса узкоспециальной лексики так же неупотребительна в общеразговорной речи, как и сами диалектизмы"[41]. Ведущий прием диалектного терминотворчества — семантический перенос, возникающий прежде всего на основе внешней аналогии или общей функции, свойствен не только диалектным, но и общенародным терминам, как мы убедились в этом, демонстрируя здесь семантические филиации слова *гнездо*.

Многие термины, образованные семантическим способом, являются компонентами различных терминосистем и в то же время в диалектной речи сохраняют территориальные изоглоссы. Таковы *башмак, ползун, шатун, коромысло, стойка* и др. — широко распространенные термины в технике. Они входят в разные терминосистемы, будучи компонентом многих стандартизованных терминов: *механизированный башмак, башмак откидной, башмак перекидной, башмак сбрасывающий, башмак контактный, башмак локомотивный.* В Словаре Ушакова это специализированное значение формулируется как 'термин для обозначения разных приспособлений, применяемых в качестве опоры, колодки, защиты наконечника'. Обобщенное толкование находит, как мы видели в перечисленных ранее составных терминах, конкретизацию в приложении к разного рода техническим реалиям. И в то же время слово *башмак* продолжает жить как название некоторых специализированных реалий в говорах: 1. 'Путы, которыми стягивают ноги лошади, чтобы лишить ее свободы передвижения'. Вост. Сиб., Тобол., Иркут., Свердл. || 'Палка, привязываемая к ноге козла, чтобы стеснить его движения'. Перм.; 2. 'Капкан'. Амур. || Ловушка на лисиц и мелких зверьков (соболей, хорьков и т.п.). "Особая ловушка на лисиц в виде цилиндра с опадной дощечкой для насторожки". Черкасов, Зап. охотн. Вост. Сиб. "У казаков", Даль, Вост.-Казах. Приирт. "Делается в виде плоского корыта, ставится наклонно, желобом вниз и с помощью особого приспособления накрывает пришедшего на приманку зверька". Нерч., Ноневич. Сиб. 3. 'Опора для укрепления удлиненных деталей судна или строения (мачты, стропила и т.п.)'. Волж., Ряз. 4. 'Комнатное растение с крупными сочными пестрыми листьями'. Свердл. [СРНГ].

Терминологическая омонимия, обозначение термином, восходящим к общенародному слову, все новых реалий, непрекращающаяся семантизация термина еще раз подчеркивают общеязыковую природу

[41] *Филин Ф.П.* Проект "Словаря русских народных говоров". М.; Л., 1961. С. 27.

его. Конвенциональность термина вытекает из относительной обособленности терминосистем, в которых термин функционирует.

В разветвленной дифференциации национального русского языка по классам, социальным и территориальным сообществам и группам, о чем писал еще И.А. Бодуэн де Куртене, особым видом речевой деятельности считается профессионально-производственое общение. Распределяясь по разным производственным сферам, термины-омонимы живут обособленной жизнью. Речевая реализация их всегда осуществляется в таких ситуациях, которые между собой не совпадают и не перекрещиваются. Язык специалистов той или иной области научного знания и производства — это особая "социально-коммуникативная система[41а]", не последнюю роль в таком обособлении играет пространственный фактор; он, способствуя рассосредоточению "социально-коммуникативных систем" на обширной территории распространения русского языка, одновременно "подключает" к семантической деривации новые участки действительности, закрепляет эти смысловые новообразования за социально-производственной средой. Словесно-фразеологический фон, близкое и отдаленное контекстное окружение у каждого из таких исконно-русских терминов-омонимов свои, специфические. Это и ведет к формированию идиоматичности языковых средств, обслуживающих разные производственные сферы. Отсюда и правомерность терминов "подъязык", "подсистема", которыми определяют словарно-фразеологический фонд и словоупотребление в каждой профессионально-производственной сфере. "...подсистемы языка, — подчеркивает П.Н. Денисов, анализируя синхронное состояние лексики на последнем по времени срезе русского языка, — при их несомненной связи и взаимообусловленности гораздо более автономны, чем обычно предполагают"[42]. Безупречно выполняя коммуникативную функцию, термины-омонимы обеспечивают стабильность и единство словарного состава национального языка в целом.

Поиски лексических и семантических аналогов (полных или частичных) в современных терминологиях и народно-диалектной речи составляют значительное место в разработке лингвистической проблемы терминологических истоков. Вместе с тем эти поиски как бы наводят на целые структурно-морфологические пласты слов, в которых легко обнаруживается идентичность структурно-морфологической модели, специфически присущей как ТЕ, так и диалектным терминам. Не только лексемы, общие в терминосистемах и в диалектах, но и сами способы создания слов подчеркивают единство национально-языковой основы для разных функционально-стилистических подсистем современного языка.

Исследования словоупотребления в живой диалектной речи, что стало возможным лишь с созданием новейших областных словарей и изучение содержательного наполнения речи (фиксация областной лексики по программе для Диалектологического атласа таких воз-

[41а] *Колобова Т.П.* К вопросу о социально-профессиональной дифференциации языка: (На материале общевоенной терминологии русского языка)// Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М., 1978.

[42] *Денисов П.Н.* О понятии синхронного среза и синхронного состояния языка в лексике и лексикографии // ВЯ. 1986. № 3. С. 90.

можностей не открывала), показали, что диапазон смысловой организации диалектного слова очень широк: от семантической диффузии в одних словах и до однозначности — в других[43]. Характерно при этом то, что однозначные лексемы обнаруживаются в структурно-семантических пластах, так или иначе отражающих производственную семантику. Покажем это на таком примере. Диалектная речь, как, впрочем, и некодифицированная разговорная, богата спонтанными порождениями глаголов на *-ить, -ать, -овать, -евать*. Однозначность таких образований, несмотря на то, что значение производящих имен может быть многообразным, их непосредственная смысловая связь с производящими существительными сближает эти глаголы с объектными глаголами. Благодаря этим структурно-языковым признакам данную глагольную лексику рассматривают как явление терминологической множественности, в значительной мере обусловленную необходимостью конкретизации и детализации при обозначении реалий. Такие дифференцированные названия процессов лова рыбы и охоты, связанные с объектом лова (охоты) или орудием его, приводит О.И. Блинова из сибирских говоров: *окунева́ть, карасева́ть, щу́чить* — ловить окуня, карася, щуку, *лосева́ть, лисова́ть, белкова́ть, козова́ть* — охотиться на лося, лису, белку, дикую козу; *черда́чить, сетни́чать, фитили́ть, мордова́ть, лука́вить, ве́ршить, корча́жить* — ловить рыбу чердаком, сетью, фитилем, мордой, лукавкой, вершой, корчагой и под.[44]

В терминологии, сферы фиксации которой представляют преимущественно лексику именную, подобные структурно-семантические образования преобразуются в отглагольные существительные. Ср. близкие идеографически к сельским условиям терминологические единицы: *бороздование* [14], *гребневание* (там же), *гря́дкование* (там же); *дискование почвы* (там же), *дрожжевание кормов* [36], *копнение сена* (соломы) (там же), *кротование почвы, лункование почвы, обвалование, окучивание* [14], *стогование* и под. [36].

Однозначность понятия, которому́ отвечает тот или иной термин, предопределяет точность его вербального выражения. И в этом отношении сами приемы терминообразования многих исконно русских терминов (аффиксальные, семантические, синтаксические, словосложение) как бы повторяют самобытно-национальные способы словопроизводства, яркие образцы и примеры которых встречаются в народной и диалектной речи особенно часто. Известно, что номинационным процессам в диалекте присуще сохранение первичной образности слова, прозрачность его внутренней формы: "Живое ощущение внутренней формы слова облегчает понимание его значения и тем самым облегчает процесс языкового общения людей"[45]. Природа устной речи, отсутствие письменной формы диалекта как бы невольно задают необходимость в создании таких слов, которые легко бы

---

[43] Подробнее: *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология: (Состояние и перспективы). М., 1979. С. 19 и след.

[44] *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикология: Томск, 1973. С. 59.

[45] *Моисеев А.И.* Мотивированность слов // Учен. зап. Ленинградского университета. Л., 1963. № 322. Вып. 68. С. 126.

запечатлевались в языковой памяти носителей говора. Все исследователи живой диалектной речи обращают внимание на особую явственность внутренней формы диалектного слова. В словах номинативно-производственного содержания имеет место наибольшая адекватность содержания и формы (ср. слова льнообработки и ткацкие *мяльница, мотовило, навой, махалка, подножка, подмáток* и мн. др.).

Термины с ясным этимологическим строением позволяют судить о прямом назначении понятия (или реалии), названном данным термином, и об его ведущих смысловых чертах и характеристиках. Неслучайно П.В. Веселов называет термины, не обладающие прозрачным мотивированным строением, терминами со скрытой семантикой[46]. Многие своеязычные термины, не только воспринятые современными терминологиями как готовые единицы из диалектной речи, но и спонтанно появившиеся в общении профессионалов, сохраняют самобытно-национальное свойство — прозрачность этимологического строения, становясь тем самым семантически раскрытыми словесными знаками. Примером является термин *топляк* 'затонувшее бревно'. Несколько подобных примеров разной словообразовательной структуры из ГОСТа "Бумага и картон" [28]. В числе дефектов рулона бумаги (картона) названы: *пылимость бумаги (картона)* 'дефект, характеризуемый отделением от сухого листа бумаги (картона) частиц наполнителя и мелких волокон', *выщипы в бумаге (картоне)* 'дефект в виде неправильной формы углублений или отверстий на поверхности бумаги (картона), вследствие отделения кусков волокон от поверхности бумаги (картона)', *залощенность бумаги (картона)* 'дефект, характеризуемый наличием пятен или полос на бумаге (картоне), возникающих при каландрировании', *косина листа бумаги (картона)* 'дефект, характеризуемый отклонением формы листа бумаги (картона) от прямоугольной', *пожелтение бумаги* 'дефект; характеризуемый снижением белизны бумаги под действием внешних условий'.

Для всех приведенных примеров можно было бы не приводить дефиниций; смысл их ясен благодаря бытовой семантике компонентов-спецификаторов в составном термине (*пылимость, залощенность, косина* и др.) и словообразовательной структуре. Терминов с прозрачной внутренней формой в общем фонде исконно-русских терминов огромное количество. Они близки к народно-разговорной лексике; даже в сфере фиксации не теряют меткости и образности, присущих народному лексикону. Ср. *пролыска* 'снятие коры с бревен продольными полосками для ускорения естественной сушки древесины'[47] [13].

Вместе с тем следует иметь в виду, что среди исконно-русских терминов немало и таких, в которых собственно языковые систематизирующие свойства обнаружить непросто. Нужны этимологические разыскания. Скрытые семантико-систематизирующие свойства в большей мере присущи тем исконно-русским (или исконно-славянским) терминам, которые дифференцируются в плане выражения с словарным составом общенародного языка (*облой, лещадь, свиль, цевка* и под.).

---

[46] *Веселов П.В.* Стандартизация терминов // Русская речь, 1969. № 3. С. 67.

[47] Семантическая раскрытость и точность подобных терминологических единиц — одна из причин их использования в языке массовой коммуникации. Они ясны без контекстного раскрытия. Ср. такие термины-сложения: *сучкорезка, ветровал, волнолом, двузернянка* 'сорт пшеницы', *древолаз* 'насекомое', *землерои* 'черви', *лесовод, медосбор, перволедье* и мн. др.

Правильно пишет П.В. Веселов, что только фраза из "Капитанской дочки" *Пуля вылетела с облоем* позволяет обнаружить связь термина *облой* с глаголом *лить*[48]. Старинный термин литейного производства воспринят современной литейной терминологией, хотя отношение к нему неоднозначно: в ГОСТе "Отливка из чугуна и стали" [29] он сопровождается пометой *ндп.* (недопустимое), а в ГОСТе "Обработка металлов давлением. Штампы" [11] предлагается термин *облой штамповочный* 'заранее предусмотренный технологический избыток металла, вытесненный за пределы штамповочного ручья'.

Исконно-русские термины с затемненной этимологической структурой уступают тем, в которых эта мотивированность очевидна в плане смысловой ясности и общепонятности (даже неспециалистам). Вместе с тем в этой группе терминов сама форма их выражения, дифференцирующаяся с общенародными словами, укрепляет знаковую природу таких единиц. Здесь менее вероятны коммуникативные сбои, обычные, когда общенародное слово используется одновременно как термин и как нетермин. В таких терминах имеется прямая (линейная) связь между означаемым и означающим, что и определяет такое непременное свойство термина, как однозначность.

Парадигматические и синтагматические отношения в этом случае не перекрещиваются и не сталкиваются, подобно тому, когда термин по форме и содержанию совпадает со словом-нетермином литературного языка. Для системных языковых феноменов, таких, как полисемия, синонимия, омонимия в своеязычных терминах, дифференцирующихся с литературным языком по форме, меньше условий и предпосылок. А это усиливает коммуникативную функцию дифференцирующегося термина как специфической единицы языка.

Подобные свойства своеязычных терминов, отличающихся по форме от слов общенародного языка, сближают их с терминами иноязычного происхождения. На роль дифференцирования указывал Д.С. Лотте: "... создание терминов из иноязычных элементов, особенно если они строятся на основе корней, не бытующих в языке (разрядка моя. — *Т.К.*), представляется более легким, чем создание терминов из элементов родного языка"[49].

Обе названные группы исконно-русских терминов образуют диалектическое единство. Присущие этому единству противоречия должны быть скорее правилом, чем исключением. В применении ясных, раскрытых по содержанию терминов, совпадающих по форме с литературными словами, нередко наблюдаются коммуникативные сбои, нарушается адекватное взаимопонимание. И, наоборот, у терминов, дифференцирующихся с литературным языком, сама эта несовпадающая форма "обеспечивает" однозначность и точность. Затемненность внутренней формы многих из таких слов при необходимости требует историко-этимологических комментариев[50].

---

[48] *Веселов П.В.* Указ. соч.

[49] *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М., 1982. С. 11.

[50] Ср. комментарии к словам *тук-туки* и *запескованная морковь, дозаривать тыкву* в: *Коготкова Т.С.* Письма о словах. М., 1984. С. 73—74; 98—102.

Глава 2.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ. МЕСТО СВОЕЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ИХ СОСТАВЕ

Письменная научно-техническая продукция сегодняшнего дня огромна не только по количеству изданий, но и разнообразна в жанровом отношении. Лингвистическое изучение ее зависит от пристрастий и интересов исследователей. Многие виды этой продукции (разного рода специальные классификаторы, рубрикаторы, техническая и деловая документация, обзоры и рефераты) еще не стали предметом регулярного внимания языковедов-терминологов[1]. Между тем именно в таких изданиях современная терминологическая лексика получает наиболее систематизированное воплощение. Если же иметь в виду выявление национально-самобытного элемента в текстах государственных и отраслевых стандартов, то с этой точки зрения данные источники фронтальному обследованию не подвергались вовсе. Между тем, такое изучение языкового материала представляется нам существенным не только в теоретическом отношении, когда важно понять, как зарождались, развивались и какой путь прошли самобытно русские терминологии, но и в терминостроительной практике по унификации, упорядочению и стандартизации терминов.

Термины как номинативные единицы соотнесены с конкретными реалиями (или понятиями) научно-производственной деятельности. Термины, восходящие к народно-диалектной языковой основе, это чаще всего слова с предметной или процессуальной семантикой.

Наше внимание привлекают те государственные и отраслевые стандарты, которые по внеязыковой соотнесенности связаны с традиционными, постоянно обновляющимися занятиями русского народа. Это — разные отрасли сельского хозяйства, промышленное производство, первоначальную основу которых составляют ремесла, промыслы: лесоводство, деревообработка, рыболовство и рыбообработка и под.

Мы сознательно исключаем при нашем тематическом поиске стандарты, обслуживающие наиболее современные отрасли науки, техники и производства: стандарты на важнейшие единицы измерения, на средства автоматизации и вычислительной техники, общетехнические и методические, на изделия электронной техники,

[1] *Герд А.С.* Язык науки и техники как объект лингвистического изучения // Науч. докл. высшей школы. Филол. науки. 1986. № 2.

радиоэлектроники и связи и под. Хотя и в этом кругу встречаются интересующие нас лексемы.

В идеале ответом на вопрос о реликтовом характере народно-диалектного элемента в составе современной терминологии могла бы быть исчерпывающая систематика всех терминов и компонентов в составных терминах, истоки которых находятся в диалектной языковой среде, систематика, построенная на ретроспективном подходе к материалу. Но пока такие таксономии гипотетичны, особенно они невыполнимы в рамках одного исследования, силами одного исследования. Почему?

Основная причина, пожалуй, связана с общим количеством терминов, взятых на учет в государственных и отраслевых стандартах. В настоящий момент в нашей стране действуют свыше 900 государственных и отраслевых стандартов. Общее количество терминов, установленных этими документами, превышает 150 тысяч[2].

По структуре эти термины делятся на однословные и составные. Последних в общем банке терминов намного больше. Есть такие государственные и отраслевые стандарты, в которых однословные терминологические единицы отсутствуют вовсе. Задача установления народно-диалектного элемента в составе современной терминологии может считаться выполненной, если в составном термине под этим углом зрения будут рассмотрены и учтены все его компоненты (ср. пример с термином *нить* в главе 1).

Группа однословных терминов включает все структурные типы слов: непроизводные слова (слова-корни или слова-основы), слова производные (именно аффиксация создает в терминологии языковую систематичность[3]), сложные слова. Совокупность данных, в которых выражается исконно-русский морфемно-корневой набор языковых средств, создает массив огромных размеров. Элиминирование же фактов деривации (синтаксической или словообразовательной) при установлении доли народно-диалектного элемента в современной терминологии исказило бы объективную картину. Поэтому уже в самом начале исследования возникла необходимость ограниченной выборки ТЕ из текстов терминологических стандартов. Она была необходима во-первых, из-за того огромного количест-

---

[2] *Волкова И.Н.* Стандартизация научно-технической терминологии. С. 145. Возможно. указанные цифры к настоящему времени изменились, так как государственные и отраслевые стандарты регулярно уточняются.

[3] Например, суффикс *-ость*, посредством которого передается семантика отвлеченного качества или свойства, один из самых продуктивных в терминологической лексике. Ср. уже у Ломоносова: *твердость, жесткость, мягкость, гибкость, ломкость, кислость, разность, равность, рухлость, черность, белость, удобность, крупность* (*Бурдин С.М.* Роль Ломоносова в создании естественно-научной терминологии в русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952. С. 15—16.). Этот же суффикс взаимодействует с основами, семантика которых относится к народной речи: *отавность растений* [СХЭ, Т. 3. С. 513], *щуплость семян* [СХЭ. Т. 6. С. 821] и под. Ономасиологическому анализу ТЕ с суф. *-ость* посвящена работа В.Г. Бутрим. Общая численность ТЕ в ней составляет 5000 единиц (*Бутрим В.Г.* Особенности семантики и образования терминов категории свойств. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.)

ва терминологической лексики, которую надо было бы при этом просмотреть, и, во-вторых, из-за сложности отграничения генетически диалектного ядра от общенародной лексики. Лексический состав любого народного говора составляется как из слов общенародного употребления, так и собственно местных. Семантика общенародных слов идентична как в литературном языке, так и в диалектах (*земля, лес, бревно, корова, лошадь, кобыла, пар, плот, сорняк, сучок, пень* и мн. др.). В соответствующих стандартах они имеют статус узаконений ТЕ. Сложность выделения объекта изучения — своеязычной терминологии в текстах государственных и отраслевых стандартов — не означает, что эти источники не обладают необходимой репрезентативностью в разработке генетических проблем в терминологии. Уже сами принципы и методы советской терминологической школы, на основе которых осуществлялась и проводится теперь унификация и стандартизация терминов, всегда предусматривающая учет реально существующих терминологий, т.е. терминологий, сложившихся естественным путем (и в их числе такой естественной средой была и народная речь), говорят о правомерности изучения в генетическом аспекте современной терминологии, отраженной в стандартах[4].

Языковой материал, который интуитивно привлекал наше внимание, сориентирован прежде всего на тематическую (содержательную) характеристику с учетом формы его выражения (дифференцированность со словарным составом общелитературного языка, специфика аффиксального оформления, общий характер корневых морфем и нек. др.). Отмеченные по таким критериям термины мы называем своеязычным термином (или своеязычным компонентом составного термина). При выявлении своеязычной терминологии мы обращаемся к многоотраслевому справочному банку терминов (СБТ), накопленному во ВНИИКИ (Всесоюзный научно-исследовательский институт технической информации, классификации и кодирования), "своеобразному политехническому нормативному словарю" (И.Н. Волкова), существующему в форме фонда нормативных документов (стандартов) и обширной картотеки всех вводимых в СБТ терминологических статей, расположенных по алфавиту[5]. (Наше изучение СБТ проходило в такой последовательности.)

Согласно классификатору, все государственные и отраслевые стандарты делятся на 18 групп. Каждая из групп содержит по нескольку таких стандартов. Для нас наибольший интерес представляли разделы, связанные с сельским хозяйством (раздел С), лесом (раздел К), но не только. Всего нами просмотрено 244 ГОСТа, в Списке источников мы приводим только цитируемые ГОСТы.

---

[4] *Нестеров П.В., Налепин В.Л.* Основные направления совершенствования работ в области упорядочения и стандартизации терминологии // Тез. докл. Всесоюз. конф. "Основные направления развития и совершенствования работ по стандартизации научно-технической терминологии в XI пятилетке". М., 1983.

[5] Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность заведующей Отделом разработки и эксплуатации автоматизированных банков терминологических данных ВНИИКИ И.Н. Волковой за предоставленную возможность изучить СБТ в необходимом для нас аспекте.

Для удобной и быстрой ориентации в многочисленных стандартах, а также в самом лексемно-терминологическом поиске нами были использованы справочные материалы ВНИИКИ и Госстандарта "Автоматизированная система информационно-терминологического обслуживания" (АСИТО)[6].

ГОСТ — это такой вид словарно-нормативного издания в области терминологии, который призван удовлетворять коммуникативные потребности специалистов современной науки, техники и производства сегодняшнего дня. Сегментация действительности в сферах науки, техники, производства сегодня отличается высокой степенью дифференцированности. Призванные обеспечивать адекватное взаимопонимание специалистов разных отраслей в разных ситуациях профессионального общения терминологические стандарты всех видов неизбежно отражают внеязыковую дифференцированность. Эта связь экстралингвистического момента с терминологическим проявляется по-разному. Прежде всего в классификационном выделении самих терминуемых областей. Там, где эти области получили терминологическое описание в разного вида терминологических стандартах (ГОСТах, ОСТах, стандартах СЭВ[7] и др.), само выделение терминируемых сфер отличается большой членимостью.

Покажем это на обширной сфере лесного дела. Лес и лесная продукция — один из давных и традиционноосвоенных видов хозяйственно-экономической деятельности в России. Продукция леса и деревообрабатывающего производства — предмет давнего и не утратившего по сей день своего значения экспорта.

Вся тема леса распределяется по двум классификационным разделам (К и С). В разделе С (ГОСТ "Лесоводство" [27], "Лесные культуры" [21]) лес охарактеризован с биологической стороны как одна из отраслей растениеводства в целом. В этой оценке отражены методы научного лесоводства, изучающего природу леса, способы выращивания леса для получения древесины, а также приемы улучшения лесов с целью повышения их продуктивности. Ср. такие ТЕ[8]: *широколиственный лес, мелколиственный лес, светлохвойный лес, древостой, семенной древостой, порослевой древостой, светлолюбивая древесная порода, подгон, подлесок* и др.

Обширный раздел К посвящен характеристике леса и древесины как сырьевой базы для получения разнообразных и многочисленных видов продукции; здесь описываются многочисленные технологические процессы и технические нормативы как при изготовле-

[6] Библиографический указатель государственных стандартов СССР на термины и определения (М., 1990), а также "Алфавитный указатель стандартизованных терминов". Раздел С. "Сельское и лесное хозяйство" (М., 1985) (2242 термина), "Алфавитный указатель стандартизованных терминов". Раздел И "Силикатно-керамические и углеродные материалы и изделия" (М., 1985) (983 термина).

[7] Организационные преобразования последних лет, затронувшие многие учреждения (в их числе и СЭВ), не исключают из речевого обихода специалистов многочисленные разряды терминологической лексики. Принятая для СЭВ терминология также сохраняется в отечественной нормативно-технической документации.

[8] Порядок перечисления ТЕ здесь соответствует нумерации, данной ГОСТом [27].

нии конкретной продукции из дерева и древесины, так и сама эта продукция: "Пороки древесины" [3], "Древесина клееная, слоистая" [10], "Лесосплав" [13], "Плиты древесноволокнистые и древесностружечные" [46], "Древесина измельченная" [37], "Технология лесозаготовительной промышленности" [19], "Продукция лесозаготовительной промышленности" [20], "Технология деревообрабатывающей и мебельной промышленности" [23], "Защита древесины" [2], "Древесина модифицированная" [40][9].

Дифференцированность терминологических стандартов, как правило, соотнесена с научной и практической разработанностью или неразработанностью самой внеязыковой сферы, с традицией научного изучения и описания, с количеством научно-технических трудов и работ, относящихся к данной сфере[10].

Естественно, что рассматриваемая дифференциация отражается не столько в понятийно-содержательных классификациях отдельно взятых отраслей знаний, но прежде всего в их вербальном выражении. Ср. однословные ТЕ в ГОСТе "Продукция лесозаготовительной промышленности", однородные в своей народно-диалектной отнесенности: *вершина, сучья, ветви, откомлевка, кора, хвоя, листья, долготье, бревно, кряж, чурак, корье, щепа, жердь, кол, пиловочник, дрова, поленья.* Или аналогичные в ГОСТе "Кормопроизводство": *корма, луговодство, залужение, дернина, луга, укос, отава, разнотравье, сено, солома, мякина, вешала, копна, скирда, стог.* Выборку подобных ТЕ можно продолжить далее.

Основу композиционной структуры всякого терминологического стандарта образует словарная статья, понимаемая как термин и его определение (дефиниция) в их совокупности[11]. Кроме того, во всяком ГОСТе есть алфавитный список всех ТЕ и другие сведения.

В плане выражения лексемный состав этих нормативно-терминологических документов во многом повторяет слова общенародного употребления. Поэтому представляется необходимостью в первую очередь сопоставить те виды семантических взаимоотношений, которые складываются между идентичными по форме и содержанию языковыми знаками, выступающими одновременно в качестве ТЕ в указанной терминосистеме и нетермина в общенародном речевом обиходе. В группе своеязычных терминов такие семантические взаимоотношения разнообразны, в них — одна из причин коммуникативных сбоев при общении[12]. Когда общенародное слово включается

---

[9] Из этого перечисления исключаются ГОСТы, связанные с производством бумаги, целлюлозы и картона. См.: Библиографический указатель государственных стандартов СССР на термины и определения. М., 1986. С. 17—19.

[10] Если полагаться на сведения из справочного издания (*Кауфман И.М.* Терминологические словари), то в России лексикографическое описание специализированной лексики лесного дела отмечается уже с середины XIX в. В справочнике эти труды фиксируются с № 1165 по № 1204.

[11] *Скворцов Л.И.* О языке и стиле ГОСТов: (В связи со структурой словарной статьи) // Терминология и норма. М., 1972. С. 33.

[12] Эта проблема рассматривалось нами на примерах слов *поезд — состав,* выступающих одновременно как термины железнодорожной сферы и нетермины в общенародном употреблении. Сами семантические взаимоотношения определены

как необходимый компонент в ту или иную терминосистему, то, специализируясь, оно получает свойства термина не только в точности наименования и содержательном наполнении дефиниции, но и в классификационной систематичности, строго соотнесенной со всей понятийной базой данной терминосистемы, эксплицированной в языковых знаках в пределах данного текста. Тексты терминологических стандартов (термины и их определения) в наибольшей мере отвечают этой понятийной систематичности. Поэтому их нередко называют терминосистемами, хотя в литературе можно встретить обоснованные суждения о том, что терминологические стандарты и терминосистемы — понятия, полностью друг друга не покрывающие: "... объектом стандартизации является не вся терминосистема, а лишь совокупность терминов, репрезентирующие данную терминологическую систему"[13].

Совокупность терминов, собранных и расклассифицированных в терминологических стандартах, составляющих единое издание (брошюра, небольшая книга), при поставленной задаче исследования могут составить его достаточную языковую базу.

Обнаружение системных свойств у тех же слов-нетерминов — процесс сложный. Оно возможно лишь при специально организованном наблюдении, ибо сами системные отношения в лексике не лежат на поверхности. Лексическая система каждого естественного языка из-за множественности составляющих ее единиц не всегда обозрима, она определяется в лексикологии как система систем.

Сопоставительный анализ семантического наполнения термина, зафиксированного в стандарте, и его аналога слова-нетермина проводится по разным направлениям, для чего привлекаются словари разного типа (общелитературные толковые, диалектные, исторические и этимологические) и составные части терминологических стандартов (дефиниции, классификационно-понятийные деления, комментарии и под.). В этом сопоставлении воссоздается общая картина смысловой динамики генетически однородных слов.

Ранее мы говорили, что обособление специализированных подъязыков, конструирование на их базе терминосистем являются естественным следствием автономности самих областей деятельности, соответствующих этим подъязыкам. (Понятие "специализированный подъязык" включает понятие "терминосистема". Один подъязык может объединять несколько терминосистем.)

В наборе вербальных средств терминосистем разных подъязыков легко обнаруживаются одни и те же ТЕ. В этом случае повторяемость этих терминов объясняется принадлежностью их к таким логико-понятийным категориям, которые органически присущи разным терминосистемам.

нами как явление межфункционально-стилевой омонимии (*Коготкова Т.С.* Терминология и межфункционально-стилевая "омонимия" // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.).

[13] *Авербух К.Я.* Некоторые специфические черты стандартизации терминологии как вида деятельности // Тез. докл. всесоюз. конф. "Основные направления развития и совершенствования работ по стандартизации научно-технической терминологии в XI пятилетке". С. 76.

Так, понятийная категория пороков или дефектов свойственна, в сущности, всем видам готовой продукции (или сырьевой основы ее). Разделы "пороки", "дефекты" выделяются как отдельные группы в классификационных схемах многих терминологических стандартов, а в ряде отраслей производственной деятельности порокам и дефектам они посвящаются полностью. Например, "Пороки древесины" фиксируются в стандарте [3] (в свою очередь соотнесенном с девятью терминологическими стандартами СЭВ), а дефекты металлических поверхностей — в двух стандартах [29, 33].

Для номинации дефектов, возникающих в процессах выработки, обработки, складирования, транспортировки и т.п. продукции, используются обыденные слова (*замины, трещины, царапины, ссадины, выхват* и под.), получающие в рамках терминосистемы статус терминологической единицы. Семантический потенциал корневой морфемы в этом случае детерминирует и семантику термина. В связи с этим встает законный вопрос о содержании (формулировке) терминологической дефиниции в стандарте. Как бы обязательны ни были правила логико-понятийной соотнесенности для построения термина и его определения в рамках стандарта, в таких случаях следует ожидать влияния обыденного языкового узуса на восприятие и применение этих терминов. Сфера фиксации подобных терминов неизбежно вступает в противоречие со сферой функционирования.

Остановимся подробно на одном таком случае. Пороком многих изделий является *царапина* (этимологически — собственно русское слово, от звукоподраж. *цап-царап*). В обыденном представлении — 'ранка на теле или повреждение на предмете в виде полоски, произведенной движением чего-либо тонкого и острого' [Ушак.].

Царапина — терминологическая единица целого ряда терминологических отраслевых и государственных стандартов: [3, 16, 30, 31 и др.]. Перечень показывает неоднородность реалий, материалов, в которых может быть рассматриваемый порок. Во всех случаях повторяется смысловой признак лексического значения слова *царапина* — 'повреждение в виде узкой полосы чем-либо тонким и острым'. Видимо, по этой причине в ГОСТе "Производство кожевенное" [4] при термине вовсе не дается дефиниция. В стандартах, связанных с металлом [29, 33], разработана лишь одна дефиниция, другая — отсылочная. В других стандартах дефиниции отражают специфику производства: 'дефект в виде непрерывной цепи мелких выколок на поверхности кварцевого стекла' [17] или 'углубление на обработанной поверхности, образованное в результате воздействия абразивного зерна или группы зерен при абразивной обработке, глубина которого превышает наибольшую высоту неровностей профиля поверхности'. [39] В дефиниции термина *царапина на древесине* 'повреждение поверхности лесоматериала острым предметом в виде узкого длинного углубления, носящего случайный характер' [3] неясна причина выделения ограничительного признака, характеризующего константность/неконстантность этого поро-

ка ("случайный характер"). Механические повреждения в результате обработки древесины могут быть только случайными, в противном случае должна быть изменена технология обработки дерева.

В [15] содержание дифиниции термина *царапина* соотнесено с дефиницией термина, называющего другой порок — *ссадина.* Вот эти дефиниции: *царапина* 'дефект, характеризующийся наличием механического повреждения более глубоких слоев кожи тушки птицы в виде узкой полосы'. *Ссадина* 'дефект, характеризующийся наличием механического повреждения верхних слоев кожи тушки птицы'. Сопоставляются два разных повреждения по признаку глубины проникновения в тушку птицы. Насколько специалисты-птицеводы в устном и письменном речевом обиходе выполняют это нормативное предписание стандарта, могли бы показать наблюдения за сферой функционирования. У нас таких наблюдений нет. Можно, однако, допустить, что обыденное осмысление слов *ссадина* и *царапина,* которое подчеркивает конфигурацию повреждения, а не его глубину, будет превалировать. Можно сказать, что дефиниции к этим терминам в [15] выглядят искусственными.

Правило повторяемости в разных терминосистемах одних и тех же по форме терминированных лексем распространяется и на те из них, что дифференцируются в плане выражения с литературным языком. Во Введении мы разбирали слово *свиль* — один из пороков многих вещественных реалий. В терминологических стандартах *свиль* (и его производные) повторяется в тех случаях, когда важно обозначить беспорядочность расположения естественных волокон или слоев в материале, их перевитой характер. В древесине, в стекле — это один из их естественных пороков. Производное от *свиль* — *свилеватость* — краткая форма составного термина *свилеватая древесина* [3]. *Свилеватость* — 'извилистое или беспорядочное расположение волокон древесины' встречается на всех видах древесных пород, чаще на лиственных и преимущественно на комлевой части ствола. При свилеватости могут образоваться очаги гнили в дереве. Именно это свойство и отмечается в словаре Бурнашева, в статье "свиль" читаем: "Когда при распилении дерева надвое, во внутренности его окажется гниль, то такое дерево называется свилеватым". В технологии деревообработки, предусматривающей воздействие на древесину в разных направлениях ствола, *свилеватость* как порок снижает прочность древесины при растяжении, сжатии, изгибе, а при раскалывании повышает прочность, в продольном направлении затрудняет процессы строгания и тесания. Отсюда и дифференцированное отношение к степени свилеватости дерева. В терминологическом стандарте различают *волнистую свилеватость,* когда волокна дерева расположены более или менее правильно, и *путаную свилеватость,* характеризующуюся беспорядочным расположением волокон.

В производстве кварцевого стекла термин *свиль в кварцевом стекле,* кр.ф. *свиль* — 'дефект в виде прозрачного участка кварцевого стекла, отличающегося по показателю преломления от окружающей массы стекла' [17]. По конфигурации в стекле различают

точечную свиль, которая соизмерима с размерами зерна, из которого наплавлено стекло, и *узловую свиль* — 'свиль в форме узла, от которого отходят вытянутые свили'.

Аналогичная ситуация и с ТЕ *сбежистость* (от *сбегать* ← бѣгь). Естественные материалы, обладающие объемом или толщиной (стволы деревьев, круглые лесоматериалы, выделенные, но нераскроенные шкуры животных и др.) должны обладать постепенным спуском (сбегом) объема или толщины по длине. В международной деревообрабатывающей промышленности существует принятый термин, обозначающий это свойство древесного ствола: *сбег ствола* [Восьм. с/х. сл-рь]. Если сбег ствола быстр (т.е. крут), то данный ствол *сбежист. Сбежистость* — порок ствола дерева; при раскрое пилопродукции, при распиловке, строгании и лущении она увеличивает количество отходов. ГОСТ "Пороки древесины" [3] так определяет *сбежистость*:" постепенное уменьшение диаметра круглых лесоматериалов или ширины необрезной пилопродукции на всем их протяжении, превышающее нормальный сбег, равный 1 см на 1 м длины сортимента". В кожевенной продукции *сбежистость*[14] создает неравномерные перепады толщины кожи, что также ограничивает возможности в раскройных операциях. Сходство этих терминов обнаруживается на семном уровне; в то же время они коммуникативно "разведены", ибо закреплены за разными специализированными подъязыками. Отсутствие данной лексемы в общенародном употреблении (как это имеет место в *царапина*) обеспечивает термину *сбежистость* номинативную полноценность.

Терминологические стандарты объединяются в серии, относящиеся к смежным видам производственно-технической деятельности. Повторяемость терминов в таких стандартах закономерна, естественно ожидать и идентичность их смыслового наполнения. В основном, принцип построения дефиниции, когда две (или несколько) ТЕ совпадают в своих ведущих смысловых признаках, а дефиниции как бы налагаются друг на друга, соблюдается, хотя в формулировках имеются некоторые расхождения. Причина словесного несовпадения кроется в систематизирующем воздействии других терминов, входящих в состав того или другого терминологического стандарта.

Из народно-диалектной речи в терминологические стандарты лесного дела пришел термин *пролыска* [13, 19]. Образная природа метафоризации общеславянского слова *лысый* — еще одно свидетельство народного происхождения термина. *Пролысить бревно, сделать пролысину* — это снять с него кору с целью просушивания, но не полностью, а лишь частично[15]. Именно это и пере-

[14] В ГОСТе "Производство кожевенное" [4] этот термин не фиксируется, хотя в текстах специалисты применяют его.

[15] *Пролыска — пролысить* широко употребляется в местной речи. У Даля: 'сделать на чем-л. лысину, голое место, светлое пятно; прочистить, оголить полосою' (без указания места). В рассматриваемом значении фиксируется современными областными словарями: *пролысивать дерево надо для просушки* [Обск.], *Давай-ка пролысь колья* [Новосиб.], 'снять кору с бревна несколькими узкими продольными полосами для просушки' [Соликам.], *нь сталбáх пралы́с'ут' лы́ски* и *пи́шут', шть каз'о́нный л'ёс-та* [Деул.] и др.

дает дефиниция ТЕ *пролыска:* 'снятие коры с бревен продольными полосками для ускорения естественной сушки древесины' [13]. В данном стандарте термин *пролыска* состоит "особняком" в ряду иных понятий лесосплава, а в [19] он коррелирует, составляя понятийную парадигму с термином *окорка,* также связанного с удалением коры с дерева. В словарях литературного языка: **Окори́ть** — *спец.* Очистить от коры. *Мосток получился беленький из окоренных еловых бревен.* Горышин. Около океана [МАС]; **Окорка** (*спец.*) Очистка дерева (от коры). *Ручная о., механическая о.* **Окорщик** (*спец.*). Рабочий, занятый окоркой [Ушак.].

Два близких термина и по генетической основе и в семантике должны быть "разведены" понятийно. Такое дифференцирование заложено уже в народно-диалектном осмыслении: *Пролысить дерево* — снять с него кору частично (как бы лысинами), *окорить дерево* — освободить его от коры полностью[15]. ГОСТ [19] связанный с технологическими процессами лесозаготовительной промышленности, представляет оба термина: и пролыску, и окорку. Но, как и следовало ожидать, в системе данного терминологического стандарта родовое понятие закрепляется за термином *окорка:* 'удаление коры с хлыстов и сортиментов'. Понятие *окорка* конкретизируется в двух группах видовых терминологических наименований, стоящих между собой в оппозиционных (квазиантонимических) отношениях. Одна из них характеризует процесс окорки с точки зрения количественного освобождения ствола от коры: *чистая окорка* 'окорка с полным удалением коры и остатков сучьев' и *грубая окорка* 'окорка с частичным оставлением коры' и *пятнистая окорка* 'окорка коры пятнами'. Другая пара видовых наименований характеризует процесс окорки по количеству деревьев: *поштучную окорку* 'окорка отдельных сортиментов или хлыстов' и *пачковую окорку* 'одновременная окорка пачки сортиментов или хлыстов'.

Примыкающая к этим терминам *пролыска* совпадает с ТЕ *грубая окорка* (по признаку частичного удаления коры) и противостоит ТЕ *пятнистая окорка* (по признаку формы удаляемых с дерева участков коры). С учетом такой понятийной соотнесенности строится и дефиниция термина *пролыска* 'грубая окорка с удалением коры полосами по всей длине'.

Сопоставительный анализ одной и той же ТЕ *пролыска* в составе двух смежных терминологических стандартов показал полную смысловую идентичность данной ТЕ при различии вербального оформления дефиниции. Последнее зависит от логико-систематичного принципа описания терминологических единиц, которому подчинены терминологические стандарты в целом.

Знакомство с языковым материалом терминологических стандартов показывает, что понятийно-классификационную роль выполняют все

---

[16] Местное происхождение слова *окорка* подтверждают областные словари. **Окоря́ть** 'снимать кору с деревьев (при добыче смолы и под.)'. *Хад'и́ла смо́лу съб'ира́ла и акар'а́ла.* [— Как?] — *Ка́к-ть снач'а́ль их* [деревья] *акар'а́йут', эта уш н'а зна́йу как* [Деул.]. **Ококрёнок** 'ошкуренное бревно'. *Окорёнок — бревно окорённое, без коры то есть. Окорёнок, ошкурёнок — лес со снятой корой* [Новосиб.].

структурно-семантические виды терминов. В разного рода деривационных моделях реализуются языковая систематизация терминов, скоординированная с систематизацией предметно-понятийной. Свойственная же профессионально-специализированным сферам тенденция к дифференцированию с общеупотребительным словарем проявляется по-разному. Один из способов — закрепление в качестве термина не основного (непроизводного) слова, а его деривата. Дифференциация в форме выражения обеспечивает точность терминологической номинации. Рассмотрим употребление слова *сук* (общеславянск. *сукъ*) и его уменьшительного деривата *сучок*. В словарях литературного языка читаем: **Сук** — В бревне, доске — остаток от срезанного бокового отростка ствола, выступающий как поперечный слой в продольных слоях древесины; **Сучок** — *уменьш.* к сук. Маленький сук [Ушак.]. В терминологическом стандарта "Пороки древесины" [3] к числу пороков древесины отнесены разные виды *сучков*. Подчиненность теме стандарта (пороки древесины) выразилась в дефиниции термина *сучок* — 'часть ветви, заключенная в древесине ствола' а также в классификации разных видов сучков. Реалия, которая названа ТЕ *сучок*, по существу, индифферентна к признаку величины или размера ее. В терминологическом стандарте группировка сучков идет по следующим признакам: по форме разреза на поверхности сортимента (*круглый, овальный, продолговатый*), по положению в сортименте (*пластевой, кромочный, ребровой, торцовый, сшивной*), по взаимному расположению (*разбросанные, групповые, разветвленные*), по степени срастания (*сросшиеся, частично сросшиеся, несросшиеся, выпадающий*), по состоянию древесины (*здоровый, светлый, темный, здоровый с трещинами, загнивший, гнилой, табачный*), по выходу на поверхность (*односторонний, сквозной*). Всего 27 терминов, характеризующих сучки; важность таких характеристик отражает качественные свойства древесины. Внеязыковая релевантность рассматриваемого порока древесины показана в видовых (атрибутивных) терминах — наименованиях сучков.

Разобранный пример специализации общенародного слова — типичный и весьма распространенный, ибо термины, так же как и слова естественного языка, обретают специализированные свойства постепенно, в ходе поступательного развития той или иной внеязыковой сферы. При терминировании общенародного слова существенное место занимает соотношение между понятийным содержанием лексического значения данного слова и его денотативным наполнением. Здесь могут быть разные случаи. Только что рассмотренный термин *сучок* и 2-е значение по Ушакову слово *сук* денотативно полностью налагаются друг на друга.

Другой распространенный случай семантического взаимодействия двух аналогичных по форме языковых знаков (термина и нетермина) сводится к сокращению денотативного спектра слова, когда оно становится термином. Сравним два осмысления (терминологическое и обиходно-бытовое) слова *место* (по происхождению — общеславянское — *mѣsto*). Толкование в словаре Ушакова — 'густая

масса из муки, замешанной на воде, молоке или иной жидкости' по существу повторяет традиционное (устоявшееся в веках) понимание этого слова. Ср. **тѣсто** 'мука, замешанная на воде или на другой жидкости' (*тѣста мѣшааше и хлѣбы пека*). Пат. Печ. [Срезн.]. В нетерминологических толкованиях не выделяется в качестве смыслового признака вид хлебного изделия, для которого тесто предназначается, а в качестве жидкости для замеса муки имеется в виду не только вода, но и молоко, сметана, сыворотка, пахта и др.

Рассмотрим дефиницию ТЕ *тесто* в ГОСТе "Хлебопекарное производство": 'Полуфабрикат, полученный из муки, воды, дрожжей, опары или закваски и дополнительного сырья замесом и брожением в соответствии с рецептурой и технологическим режимом, служащий для приготовления хлеба, сдобных булочек и диэтических изделий' [18]. Становится ясным, что хлебопекарная промышленность при изготовлении хлебо-булочных изделий в больших объемах имеет дело только с дрожжевым (кислым) тестом (в бытовом обиходе оно может быть и пресным), что основная жидкость, на которой замешивается мука, — вода, что изготавливаемые изделия ограничены в ассортименте (исключаются блины, оладьи, пироги и др.). Налицо — сужение, сокращение денотативных ситуаций, закрепленных в лексическом значении слова в обиходно-бытовом употреблении.

Аналогично "отсечение" добавочных смысловых оттенков и в семантике других терминов этого же стандарта. **Опáра** в слов. Ушакова 'Заправленное дрожжами или закваской забродившее тесто' // 'Закваска для теста' (обл.). В Словаре Даля — 'тесто в деже или квашне, заправленное дрожжами или закваской' // 'приготовленная для этого закваска'. В ГОСТе — 'полуфабрикат густой или жидкой консистенции, полученный из муки, воды, а иногда и части соли, дрожжей или закваски путем замеса и брожения, полностью расходуемый для приготовления теста'. Оттенок 'закваска для теста' не входит в дефиницию термина. Не исключено, что причина такого "отстранения" — областной, местный характер его. В элиминировании областной семантики стандарт идет еще дальше, предписывая не употреблять синоним *расчина* (помета *ндп.*). Ср. у Даля *расчина* 'юж. зап. Раствор для хлеба, печенья', т.е. слово узко региональное.

Таков характер семантических взаимоотношений в кругу конкретных слов с небогатой смысловой структурой. Отбор, комбинация, расширение и, наоборот, сужение семантических вариантов наблюдается и в полисемичных словах общенародного языка при их специализации. Тема стандарта и здесь направляет конструирование терминологической семантики. Но сам характер такого отбора может быть более сложным.

В толковых словарях литературного языка полисемия общерусского (и общеславянского) слова *земля* обусловлена внеязыковой актуализацией каждого из значений, а также их распределением по функционально-стилевым и коммуникативным сферам националь-

ного языка. Вот как выглядит смысловая структура этого слова в [МАС]: 1. Третья от Солнца обитаемая нами планета (с прописной буквы). // Место жизни и деятельности людей. 2. Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства). 3. Верхний, поверхностный слой коры нашей планеты, а также ее более глубокие слои; почва, грунт. // Поверхность, плоскость, на которой мы стоим, по которой движимся. 4. Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты. 5. Территория, находящаяся в чьем-либо пользовании, обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва. 6. *Высок.* Страна, государство. 7. *Устар.* Поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок[17].

Понятийная характеристика земли (и земель) осуществлена в ряде терминологических стандартов, посвященных особо значимой в наши дни теме — охране природы. В этих документах *земля* — родовой термин, означающий 'важнейшая часть природной сферы'. Понятийная классификация земли (и земель) разрабатывается здесь с учетом того, что в настоящее время многие гектары земель ежегодно выпадают из севооборота: под дороги, под промышленное, гражданское и сельскохозяйственное строительство. В терминологическом стандарте "Охрана природы. Рекультивация земель" слово *земля* — родовой термин. Его дефиниция: 'Важнейшая часть окружающей природной среды, характеризующаяся пространством, рельефом, почвенным покровом, растительностью, недрами, водами, являющаяся главным средством производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве, а также пространственным базисом для размещения всех отраслей народного хозяйства' [1]. Дефиниция термина как бы аккумулирует разные семантические деления толкового словаря, и, видоизменяя их содержание, подчиняет природоохранной теме стандарта. В ней отражены оттенок 1 значения, полностью 3 и 5 значения и включено то, что МАС как существенный признак слова *земля* отвергает (водное пространство). Дефиниция термина полностью исключает 1 (планетарное), 6 (высокое, книжное) и 7 (устаревшее, бытовое) значения, как не отвечающие тематике ГОСТа. Неясность вызывает денотативное наполнение признака "пространственный базис" земли, предусматривающий размещение на ней только отраслей хозяйства[18].

Вместе с дефиницией родового термина *земля,* раскрывающей общие контуры понятия *земля* в аспекте охраны природы, в стандарте приводятся и иные, более дробные классификации. По назначению все земли делятся на два больших разряда: сельскохозяйственного и несельскохозяйственного назначения, которые подразделяются на многочисленные видовые наименования: *земли*

[17] Относящаяся больше к образным и выразительным средствам языка фразеология со словом *земля* здесь не воспроизводится.

[18] Думается, что охранное отношение к земле может проявиться и в жилом землепользовании, т.е. при размещении на земле жилого фонда. Это тем более правомерно, что в видовых наименованиях земель такие реалии предусмотрены (ср. *земли поселков городского типа*).

автомобильного транспорта, земли водоохранных зон, земли воздушного транспорта, земли городов, земли городской (поселковой) застройки, земли государственного водного фонда, земли государственного запаса, земли государственного лесного фонда, земли государственных ботанических (дендрологических парков), земли ж.д. транспорта, земли, занятые городскими лесами, земли заповедников, земли зеленой зоны города, земли коллективного садоводства, земли курортов, земли нарушенные, земли несельскохозяйственного назначения, земли общего пользования, земли осушенные, земли орошаемые, земли, покрытые лесом, земли поселков городского типа, земли пригородной зоны, земли природных национальных парков, земли приусадебные, земли промышленные, земли рекультивированные, земли сельских населенных пунктов, земли сельскохозяйственного использования в городах (поселках), земли сельскохозяйственного назначения, земли транспортные, земли эродированные, земли эрозированные.

Если соотнести семантику видовых наименований со схемой словарной статьи *земля* по МАС, то большинство из этих терминологических сочетаний можно трактовать как расширенный контекстный репертуар, иллюстрирующий 5-е значение слова. Терминологическую спецификацию им придает морфология: исходная форма для них не единственное число им. п., а множественное, что для терминологии весьма характерно[19]

Если посмотреть на распределение однословного термина *земля* и составных терминов с диахронической точки зрения, то очевидна такая закономерность: родовой однословный термин *земля* — слово древнее, имеющее длительную историю в русском и других славянских языках, видовые (составные) ТЕ — номинативные терминологические новообразования.

Термины и их определения, получившие свое место в определенных терминологических стандартах, это прямой результат собственно терминоведческих разработок. Современное терминоведение в качестве основного постулата термина выделяет его логическую основу, содержательный план. Именно поэтому, рассматривая варианты существующих, естественно сложившихся терминосистем, терминоведы выбирают наиболее полезное, приемлемое для выражения понятийных связей классификации понятий и т.д. Все, что не совпадает с упорядоченной системой терминов, не только считается нежелательным, но и просто игнорируется.

Широко распространенное и хорошо известное специалистам несовпадение в денотативном наполнении общенародного слова при его терминологизации является исходным моментом для дальнейшего семантического преобразования этого слова. Специализированные подъязыки на огромном количестве примеров подтверждают непредсказуемые резервы полисемии. Полисемия слова (или, наоборот, сужение его семантики) при специализации отвечает одной

[19] *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л. 1947. С. 160; *Даниленко В.П.* Русская терминология. С. 192 и след.

из важнейших тенденций языка — экономии средств языкового выражения, что в свою очередь ведет к сохранению основного лексического ядра языка. В современных условиях, когда специализированная лексика через каналы массовой коммуникации или прессу выходит в общее употребление, этот, ранее скрытый полисемантизм слова обнаруживается. Контекстное окружение, в которое в этом случае попадает специализированное слово, помогает выявить скрытую семантику. Например, в общенародном обиходе слово *яловый* применяется преимущественно для обозначения не телящейся в данном году коровы, хотя семантический признак "бесплодие" отмечают словари и по отношению к земле: 'бесплодный, необработанный' [Фасмер], 'плохая запущенная земля' [Даль], 'неплодородная земля' [Мурзаев]. *Яловый* — традиционное обозначение рыбы, не имеющей икры, встречающееся как в языке рыболовов [Шульц], так и в сибирском говоре с. Нарым: *это икряная рыба, а вот она спустит весной икру — яловая.* В растениеводстве *яловый* — 'не плодоносящие растения, деревья': «Цветет [вишня], что невеста под фатой, а без толку. Совхозные директора горько роняли: *"яловая культура", "больше дров, чем плодов"*» (Л. Кузнецова. Туман над садом. Лит. газета. 12. XII. 84).

Характеристика прилагательного *яловый,* данная в словаре Ушакова, отвечает реальной распространенности слова в русском языке: 'О скоте: бесплодный, неоплодотворенный (с.х.). // То же о рыбе, растениях, земле' (*спец.*).

Другой пример связан с реализацией термина *сеголеток (сеголетка).* Чаще всего этим термином называют мальков рыб в возрасте до года[20]. "На Чудском озере мы встретились с таким фактом: рыбоводы "по науке" выращивают *сеголеток* и выпускают их в озеро, а местные жители приспособились перехватывать их сетями... на корм свиньям!" (Э. Ставский. Причуды Чудского озера. Лит. газета. 12. IX. 79 г.). Точность наименования, выраженная в этимологии слова, самобытно национальный "мотив" его образования (*сеголѣта* рождения, ср. *сегодня*) предопределили применение данного термина для наименования и других животных данной возрастной группы. "В пределах СССР обитает 12 видов диких кошек, из которых восемь находятся в "аварийном" состоянии. Вот почему в столичном зоопарке диким кошкам уделяется особое внимание. И оно дало свои результаты. На днях я побывал в гостях у котят-*сеголеток*. Пока они еще малы, очень забавны, веселы и игривы" (И. Сосновский. Дикие кошки. Веч. Москва. 12. IX. 84 г.). "Посмотрели мы и на молодняк — 18 лосят-*сеголеток* славно подросли. Скачут по кустам. На зов идут только к своим хозяйкам" (В. Бочарников. А лоси тут домашние... Правда. 23. VIII. 85 г.).

Однословные термины, обозначающие древние, "обжитые" во времени реалии, в ряде терминологических стандартов составляют устойчивые понятийно систематизированные фрагменты, противопос-

[20] "Рыбная" семантика в слове *сеголеток* отмечается во многих славянских и европейских языках (Восьм. с.х. сл-рь).

тавленные соседствующим с ними терминам-словосочетаниям и терминам-сложениям; последние с исторической точки зрения — новообразования. Лексемный состав таких стандартов как бы отражает историческое развитие понятийной структуры той внеязыковой сферы, которая получила в этом стандарте отражение.

Показателен в этом отношении стандарт "Скот для убоя [12]. В нем получили определения основные виды животных, предназначенных для убоя и являющихся сырьем для мясной промышленности. Всего 71 термин, из них однословных — сорок, включая дериваты уменьшительные (*баранчик*) и женского пола (*ослица, верблюдица, ячиха*). Однословные термины — это традиционные наименования домашних животных, понятийно распределяемых по десяти разделам: крупный рогатый скот (*корова, телка, нетель, теленок, бык, бычок, вол*), лошади (*жеребец, жеребенок, кобыла, мерин*), свиньи (*поросенок, подсвинок, хряк, боров*), овцы (*ярка, ягненок, баран, баранчик, валух, валушок*), козы (*коза, козел, козленок*), буйволы (*буйвол, буйволица, буйволенок*), яки (*як, ячиха*), ослы (*осел, ослица, осленок, мул, лошак*), верблюды (*верблюд, верблюдица, верблюжонок*), олени (*олень, олененок, важенка*).

Значимые для этого стандарта внешние признаки (систематизация по полу и возрасту) исторически сложились внутри самих языковых единиц — непроизводственные корреляты (*корова — бык*) или производные (*коза — козел — козленок, верблюд — верблюдица — верблюжонок).* Вместе с этим для современного (промышленного) отбора скота для массового забоя важно более обобщенные градации групп однородных животных по возрасту. Возникают противопоставленные серии составных терминов: *молодняк крупного рогатого скота — взрослый крупный рогатый скот, молодняк овец — взрослая овца, молодняк лошадей — взрослая лошадь* и т.п. Языковая системность достигается антонимией компонентов в составных терминах (*молодняк — взрослый*). Дефиниции этих терминов могут отражать анатомические свойства животных, проходящих массовый зоотехнический осмотр (*молодняк крупного рогатого скота* 'телки, нетели, бычки и бычки-кастраты в возрасте от трех месяцев до прорезывания третьей пары постоянных резцов' и *взрослый крупный рогатый скот* — 'коровы, быки, волы, имеющие более двух пар постоянных резцов'), или строго детерминированные возрастные данные (*молодняк лошадей* 'лошади (самцы и нежеребившиеся и не имеющие признаков жеребости самки) в возрасте от одного до трех лет; *взрослая лошадь* 'жеребец, кобыла или мерин старше трех лет'). Учитывается также еще один признак — беременность животного. В группе коров, где с ним тесно связано такое обязательное свойство, как "дойность", важность признака "беременность" исторически соотносится с таким рядом слов, как *телка — нетель — корова.* В русском языке такого понятийно соотнесенного ряда слов по данному признаку нет больше ни для одного вида домашних животных. Терминологический стандарт наполняет эти ТЕ четким и точным содержанием, исходя из признака беременности (т.е. стельности).

Телка 'молодая не стельная самка крупного рогатого скота'; *нетель* 'Телка, у которой при визуальном осмотре или ректальном исследовании обнаруживаются признаки стельности'; *корова* 'телившаяся самка крупного рогатого скота'[21].

Устойчивость народно-диалектного элемента в составе многих терминосистем, восходящих в своих ведущих звеньях к традиционным занятиям народа, подтверждается в деривационных свойствах этих терминов. Проблема словообразования в терминологии, и в частности, такой аспект его, как использование раритетных аффиксов в качестве регулярных моделей в терминопроизводстве, ждет своего изучения. (Имеются в виду предметные термины, оформленные древними суффиксами *-ина, -уха, -ач, -ло, -арь* и др.) Изучение, учитывающее максимальный набор соответствующих лексических единиц, извлеченных "по всему фронту" терминосистем, помогли бы объективно оценить встречающиеся в литературе мнение о том, что термины с древними суффиксами употребляются в отраслевых терминологиях "по инерции", или что термины просторечного облика не дают дериватов вообще[22]. Обоснованность таких мнений, с нашей точки зрения, нуждается в доказательстве и проверке фактов. Мы увидим это на ТЕ, анализируемых в 3 главе. В тот же круг вопросов мог бы войти и анализ мотивирующих свойств и словообразовательных потенций народно-диалектных корневых морфем при образовании терминов, хотя последнее, как будто бы, скептических мнений у противников этих терминов не вызывает. Народно-диалектные корневые морфемы включаются в эти номинационные процессы наравне с общими словами также естественно и без ограничений.

В добавление к уже описанному материалу приведем еще один случай: распространение диалектной корневой морфемы, манифестирующейся в ТЕ на основе словообразования и сочетания слов.

Среди терминов стандарта "Лесосплав" [13] есть однословный термин *запань* — ндп. *гавань* 'наплавное лесозадерживающее сооружение'[23]. Близкое, хотя и более конкретизированное к дефиниции стандарта определение этого слова в МАС: *за́пань* и *за́понь* '*Спец.* Заграждение на реке для собирания сплавленного леса, а так же хранения и сортировки его'. В ГОСТе *запань* — родовой термин, раскрывающийся в видовых терминах: *поперечная запань* 'запань,

---

[21] Разбор этого ряда проделан нами в уже упоминаемой статье «Терминология и межфункционально-стилевая "омонимия"». Представляется, однако, необходимым сейчас внести уточнение в объяснение мотивировочной структуры слова *нетель*. Выполняя роль приставки, частица *не* здесь непосредственно отрицает содержание корня — *теля* др.-рус. "теленок", а не "стельность", как это было определено нами ранее (*не* + *теля* 'нетеленок').

[22] Просторечие в специализированных сферах пока не имеет окончательной лингвистической интерпретации.

[23] Ср. модификации семы 'изгороди на реке' в разных значениях этого слова, представленного в [СРНГ]: 1. Деревянная загородка на реке для избежания столкновения с мелями, косами. "В ней делаются ворота для пропуска судов". Кадн. Волог. Иваницкий, 1883—1889. 2. Загородка. Волог. 1902 // Преграда. Тихв., Новг. 1916. 3. Плотина. Верхне-Тоем. Арх. 1963—1965. 5. Вертикально опущенная сеть при ловле рыбы. Пск. 1912—1914.

прекрывающая всю ширину реки', *продольная запань* 'запань, располагаемая вдоль берега реки и прекрывающая только часть ее ширины', а также в партитивных: *наплавная часть запани* — 'деревянные или металлические плитки, понтоны и поплавки, поддерживающие лежень на плаву и задерживающие лес, поступающий в лесохранилище' и *лежень запани* — 'несущая часть запани из одного или нескольких канатов, воспринимающая давление пыжа, создаваемое потоком, и передающая его на опоры'. Корневая морфема *запан* — производящая основа для прилагательного *запанный,* в свою очередь являющегося атрибутивным компонентом в терминах *запанный пыж* 'скопление в лесохранилище бревен или сплоточных единиц' и *запанные ворота* 'лесопропускное отверстие в наплавной части запани'.

Компонент *лежень* в терминах *лежень запани* и *лежень плота* также восходит к местной речи. В [СРНГ] отмечается 39 значений у слова *лежень*, что уже само по себе говорит о широте семантической зоны корневой морфемы *леж* — (этимологически общеславянской). В кругу предметных значений *лежень* — это по преимуществу, бревно, брус, толстое дерево и т.п., лежачее положение которых крепит, фиксирует, создает опору для того или иного сооружения, устройства или конструкции. В результате ассоциативного переноса по функции уже в народной речи *лежень* приближается содержательно к терминологической дефиниции, приведенной выше: 'Канат для спуска лота с борта судна, плота, а также для крепления сплавляемого леса'. *На лёжень лот прикрепляли, и на плоту тоже лёжень проходит по челеньям; три лёжня проходит по матке* [Соликам].

Терминологическая лексика, как и всякая лексика живого естественного языка, за время длительной эволюции неизбежно включает в свой состав разные наименования для одной и той же реалии (или понятия). Одной из существенных задач всей деятельности по стандартизации и унификации терминологии — это преодоление синонимических наименований, ибо синонимы противоречат точности терминологических номинаций. По этой причине в структуре многих словарных статей терминологических стандартов существенное звено составляют так называемые недопустимые термины (помета *ндп.*). В категоричности пометы *ндп.* проявляется нормативно-кодифицирующая направленность терминологического стандарта как важнейшего в этом отношении научно-технического документа.

Есть ли особые установки в действиях разработчиков стандартов, направленные на изъятие терминов, генетически восходящих к народно-диалектным прототипам? Знакомство с материалом показывает, что в этом отношении позиции специалистов-терминоведов мало чем отличаются от позиции по отбору оптимальных терминов из числа возможных конкурентов и генетически разнородных в терминологические стандарты. Генетические критерии принимаются во внимание и проверяются по разным параметрам лишь в отношении слов иноязычного происхождения[24]. Кроме принципа соотнесенности с поня-

[24] *Волкова И.Н.* Стандартизация научно-технической терминологии. С. 96.

тием и лингвистической точности при выборе термина из числа синонимов (обратная сторона этой процедуры — снабжение отстраняемых конкурентов пометой *ндп.*) учитывается внедренность термина, т.е. частота его реализации в речевом обиходе (письменном и устном) специалистов той или иной сферы деятельности, способность к производству новых терминов и т.п. Исходя из таких требований диалектные по происхождению термины могут быть отведены из числа стандартизованных и узаконенных единиц и, наоборот, могут стать ими.

Принадлежность слова к народно-диалектной лексике не является, таким образом, обязательным критерием для квалификации ТЕ как недопустимой в ряду ее синонимов. Обращение под этим углом зрения к материалу показывает, что единой картины нет. Стандартизованная ТЕ и ее синоним с пометой *ндп.* могут быть однородными, народно-диалектными в своем генезисе словами. Ср. (первое слово-стандартизованный термин, второе — недопустимый термин): *бык — бугай, хряк — кнур* [12]; *топляк — утоп, залом — пыж* [13]; *опара — расчина* [18]; *нашест — насест* [26]; *вылот — выбоина, залив — облой, утяжина — утяжка, подсадина, зарез — заруб* [29]; *обжим — выдав формы, зарез — заруб, вылом — выбоина, скол* [29].

В этом выборе такое же место могут занять и обратные случаи, когда диалектный синоним квалифицируется как стандартизованный термин, а его литературные соответствия (иногда иноязычного происхождения) снабжаются пометой *ндп.*

Запань — гавань [13]; *упек — затраты при выпечке, усушка — затраты при остывании и хранении; отсдобка теста — переделка теста* [18]; *пригар — металлизация* [29]; *рыхлина — подкорковая пористость* [29]; *крольчиха — кроликоматка* [35]; *зарез — нечеткость формы* [29]; *алмазная волока — алмазная фильера* [8], *вертушка — головка замка, шпенек — цугалик, замок-задвижка — замок "цуг", задвижка — плата, ригель, упор, щеколда, затвор, движок, замок-защелка — цунферный замок, зажим помочей — зажим подтяжек брюк* [9].

Приведенные факты (при желании обе группы их могут быть значительно дополнены) говорят прежде всего о том, что при стандартизации терминов выбор ТЕ из числа возможных вариантов никак не связан с народно-диалектным генезисом таких лексем. Уверенные высказывания о том, что в случае такого отбора предпочтение отдается наименованиям литературно-кодифицированным[25], нуждаются в убедительном обосновании фактическими сведениями. Как уже говорилось ранее, доля народно-диалектного участия в составе стандартизованной терминологии никогда не изучалась на обширном массиве языковых сведений. Таких данных просто нет. Поэтому любые выводы по этому вопросу преждевременны.

Последовательному запрету подвергаются поэтому только слова, грубо-просторечные, такие как *рвотина* при стандартизованном термине *ужимина* [29].

Квалифицируя диалектные синонимы как недопустимые, разработ-

[25] *Даниленко В.П.* По страницам словаря "Научно-технический прогресс" // Русская речь. 1989. № 2. С. 88

чики стандартов в то же время допускают видимую непоследовательность, используя эти же, ими самими запрещенные слова на других страницах этого же терминологического стандарта. Собственно-русское слово *пыж* 'клубок, затычка' — недопустимый синоним к стандартизованному *залом*. Однако в стандарте есть термин *запанный пыж* 'скопление в лесохранилище бревен или сплоточных единиц' или введение этого же слова в текст дефиниции термина *лежень запани* 'несущая часть запани из одного или нескольких канатов, воспринимаемая давлением пыжа (разрядка моя.— *Т.К.*), создаваемое потоком, и передающая его на опоры' [13].

В этом же ГОСТе не вызывает доверия соотнесение терминов *топляк* и *утоп*. В первом случае — *топляк* ндп. *утоп* 'затонувшее бревно', а *утоп* ндп. *топляк* 'лесоматериалы, затонувшие при сплаве в связи с потерей плавучести'. При сходстве денотативного наполнения (а оно несомненно) выделение обоих терминов в сфере фиксации выглядит искусственным. Не убеждают в необходимости выделения двух терминов для сходной реалии и дефиниции каждого из них: затонувшее бревно, также можно распространить через сочетание "потеря плавучести". Все это — неизбежные издержки стандартизации, подобно таким, какие встречаются и при выборе стандартизуемой ТЕ вообще. Ср. в ГОСТе "Инструменты медицински" [42] ТЕ *зажимный медицинский инструмент.* ндп. *зажим* и ТЕ *медицинский зажим.* Кр.ф. *зажим.* ндп. *жом.*

Отбор и группировка нами фактических данных подчинены основной идее — показать традиционную устойчивость, продуктивность и регулярную воспроизводимость исконно-национального лексического элемента в составе специализированного словаря. Этой же цели отвечает и обозрение терминологических стандартов, выявление в них доли исконно-русского корнеслова, его семантических и классификационно-систематизирующих свойств. Это описание — наше возражение оппонентам, реальным и потенциальным, считающим, что традиционно-русские лексемы, а в их числе прежде всего — диалектные (или просторечные для носителей литературного языка) не отвечают тем номинационным критериям, которыми должны обладать вновь появляющиеся реалии и понятия, рождение которых связано с научно-техническим прогрессом. Конечно же, мы далеки от мысли, что язык всегда и только обходится старыми, традиционными словами, переосмысленными и деривационно-преобразованными. Но это имеет место, и такие случаи не столь уж редки.

В XX в. стали вырабатываться искусственные кожи. Полимерный синтетический материал, технология производства которого (так же как и сырьевая база) принципиально отличны от традиционных. Иной и словарно-номинативный состав в ГОСТе "Кожа искусственная мягкая. Пороки" [31]. Из ГОСТа [4], по существу, взято лишь одно базовое слово — *кожа*. Группировка искусственных кож предусматривает основу, на которую кладется полимерный материал: *искожа Т* 'мягкая искусственная кожа на тканевой основе', *искожа ТР* 'мягкая искусственная кожа на трикотажной основе', *искожа НТ* 'мягкая искусственная кожа на нетканой основе'. В другом ряду со-

поставлений учитывается материал-покрытие — поливинилхлоридное — *винилискожа,* нитроцеллюлозное — *нитроискожа,* полиамидное — *амидискожа.* Каждый из видов покрытия, накладываясь на разную основу составляют в совокупности основные виды искусственных кож: *эластикискожа Т, эластикискожа ТР, эластикискожа НТ* и т.д.

В добавление можно еще назвать *ворсит* — 'искусственная кожа хлопчатобумажной ворсовой ткани вельветон с поверхностной обработкой латексом или бензиновым раствором каучука, предназначенная для голенищ хромовых сапог и берец ботинок', *кирголин* — 'искусственная кожа на хлопчатобумажной ткани вельветон с каучуковым покрытием, предназначенная для голенища сапог, *шарголин* — 'искусственная кожа на трехслойной кирзе, шпрендированной с одной стороны поливинилхлоридной смесью, предназначенная для голенищ сапог'.

Гармония терминов и их дефиниций в рассмотренной терминосистеме определена самой химической наукой, пожалуй, наиболее систематичной изо всех иных наук. Иноязычные корневые компоненты *эластик-, винил-, нитро, амид-* — ее регулярные составляющие, так же как и суффиксы *-ит, -лин.*

Но уже в разделе этого же ГОСТа "Пороки" [31], где внеязыковая реальность строится на обыденных понятиях, а понятия химической сферы отстранены, набор терминов и их дефиниций повторяют многие наименования пороков натуральной кожи: *заломы, отмины, замины* и под., хотя в коже натуральной — пороков и дефектов больше. В числе пороков искусственной кожи назван *продуб мягкой искусственной кожи* 'производственный порок, характеризующийся повреждением полимерного покрытия и основы мягкой искусственной кожи'. В терминологии производства натуральной кожи термин *продуб* позитивного содержания, входящий в раздел "Показатели качества" готовой кожи. Словообразовательная мотивировка термина *продуб* ясна; это отглагольное существительное от *продубить* с семантикой качественного состояния. Известно, что в выделке кожи этап дубления — один из важнейших. После дубления, т.е. выдерживания голья в растворах дубящих веществ, оно приобретает основные свойства кожи — пластичность и прочность. По ГОСТу [3] *продуб* 'показатель качества, характеризующийся пробой на полное окрашивание дубителем поперечного разреза кожи'.

Использование лексемы *продуб* для характеристики порока в искусственных кожах, основано, видимо, на коннотационных приращениях в слове, так как в позитивных, содержательных признаках термина *продуб'* по [4] и по [31], если опираться на приведенные только что дефиниции, трудно обнаружить общность или даже смежность.

Глава 3

СФЕРА ФИКСАЦИИ И СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ИХ СОПОСТАВЛЕНИИ. ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ СВОЕЯЗЫЧНОГО ТЕРМИНА

В лингвистическом изучении специализированной лексики, особенно ее групп и рядов, внесенных в ГОСТы и ОСТы, ощущается дефицит разработок, материалом для которых служат данные, взятые из сферы фиксации и сферы функционирования в их совокупности. Между тем, только обращение к совокупному источнику позволяет объективно оценить и терминостроительную практику (когда на первый план выдвигается выявление номинативной и понятийно-содержательной стороны ТЕ), и природу термина как особого языкового знака.

Объектом совокупного изучения сферы фиксации и сферы функционирования мы избрали терминологию современного кожевенного производства (далее — КП). Сферу фиксации репрезентирует ГОСТ "Производство кожевенное" [4] (раздел 1)[1], а тексты, на которых осуществляется проверка реального функционирования стандартизованных ТЕ, — это статьи из научно-технического журнала "Кожевенно-обувная промышленность" (раздел 2). Дефинитивная проблема своеязычного термина рассматривается нами на двух терминах рыбообрабатывающей промышленности — *зябрение, жаброванне* (раздел 3). Анализу подвергаются проекты ГОСТов "Продукция рыбной промышленности и технология ее переработки" (М., 1969) и стандарт СЭВ "Рыба и рыбные продукты (1988)", словарно-справочные пособия отрасли и тексты, относящиеся к ней[2].

1

Современная научная технология КП выросла из кожевенного промысла, очень древнего и традиционного на протяжении своей многовековой истории. Отличительная особенность КП — не только

[1] Фронтальное описание всех ТЕ сферы фиксации проделано нами в: "Опыт лингвистического описания одной терминосистемы // Культура речи в технической документации. М., 1982.

[2] Обращение к текстам КП и рыбообрабатывающей промышленности составляет концептуальное единство данной главы, ее исследовательскую специфику. Вместе с тем, содержательно она делится на относительно автономные разделы, обозначенные нами арабскими цифрами.

широкое и повсеместное распространение в России (как, впрочем, и в других странах), но и крайне медленное развитие. Так как современное технически оснащенное КП вышло из кустарного промысла (в прошлом мелкие кожевенные предприятия были разбросаны по всей территории нашего государства), то местный колорит неизбежно определил лексико-фразеологическую основу языка КП.

Самобытность своеязычного термина КП определена самими приемами создания ТЕ. Из семантических способов здесь особенно выделяется метонимия. В народно-диалектной речи метонимические смещения особенно распространены. В условиях устного, некодифицированного употребления такие смещения дают особенно колоритные примеры словарных обособлений[3]. Метонимические смещения при образовании терминов КП относятся к разряду так называемой предметной метонимии, "связанной с переносом по смежности от существительного к существительному"[4]. Метонимический сдвиг при образовании термина способствует наибольшему проявлению адекватности между формой и содержанием в слове, другими словами, сохраняет его внутреннюю форму в "чистом виде". Последнее — оптимальный показатель термина как специфической единицы языка. Термины, образованные путем метонимического переноса, конкретны и точны, чему в значительной степени способствует строгая систематизация в сфере фиксации и замкнутая, ограниченная узким кругом специалистов сфера употребления. В терминосистеме КП результаты метонимического смещения при создании термина подчинены нескольким регулярным метонимическим формулам[5]:

1) название животного → название видов кожевенного сырья: *белек* (ндп.), *бугай, бычок, бычок хромового дубления, жеребок, жеребок-сосун* (ндп.), *жеребок-уросток* (ндп.), *лайка, опоек, опоек хромового дубления.*

2) названия части тела животного → названия части шкуры (кожи): *грива, голова* (ндп.), *лапы, лобаш, огузок, хвост, челка* (ндп.), *шея* (ндп.);

3) название болезни, повреждения шкуры (кожи) животного → название результата ее в виде порока кожи; *болячка, воротистость шкуры (кожи), зачес, кнутовина, короста* (ндп), *лизуха, маклак, накостыш, оспины, парша, свищ* и др.

Национально-самобытны и суффиксальные образования анализи-

---

[3] Подобное описание метонимических смещений в народных говорах см.: *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология: (Состояние и перспективы). М., 1979. С. 162—170.

[4] *Некрасова Е.А.* Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С. 112.

[5] В список терминов, соответствующих той или иной метонимической формуле, включаются и синонимы, помещенные в общем словнике ГОСТа как недопустимые (ндп.), ибо они также еще одно свидетельство активности метонимического терминопроизводства. В список включаются термины простые и составные; из последних берутся ТЕ, образованные на основе опорного термина-существительного, представленного в словнике ГОСТа как термин-слово. Подобные повторения термина-слова и его же в составном термине лишний раз подтверждают устойчивую продуктивность терминотворчества в изучаемой системе КП на основе метонимических сдвигов.

руемого ГОСТа. В первую очередь здесь надо назвать однословные предметные термины с суф. *-ин(а)*. Древнейший в русском языке и едва ли не самый многозначный суффикс *-ин(а)* в грамматиках XIX в. прямо связывается с наименованием кожи животного[6]. Существительные с *-ин(а)* представлены в разделах II, III, IV: *безличина, бычина, кнутовина, кожеедина, козлина, конина* (ндп.), *ломина, молеедина, моржевина* (ндп.), *оспины, пашины, передины, полупередина, прелина, роговина, седина* (ндп.), *седловина, царапина.*

В этих же разделах зафиксированы образования на *-к(а)*: *болячка, выметка, лайка, рыбка*[7], *челка* (ндп.), *чесотка* (ндп.), *яловка.* Сюда же примыкают слова с суф. *-ок, -ек,* восходящие как к первоначальному значению субъективной оценки (*бычок, вороток, выросток, жеребок, огузок*), так и к предметному значению результата действия или опредмеченного свойства (*склизок, спилок, опоек*). К этому же ряду исконно русских суффиксальных образований относятся и другие ТЕ с малопродуктивными суффиксами: *лизуха, лобаш, мостовье, накостыш.*

Среди отвлеченных существительных на *-ость* с семантикой свойства или качества немало таких, корневой морфемой которых являются народно-диалектные слова: *тощесть, теклость..., борушистость..., воротистость..., жилистость..., быглость...* и др.

Аналогично и среди отвлеченных понятий, связанных с процессами (действием или состоянием), представлены отглагольные имена существительные. Оформление осуществляется с помощью суф. *-ние, -к(а),* нулевым суффиксом.

Образования с *-ние* соотнесены с переходными глаголами: *тузлукование..., строгание..., мездрение..., дубление..., жирование;* в том числе с префиксальными: *обезволашивание, обеззоливание..., обезжиривание.*

С тем же значением употребляется серия терминов, образованных суф. *-к(а)* от беспрефиксальных глаголов: *стяжка..., чистка..., сушка..., тяжка...*; от префиксальных глагольных основ: *засолка..., подстрожка..., сгонка..., разводка..., нарезка.*

От непереходных глаголов с суф. *-ние* и *-к(а)*: *отмока..., садка.*

Бессуффиксальные отглагольные образования значительно отошли от семантики действия, обрели предметно-качественное осмысление; в предметно-тематическом делении они заполняют IV раздел [4] "Пороки шкуры и кожи", вставая в один классификационный ряд

---

[6] "Много женских имен с окончанием -ин(а), и значение их разнообразно: они означают единицу вещей дробимых, деревья и кустарники, кожу и мясо животного" (Опыт сравнительной грамматики русского языка, с. 137 // *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 139). Рефлексы с *-ин(а)* отмечены и от корней *кож-* и *шкур-*. Ср.: *Сверху покров ... кожинами.* Исх. XXVI, 14 [Срезн., т. 1, с. 1245]; *Еф на пятрах валяицца засохлая шкурúна,* пск. (*Максимов В.И.* Образования с экспрессивным суффиксом *-ин(а)* в русских народных говорах // Вопросы изучения лексики народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 146); примеры с кожевенной семантикой, созданные с помощью *-ин(а),* можно встретить и в других статьях В.И. Максимова.

[7] Один из немногих терминов, образованный в изучаемой терминосистеме не метонимическим, а метафорическим способом семантического преобразования.

с собственно предметными терминами: *зачес* 'порок в виде глубоких царапин и безличин на шкуре или лицевой поверхности кожи', *подрезь шкуры (кожи)* 'порок в виде несквозного пореза шкуры (кожи) с мездровой стороны', *прорезь шкуры (кожи)* 'порок в виде сквозного прореза шкуры (кожи) при небрежном снятии или неправильной обработке', *закал* 'порок в виде непрожированных и непромятых участков на сыромяти', *замины кожи* 'порок в виде складок на участках кожи, образующихся в процессе прессования и лощения' и др.

Активны народно-диалектные корневые морфемы и при образовании сложных слов особенно путем сложения основ: *водохлеб* (ндп.), *жеребок-сосун, жеребок-уросток* (ндп.),*кожеедина, червоточина, молеедина, дубитель-заменитель...* и др.

Сюда же примыкают и термины-сложения с числительным *полу-*, предполагающие попарную соотнесенность с соответствующими терминами: *передина — полупередина, чепрак — получепрак, полукожа, полукожник..., полувал.*

Характерная для специализированной лексики форма им. п. мн. ч., вм. им. п. ед. ч., как это бывает у большинства слов общенародного языка, распространяется и на народно-диалектные лексемы: *полы, щеки, сходы, пашины, оспины, порубы* (ндп.), *затеки* (ндп.). В составных ТЕ: *накостыши на шкуре (коже), намины кожи, лестницы на коже, наплывы на лаковой коже.*

Воспринятые из народно-диалектной языковой практики лексические элементы в специализированном словаре современного КП лингвистически освоены, ибо они продуктивны в словообразовательном отношении. Все языковые особенности и закономерности, присущие специализированной лексике в целом, также присущи и ТЕ народно-диалектного происхождения. Анализ сферы фиксации показал, что эти слова вместе с общенародной лексикой составляют единое целое.

В заключение краткого обзора языковых особенностей, характерных, с нашей точки зрения для народно-диалектной речи и отраженных в ТЕ сферы фиксации КП, приводится полный список однословных и составных ТЕ, прототипы которых по нашей квалификации связаны с народно-диалектным словоупотреблением. Такое списочное извлечение из ГОСТа сделает наглядным сопоставление сферы фиксации и сферы функционирования терминологической лексики КП.

Сведения из ГОСТа дополняются указанием на прототипы каждой ТЕ в народно-диалектной среде. Ареальные сведения о ТЕ, имеющихся в ГОСТе, извлечены нами изо всех имеющихся в нашем распоряжении диалектных словарей, связанных с прошлым состоянием русских народных говоров [Даль, СРНГ] и составленных в наши дни на основе фиксации живой народной речи.

Семантическая филиация в приводимых словах отражает не только значения, полностью налагающиеся на дефиниции ТЕ, но и те из них, которые легко обнаруживают смысловую связь на основе переноса и близких ассоциаций. Если подобной связи нет (например, при

омонимии), то такие значения полностью не приводятся, а лишь сопровождаются специальной отсылкой к источнику.

Демонстрация словарных данных не только привлекает внимание специалистов к местным истокам того или иного термина[8], но и служит своеобразным сигналом, указывая на возможность появления диалектно-терминологической омонимии[9]. Семантический критерий заставляет нас отразить в приводимой ниже подборке сведений из диалектных словарей и однокоренные ТЕ (*яловка, яловина, яловчина*) и однокоренные образования с близкими или тождественными значениями (*продублять — продубить, дубло* и т.п.).

Данные из областных словарей расширены ремесленно-промысловыми показаниями, для чего приводится выборка соответствующих слов из "Опыта" Бурнашева.

Кожевенное производство — одно из самых древнейших. Обособление кожевенного промысла в России, отход его от мелкого кустарного и домашнего способа осуществлялись особенно интенсивно с развитием капитализма[10] . В "Карте кожевенного производства", составленной Модестом Киттары, учтено на 1872 г. 12 939 кожевенных заводов и заведений.

Лексика КП нашла свое отражение в "Опыте" В. Бурнашева, где зафиксировано 124 преимущественно однословных термина КП. Редкие в этом словаре терминологические словосочетания типа *сыромятная машина,* соответствующим образом характеризует кожевенные предприятия того времени в России. Подробные разъяснения кожевенной лексики в "Опыте" Бурнашева напоминают энциклопедические описания с этнографическим уклоном. Ценность терминов КП в словаре Бурнашева в том, что здесь произведен отбор слов для обслуживания отрасли в целом, преодолены узкие рамки их локальных границ, что явилось первым фильтром при отборе их в научно-стандартизированные терминологии.

Таким образом, приводимый далее список[11] содержит: 1) сведения из ГОСТа "Производство кожевенное", 2) сведения из областных сло-

---

[8] Наличие локального признака замечалось специалистами и ранее. Ср.: *"Полувал* или *мостовье*. Первое название более принято в восточной полосе Европейской России, второе — в западной" *(Киттары М.Я.* Карта кожевенного производства в России. СПб., 1975. С.8).

[9] Ср. проявление диалектно-терминологической омонимичности в словах *баз* и *нетель*, описанное в: *Коготкова Т.С.* Слово в терминологическом и нетерминологическом применении (*баз, нетель*) // Русская речь. 1975. № 1.

[10] Надо иметь в виду, что окончательное освобождение от ручных операций при изготовлении кожи, видимо, невозможно. До сих пор отдельные виды работ или проверки качеств кожи осуществляются вручную, что и находит отражение в ГОСТе, ср.: **Осыпание покрывной пленки на коже**. 'Порок в виде растрескивания и отставания покрывной пленки, обнаруживаемый при трехкратном прокатывании рукой (разрядка наша. — *Т.К.*), кожи, сложенной вдвое лицевой поверхностью внутрь'.

[11] Задача сопоставления сферы фиксации со сферой функционирования делает необходимым перечисление всех стандартизованных ТЕ, как однословных, так и составных. Рядом с однословной ТЕ, восходящей к народно-диалектным истокам, группируются составные, содержащие данный корневой компонент.

варей о народно-диалектных прототипах ТЕ, 3) ремесленно-промысловый вариант этих же ТЕ по словарю Бурнашева. Отсутствие словарного аналога для ТЕ в рубриках 2. 3. означает, что данное слово не фиксируется в указанных лексикографических источниках. Интересующая нас ТЕ набрана полужирно.

1)**бахтарма, бахтарма** загрязненная, **бахтарма** неотделенная;
2) **бахтарма** 'мездра, изнанка кожи' [Даль, СРНГ (12 значений), СРГКр], 'внутренняя поверхность кишок, брюшины' и т.п. [Соликам.], 'брюшина, которой затягивали окна' [Новосиб], 'верхний, чешуйчатый слой дерева, бересты, кожи' [ИОС];
3) **бухтарма** и **бахтарма** 'мясистые волокна на коже животных со стороны, обращенной к мясу'.

1)**безличина; болячка; борушистость** шкуры (**кожи**); **бугай; булгара;**
2) **болгара — булгара** 'особым образом выделанная кожа' ("называется так в связи с тем, что первоначально выделкой этой кожи занимались камские болгары") (Урал, Карпов, 1908), 'простой сорт кожи для сапог' (Урал, 1930), "крашеный товар, развившийся из простяка" (Куст. промысел России, 1913 — [СРНГ];
3) —.

1) **быглость шкуры,** бычина, **бычок, бычок** хромового дубления;
2) **бычок** 'малый, молодой бык, теленок' и другие переносные значения [Даль; СРНГ] без указания сферы КП;
3) —.

1) воротистость шкуры; **вороток**
2) **вороток** 'часть кожи с шеи и груди вола, на подошву' [Даль; СРНГ + 3 омонима без указания сферы КП];
3) —.

1) **выметка, выметка** хромового дубления;
2) **вымет — выметка** 'мертвое животное и др. знач'. [Даль], **выметка — выметной** [СРНГ] без указания сферы КП;
3) —.

1) **выросток, выросток** хромового дубления;
2) **выросток** или яловина 'шкура молодой рогатой скотины' [Даль];
3) **выросток** 'выделенная кожа молодого бычка или телки. около одного года'.

1) **выхват;**
2) **выхват, выхватка** действ. по глаг. *выхватывать, выхватать, выхватить* [Даль];
3) —.

1) **голье,** двоение **голья,** мягчение **голья,** мягчитель **голья,** распиловка **голья,** концентрированный мягчитель **голья, гольевой** порошок;
2) З.голь 'замша' [СРНГ];
3) **голь** то же, что *сыромять*"[12].

1) грива, **дубитель, дубитель-заменитель,** синтетический **дубитель,** вспомогательный синтетический **дубитель,** жидкий хромовый **дубитель,** специализированный синтетический **дубитель,** букет **дубителей,** смесь **дубителей,** основность минеральных **дубителей, дубление** голья, **дубление** голья синтетическими **дубителями,** алюминиевое **дубление** голья, альдегидное **дубление,** железное **дубление** голья, жировое **дубление** голья, комбинированное **дубление** голья, кремнекислое **дубление** голья, лайковое **дубление** голья, титановое **дубление** голья, циркониевое **дубление** голья, хромовое **дубление** голья, **дубящие** вещества, **дубящие** соединения алюминия, **коэффициент дубности, продуб, продубленность** хромовой кожи, **непродуб** кожи;
2) **продублять / продубить** *кожу, овчину* 'пропитать ее дубом, отваром дубового корья, выдубить' [Даль];

[12] В ГОСТе *голье* и *сыромять* — разные ТЕ, что, видимо, связано с современным этапом в технологической обработке кожевенного сырья.

3) **дубень** 'вещество, служащее к дублению кожи', **дубление** 'выделка кож с помощью дубящих веществ' (подробное описание всего процесса[13]).

1) **жеребок, жеребок** хромового дубления;
2) **жеребок** 'жеребенок, молодая лошадь' + 2 омонима [СРНГ; СНГ без указания сферы КП; Даль];
3) —.

1) **жирование / жировка** кожи, **обезжиривание** шкуры (кожи);
2) **жирить — жирование — жировка** 'салить, маслить, покидать, оставляя жирный след' [Даль];
3) —.

1) **закал;**
2) **закала** 'место в коже, особенно в подошве, которое делается жестким и ломается' [СРНГ];
3) **закал** 'непродубившийся слой кожи черного цвета'.

1) **замины** кожи;
2) **замин** (без указания сферы КП) [Даль; СРНГ];
3) —.

1)**запек, зачес;**
2) **зачес** 'конская чесотка на репице, хвосте'; // 'вообще сыпь, чесотка с зудом, струпья от перечеса' и др. значения [Даль + 2 омонима без указания сферы КП СРНГ];
3) **зачес** 'болезнь у лошадей на хвосте (репице), род чесотки'.

1) **золение / золка** шкуры (голья);
2) **золить** *кожи* — класть в зольник, мочить в зольном растворе и др. знач.; **зольник** 'раствор (золы, извести) и чан, в котором золятся шкуры для сгона в них шерсти' и др. знач. [Даль], **зольный** *чан* 'в кожевенном производстве чан, в котором кожи вымачиваются в растворе золы и извести' [Петерб. 1863; Олон.; СРНГ];
3) —.

1) кнутовина, кожа из спилка, **кожеедина;**
2) **кожеед** 'кожная моль' насекомое Dermetes [Даль][14];
3) —.

1) **козлина,** козлина хромового дубления;
2) **козлина** 'сырая козья шкура или выделенная с щерстью' [Даль], 'шкура козы' [Солик., ИОС; СРГ Кр. без указания сферы КП];
3) **козел — козленок** 'козловая кожа, выдубленная дубовой корой'.

1) **конина;**
2) —.
3) **конина** 'кожа лошадиная сырая или выделанная на подошвы'.

1) **короста;**
2) **короста** юж. чесотка, свербежная сыпь, *коростой* более называют сливную чесотку, сплошную (кора?) [Даль];
3) **короста** 'у овец то же, что парша вообще'.

1) лапы, лизуха, лобаш, ломина, **маклак** шкуры (кожи);
2) **маклак** 'мосол, мослак, костища, головка бедренной кости' [Даль];
3) **моклок** 'название того места лошадиного тела, которое находится под крестцом и повыше пахов'.

1) **мездра, мездрение** голья, **мездрение** отмоченной шкуры, **мездровая** сторона, **размездривание** шкуры;
2) **мездра́, мездри́на** 'подкожная плена, клетчатка, сроспая с кожей и сымаемая отчасти вместе с нею; бухтарма; при резком способе выделки ее более или менее сбивают' // 'Изнанка, ничка, испод кожи' [Даль, без указ. места];

---

[13] Обширные определения Бурнашева здесь сокращены.
[14] Семантика ТЕ в ГОСТе на основе метонимического переноса народно-диалектного прототипа.

3) **мездра** 'оставшиеся части сала и мяса на коже при снятии с животного', *мяздрить* 'соскабливать мездру с кожи'.

1) **мер[illegible]** неравномерная **мерея.**
2) —.
3) **мерея** 'та насечка, которая делается на юфти особейными мерейными досками из кленового или крепкого березового дерева'.

1) **молеедина;**
2) **молеедина,** молеточина, **молеядица, молеяд** 'место в вещи, в одежде, проточенное молью; порча от моли' [Даль];
3) —.

1) моржевина, моржевитость шкуры, **мостовье;**
2) **мостовье** 'кожевен. недоделанная кожи? [Даль];
3) **мостовье** 'не совсем выделанные кожи'.

1) **накостыши** на шкуре (коже);
2) **накостница** 'хрящеватый либо иной нарост на кости; хрящевая опухоль на конской ноге' [Даль];
3) **накостница** 'хрящевидная опухоль, бывающая на нижней части ноги лошадиной'.

1) намазка / намазь, **намины** кожи;
2) **намин, наминка** 'намятое, нагнетенное место, намятая мозоль' [Даль];
3) —.

1) **обрядка;**
2) **обряд** и **обряда** сев. кур. 'наряд женский, всякая женская праздничная одежда' [Даль], *обрядить* 'одеть в новое, купить, приобрести новую одежду', *обрядиться* 'одеться в новое', *обрядный* 'одетый в хорошую одежду (новую, чистую)' и т.п. [Деул.][15];
3) —.

1) **овчина, овчина** молодняка, временная **овчина, овчина** старица, сезонная **овчина,** стуловая **овчина;**
2) **овчина, овчинка** 'овечья шкура' [Даль], 'снятая шкура животного (овцы, волка, хорька и др.)' [Прибалт.];
3) —.

1) **огузок;**
2) **огузок** 'задняя часть чего-либо: в говядине и мясе вообще, отсек окорока' (см. *говяда*); // 'в пушном товаре — задок шкурки, с хвоста'; // 'в кожах, лучшая, толстая подошва с той же части' и др. [Даль];
3) **огузок** 'у меховщиков, задок меховой шкурки к хвосту'.

1) **опоек, опоек** хромового дубления;
2) **опоек** м. вят. 'теленок, молочное теля'; // орл. *телятина* 'телячья кожа в выделке на сапожный товар', *рослый опоек,* выросток или яловина, выростковый, яловичный товар; за ним идет юфть. *Опойник* м. сырой, невыделанный опоек. *Опоечная* выделка. *Опойковый* товар. *Опойчатые* сапоги. *Опойчина* ж. *вят.* опойковый товар [Даль], 'теленок, которого кормят молоком' [СГП], 'теленок-сосун' [Деул.];
3) **опок** 'выделанная дублением в коже телячья шкура'.

1) **оспины;**
2) **оспина** 'одна оспинная болячка, прыщ или волдырь' [Даль];
3) —.

1) отволожка, отмока шкуры, **парша;**
2) **парх** запд. (прах) **парш,** *парша* и *парши* — 'шелуди, золотушная сыпь на голове, которая сходит и нарастает струпьями, перхотью' [Даль];
3) **парша** 'скотская болезнь, обнаруживающаяся свербением кожи'.

1) **пашины;**
2) **паховина, пашина** 'исподняя и боковая часть брюха животного, от пупа до пахов; шкура, кожа с этого места' [Даль];

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

[15] Семантическая связь ТЕ и народно-диалектного прототипа на основе общей семы 'опрятность, аккуратность, чистота'.

3) —.

1) **передина, передина** хромового дубления, **полупередина;**
2) **передина** 'грудинка говядины' [Даль];
3) —.

1) подвялка / подвяливание кожи, **подрезь** шкуры (кожи);
2) **подрезь** 'заструга на шкуре, порча ножом при съемке ее' [Даль]
3) **подрезь** 'у сапожников, подрезанная кожа на обуви'.

1) **подсед** кожи;
2) **сед** 'пушная шерсть' [Даль]; *подсет* 'густая, мягкая трава, растущая нижним ярусом под высокой и более грубой травой' [Деул.];
3) **подсед** 'подшерстный пух на теле животного, особенно **у овец** и коз'.

1) **полувал,** шорно-седельный **полувал;**
2) —.
3) **полувал** 'бык двухлетний.'

1) полукожа, **полукожник, полукожник** хромового дубления;
2) **полукожник** у кожвнкв. 'малая, маломерная кожа' [Даль];
3) —.

1) **прелина;**
2) **прелина** [СГП без указания сферы КП];
3) —.

1) **пыжик;**
2) —;
3) **пыжик** 'шкура оленя трех- или семимесячного'.

1) **роговина;**
2) **роговина** 'вещество бычьего рогу подобное' [Даль];
3) —.

1) рыбка, **свищ, свищеватость.**
2) —;
3) **свищуха** 'угреватая шкура с дырами, брак'.

1) **седловина**
2) **седловина** 'понижение, впадина, выгиб в хребте животного или в гребне горы' [Даль];
3) —.

1) сиварь, склизок, спилок, строгание / строжка кожи, подстрожка кожи, **сходы;**
2) **сходы, сходцы** 'лестница', 'стремянка, лестница, сходня' [Даль, Прибалт.];
3) —.

1) **сыромять;**
2) **сыромять / сыромятина** 'кожа, выделанная без дубу в извести, для сгону шерсти, и в овсяном квасу, очисткой и сильным мятьем, ломкой и тягой на конном вороте, при смазке ворванью и березовым дегтем' [Даль];
3) **сыромятные** *кожи* или **сыромять** 'просто обработанная шкура животного, не выделанная дублением'.

1) **тавро;**
2) **тавро** 'клеймо жегалом на окороке скота, а более на лошади', **таврить коней** — 'клеймить жегалом' [Даль];
3) **тавро** 'знак или клеймо, выжженное на крупном дворовом скоте для отличия его от скотов других хозяев'.

1) телятка, теклость волоса, тощесть, **усол,** процент **усола;**
2) **усол, усоленье,** *усол* действ. по глаг. *усаливать, усолить* [Даль];
3) —.

1) **челка;**
2) **челка** у лошади, чуб, головная косма гривы между ушей на лбу [Даль];
3) **челка** 'в лошадиной голове место пониже ушей и до лба'.

1) чепрак, получепрак, **юфть**, обувная **юфть**, **юфть** термоустойчивая, яловочная **юфть**:
2) **юфть**, **юхть**, **юхоть**, **юхта** (болгарск.?) 'кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу на чистом дегтю' [Даль];
3) **юфть** или юхть 'болгарское слово для названия особо выдубленных кож'.

1) **яловка**, легкая **яловка** хромового дубления;
2) **яловичный** *товар* 'товар выростковый, между опойком и юфтью с молодого или недорослого скота' [Даль]; **яловошная** кожа 'кожа, выделанная из шкуры коровы старше 15 лет' [СКГ];
3) **яловица** 'телка'.

1) **ярмо**;
2) **ярмо** 'иго, деревянный хомут на рабочий скот, а более на волов' [Даль];
3) **ярем** 'иго, хомут, надеваемый на рабочий скот'.

Изучение сферы фиксации КП в том виде, как это представлено в ГОСТе 3123—78, показало, что специальная лексика и фразеология КП уходят глубокими корнями в народную речь. Своеязычные однословные термины, обладая ясностью смысловых ассоциаций, являются удобным лексемным материалом для построения научных систематичных ТЕ. Свойственные современному терминообразованию, они постоянно обновляются и пополняются в условиях технического оснащения и совершенствования самой отрасли КП; мотиваторами терминологических новообразований служат однословные ТЕ, прототипы которых устойчивы на протяжении длительного времени в народно-диалектной речевой практике. Все языковые особенности и закономерности, которые присущи специализированной лексике в целом, распространяются и на ТЕ рассматриваемого в монографии генезиса. В этом отношении они составляют с общенародной лексикой единое целое, не выделяясь из общей массы специализированных слов ничем.

2

Настоящий раздел обращен к сфере функционирования специализированной лексики КП в текстах отрасли. Предпринятое исследование имеет целью не только проследить, как и насколько применяются унифицированные и стандартизированные ГОСТом терминологические единицы в специальных текстах, но и подтвердить непреложное положение современного терминоведения о том, что "термин — это прежде всего, и все же очень — слово, а тем самым термин должен быть нормальным членом лексической системы языка (разрядка моя.— *Т.К.*), а если и не нормальным, то не вопреки этой системе, а именно в силу этой системы". "...Подлинное раскрытие" требует весьма конкретных характеристик каждой терминологии в каждом языке"[16].

Тексты взяты из ежемесячного научно-технического и производственного журнала "Кожевенно-обувная промышленность" за 1978 г., органа Министерства легкой промышленности и центрального правления НТО легкой промышленности[17]. Публикации журнала подобной

[16] *Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968. С. 121, 122.
[17] Перечень статей см. в конце общего списка источников.

направленности представляются нам оптимальным языковедческим источником. По нашему, именно в текстах такого рода должны найти применение основные ТЕ, отмеченные сферой фиксации в их унфицированном и стандартизированном виде, поскольку они отражают повседневную речевую практику специалистов-кожевенников, взятую в ее письменной форме[18]. При отборе текстов была предусмотрена необходимость их тематической репрезентации.

Тексты статей изучаемого журнала, даже в том случае, когда они носят научно-исследовательский или экспериментальный характер, всегда обращены к конкретной практике кожевенного производства. Это письменная речь специалистов кожевенников разного ранга: ученых, инженеров, руководителей производств, мастеров и рабочих. Содержание статей затрагивает как вопросы производства кожи в целом ("Автоматизация управления качеством механической обработки натуральных кож", "Новое в свойствах кожи исходя из задач обувной технологии"), так и отдельных операций в этом производстве ("Усовершенствование методики дубления козлины"). Последних в общем объеме текстов журнала, как и во всяком специальном журнале, значительно больше.

Специфика текстов научно-производственных журналов, как и любой иной специализированной литературы, основана на внеязыковом единстве авторов и читателей подобных изданий. Коммуникативная связь между пишущим и читающим такие тексты прямая и однозначная. Она определена всем комплексом профессиональных знаний, сведений и производственного опыта, объединяющим тех и других. Вместе с тем такие издания — не учебник и не справочник, где специализированные сведения систематизируются по избранному принципу и раскрываются последовательно по мере накопления и углубления знаний. Содержание каждого текста в научно-производственном журнале хотя и конкретно, но опирается на багаж фоновых знаний, которые придают текстам специализированной отрасли деловой и научный характер; они способствуют глубине и объективности проникновения в проблемное содержание сообщаемого. Фактологическая подача материала, сопоставительный показ точек зрения во многом определяют строевые (фразовые, синтаксические) и словарные проявления каждого конкретного специализированного текста.

Научно-производственные тексты, как правило, лишены ассоциативной недосказанности и смысловой многомерности в словах (что имеет место в разных жанрах художественной речи), а в их синтаксисе реализуются грамматически-правильные связи слов. Семантическим стержнем таких текстов служит специализированная лексика. Для связи этих слов и для выражения взаимоотношений между ними естественно введение в текст слов общенародных (ср. к примеру, глагольную лексику — *встречается, обусловлено, является, рекомендуется* + инф., *появляется* + им. п. [сущ], *становится, отражается, сказывается, увеличивается, связано* + с твор.п. и мн. др.).

[18] Разумеется, контрольный лингвистический эксперимент был бы намного информативнее и полнее, если бы он дополнялся еще наблюдением за устной речью производственников в ее естественном протекании. Такой возможности мы не имели.

Изученные нами тексты показали, что специализированная лексика в них неоднородна, базовые, системно-устойчивые, узко-специальные ТЕ и профессионализмы КП сочетаются со словами общенаучными, книжными. Сфера функционирования КП разделяет то положение, которое свойственно многим специализированным сферам, когда степень терминологичности слов в текстах градуируется неодинаково[19].

Модернизация современного кожевенного производства, механизация трудоемких процессов его и химизация необходимых операций вносят свой неизменный результат в лексико-номинативный фонд отрасли. К базовым ТЕ ее, генетически исконно русским, обслуживающим КП еще с времен ремесленно-промысловых мелких производств, заметно добавляются всякого рода лексическими новообразованиями. И здесь КП идет в ногу со временем. Общенаучная, книжная лексика (*адсорбирование, диффузия, деформация, эксплуатация, физико-механические свойства* и под.) вместе с узко-специальной своеязычной терминологией КП, отвечая разного рода номинативным задачам, в текстах образуют единый, органический сплав. В то же время в состав специализированной лексики включаются не только иноязычные заимствования, но характерные для современного этапа науки и производства разного рода аббревиатуры, простые и суффиксально оформленные, инициальные и формульные (для называния разного рода химических взаимодействий) номинации. Вот несколько иллюстраций: "Так *синтетические* жиры, получаемые на основе *этерификации суммарных жирных кислот ряда* C_{10}—C_{23} и выпускаемые нефтехимической промышленностью, на протяжении 25 лет применяют для жирования всех видов кож" [4, 12][20]; "Дубление *СГА,* имеющим высокую активность, целесообразно проводить после обеззоливания голья после *пикелевания*" [3, 38]; "Строгальные машины (типа *ЛСВ-650*) расположены в одном ряду в непосредственной близости от красильных барабанов, куда полуфабрикат поступает после строгания" [4, 11].

При установлении количественного объема текстов мы не стремились к такой величине его, которая обеспечивала бы воспроизводимость всех 428 ТЕ сфера фиксации (основных и недопустимых по ГОСТу). Трудоемкость такой выборки не отвечает композиционно-содержательной структуре монографии. Основная наша цель — показать связь порождающих возможностей текста с общеязыковыми свойствами терминологических единиц, — достигается и на изученном нами объеме материала.

Как уже было сказано, фоновые познания и сведения, общие для читающего и пишущего, освобождают последнего от необходимости

---

[19] Вопросы о степени и градациях терминологичности в специализированной лексике всегда занимали и занимают большое место в теоретическом терминоведении; по этим параметрам устанавливаются возможность дефинирования этой лексики и мн.др. (см. материалы научной конференции в: Актуальные проблемы лексикологии. Тез.докл. третьей лингвистической конференции. 3—7 мая 1971. Новосибирск. 1971; *Авербух К.Я.* Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты. ВЯ. 1986. № 6; *Лейчик В.М.* Предмет, методы и структура терминоведения. Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1990).

[20] Цифры в скобках обозначают соответственно номер, страницу.

прямолинейно раскрывать понятийное или денотативное содержание ТЕ, хотя примеры такого рода встречаются: "Наиболее распространенными дефектами при изготовлении обуви являются *садка* лицевой поверхности и разрыв кожи, в эксплуатации — трещины лицевого слоя и потеря формоустойчивости" [1, 56]. Вместе с тем само линейное развертывание текста, где эта единица участвует, вскрывает дефинитивные признаки ее. Некоторые примеры: "Динамика выбираемости окиси хрома гольем (сырье яловки) из ванны второй фазы *хромового дубления* представлена в табл. 5" [3, 41]; в дефиниции ГОСТа: "Дубление водными растворами основных солей трехвалентного хрома. Примечание. По способу выполнения дубления может быть однофазовым, двухфазовым, "двухванным", "оригинал и т.д.". "При лощении получается меньше заминов кожи" [4, 18], в дефиниции (ГОСТ): "Порок в виде складок на участках кожи, образующихся в процессе прессования и лощения".

Многообразие поводов и интенций при создании любого текста КП не позволяют лингвисту проникнуть в сущностную сторону описываемых "сюжетов"[21]. Однако формализованно-лингвистическое (без опоры на глубинные знания отрасли) сопоставление ТЕ открывает обзор и на то, как дополняется и уточняется дефинитивная сторона ТЕ, как отстоявшиеся в сфере фиксации статические характеристики ТЕ превращаются в тексте в динамически многомерные объекты номинации. Ср., к примеру, как конкретизируются и дополняются условия появления *садки* на лицевой поверхности кожи: "Углекислота воздуха, соединяясь с известью голья, образует углекислый кальций, при этом возникают известковые матовые пятна, которые способствуют образованию грубой лицевой поверхности с местной *садкой*" [2, 13]; Ср. дефиницию в ГОСТе: "Порок в виде трещин на коже с естественной лицевой поверхностью, проявляющийся при ее испытании".

Текст раскрывает сущностные свойства специальных понятий (и реалий) КП в их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействии благодаря таким языковым проявлениям, как парадигматика ТЕ, их валентность, их субъектно-объектные связи. "В первую очередь важно обеспечить *полноту* и *эластичность* полуфабриката, обусловленную правильно проведенными процессами *отмочки, золения* и *хромового дубления*" [4, 18]; "Осмотр показал, что полукожи, *жированные* с применением синтетического жира марок А, Б и В, не отличались от контрольных по органолептическим признакам, были удовлетворительного качества — достаточно *полные, мягкие с хорошим грифом*" [4, 13].

Из однословных номинативов рассматриваемого генезиса в изученных текстах нами отмечены следующие ТЕ: *безличина, бычина, вороток, выросток, голье, двоить, дубитель, дубление, жирование, замин, золение, козлина, лобаш, лощение, мездрение, мерея, намазь, наполнение, нарезка, обезволашивание, обеззоливание, опоек, отдушистость, отмины, отмока, пашины, подсед, полы, полукожи,*

[21] "Мы не понимаем смысла текстов не только и не столько потому, что не знаем терминов, а прежде всего потому, что нашему сознанию не свойственна понятийная модель знания данной науки", — объясняет подобную ситуацию А.С. Герд в статье "Язык науки и техники как объект научного изучения", с. 57.

полукожник, продуб, разводка, садка, спилок, отрогание, стяжка, сходы, тяжка, чепрак, шевро, яловка.

Предметное содержание в семантике ТЕ изучаемой отрасли, привязка их к наименованию конкретных и предметных реалий и действий, особенно в таких разделах КП, как "Топографические участки кожи (шкуры)"; "Пороки шкуры и кожи", "Процессы КП" обусловливают точность применения ТЕ в текстах, отсутствие каких бы то ни было семантических сдвигов в однословных терминах.

Подобное же соответствие дефинитивному содержанию наблюдается и в кругу составных единиц. В нашей выборке содержатся следующие составные ТЕ: *двоение голья, лицевой слой кожи, лицевая поверхность кожи, кожа для низа обуви ниточного и клеевого методов крепления, кожа хромового дубления для верха обуви, рыхлость кожи, хромовый дубитель, хромовые кожи, хромовые кожи для верха обуви.*

Соответствие всех ТЕ (однословных и составных) нашей выборки дифинитивной сущности не нарушается и теми модификациями этих единиц в плане выражения, которые отвечают общеязыковым правилам поведения слов в тексте, таким как правила сочетаемости слов, узуальные опущения компонентов ТЕ в тексте, если эти пропуски диктуются стилевыми нормами перефразы, употребление дейктичеких слов и т.д. Именно "поведенческое" совпадение в границах каждого конкретного текста термина и слова дают основание подтвердить тезис о том, что термин есть естественный член лексической системы языка. Одним из наиболее типичных образцов такого поведения будет дистантное расположение компонентов ТЕ в составном термине в тексте в противоположность контактному в реестре сферы фиксации. Так,вин. п. существительного в ТЕ *двоение голья (кожи)* в тексте может располагаться и контактно: "Необходимо тщательно проводить операции мездрения, *двоения голья* и строгание полуфабриката после дубления]" [4, 19], и дистантно: "Лабораторные испытания показали, что в результате *двоения* прочность *кожи* уменьшилась в два раза" [1, 54]. Сама особенность дистантного расположения компонентов ТЕ, условия смыслового и стилевого отбора и размещения слов в тексте могут привести к спонтанной редукции того или иного компонента в составной ТЕ. Ср., к примеру, как "уходит" из текста именной компонент (род. принадлежности) в термине *лицевой слой кожи:* "Утюжка разглаживаемой морщины и шероховатости *лицевого слоя,* который становится более нежным и гладким на ощупь (улучшается гриф кожи)" [4, 18]. В приведенном примере компонент "кожа" присутствует, но существенным поводом для его редукции может послужить контекстная синонимия[22]. Даже в ГОСТе есть потенциальные синонимы "кожи" как ТЕ, это наименования видов готовой кожи (VI раздел ГОСТа). Ситуативно каждый из них в тексте может стать заменой обобщающей ТЕ — *кожа.* Ср.: "повышение влагосодержания *хромового опойка* до 23% снижает прочность *лицевого слоя...*" [4, 19]. Подобную синонимизацию можно встретить и в правой, дефинитивной

[22] Подробнее см. об этом далее.

части ГОСТа. Ср.: **Молеедина**. 'Порок в виде неглубоких складок и линий на лицевой поверхности опойка'. В других же случаях возможны и иные наименования, адекватные по смыслу "кожа": *"Кожевая ткань,* особенно ее *лицевой слой,* уплотняются за счет уменьшения толщины *кожи* на 15—20%" [4, 18]. Последний пример кроме контекстной синонимизации (*кожевая ткань* и *лицевой слой кожи*) воспроизводит и своеобразное расщепление ТЕ. В принципе, при сохранении семантики принадлежности, такое расщепление в реальном функционировании возможно для многих составных ТЕ модели П + С + С: *лицевой слой кожи* → *кожа и ее лицевой слой, топографические участки шкуры* → *шкура и ее топографические участки.* В текстовых реализациях замена родовых ТЕ на видовые — явления обычное; такие замещения К.Я. Авербух относит к синтагматической вариантности терминов,возникающей, в противоположность парадигматической, в определенных контекстах сферы функционирования[23].

Стилевые нормы построения текста (или у́же — контекста и фразы) противодействуют повтору и нагромождению в их границах одних и тех же лексических единиц. Именно эти нормы предопределяют разного рода трансформации в употреблении данных лексем. Одна из таких трансформаций — редукция компонента (или компонентов) в составной ТЕ. Ср. такое опущение компонента *кожа* при ТЕ *лицевой слой* в следующих контекстах: "Из табл. 1 видно, что трещины лицевого слоя (наиболее распространенный дефект при эксплуатации) свойственны *кожам* с большой стойкостью к сложному изгибу и малой устойчивостью к многократному изгибу" [1, 55]; или: "Влияние прессования на механическую прочность *кожи* состояния *лицевого слоя* и показатель удлинения" [4, 19]; "Это наблюдали также на *кожах,* не соответствовавших по прочности *лицевого слоя* требованиям ОСТ 1725873" [2, 43]. "Словные" свойства ТЕ (как нормальной единицы лексической системы) объясняют и такие лексические порождения, которые не всегда можно вывести из какой-то конкретной ТЕ описанного ГОСТа. Так, атрибутив *лицевой* в сочетании *лицевые дефекты* легко истолковать и как производное от ТЕ *лицо* (в ГОСТе с пометой "ндп".), и как эллиптическое образование от синонимичных ей *лицевая поверхность кожи* или *лицевой слой кожи.* Ср.: "уменьшение отходов кожи из-за *лицевых дефектов* достигают методом облагораживания поверхности кожи" [1, 6].

Позиционное расщепление составных ТЕ подчинено стилевой и содержательной организации контекста; следствие его — редукция и контаминация компонентного состава — особенно часто наблюдаются в многокомпонентных ТЕ, что дает повод в ряде случаев квалифицировать такие ТЕ не как единое по смыслу и синтаксически цельное сочетание, а как фрагмент текста.[24] Наши наблюдения

[23] *Авербух К.Я.* Указ. соч. С. 45.

[24] Ср. пожелание В.П.Даниленко к длине терминологических сочетаний: "Они должны лежать в пределах классических субстантивных словосочетаний с присущими им формами выражения признаков" (Русская терминология. С. 163).

за текстовыми реализациями подобных ТЕ подтверждают их в плане выражения. Для примера разберем самую длинную ТЕ с самой нетипичной формулой синтаксической сочетаемости: *кожа хромового дубления для верха обуви из сырья повышенных и тяжелых развесов* С + П + С + (для) + С + С + (из) П + (и) П + С. В тексте она расщеплена, редуцирована, а отдельные компоненты ее подвержены синонимической замене. "...Классический метод хромового дубления с пикельной подготовкой нельзя признать прогрессивным, особенно учитывая, что для *верха обуви* используется *кожа* крупного рогатого скота *повышенных развесов*" [4, 37]. Применение в тексте данной ТЕ в полной форме — избыточно; фоновые знания, общие и понятные для адресата и адресанта позволяют редуцировать компоненты в ТЕ. То, что ТЕ такой длины и такой синтаксической структуры в тексте должна подвергнуться сокращению, не является неожиданностью. В первую очередь из номинативно-стандартизованной формы ТЕ в текстовой реализации выводится родовой компонент, который свойствен многим ТЕ. Здесь это компонент *хромовое дубление,* обозначающий способ дубления кожи. Способ хромового дубления, если полагаться на сведения ГОСТа [4], применим на выделке 26 видов кожи. (См. приведенные ранее списочные данные ТЕ в КП и, в частности, те ТЕ, которые содержат сочетание *хромовое дубление.)*

В кожевенном производстве способ хромового дубления — самый распространенный и самый традиционный. По внеязыковым параметрам он один может характеризовать готовый продукт КП. Именно этим объясняется обилие в текстах (да и в дефинитивной части ГОСТа) сочетаний *хромовые кожи* как самостоятельного и релевантного признака кожи. Такой признак можно считать ближайшим родовым.

Хромовому способу дубления противопоставляется дубление таннидное (т.е. растительное), жировое, формальдегидное, минеральное и комбинированное. Всего — 12 ТЕ.

При необходимости назвать такой объект, для которого в сфере фиксации (т.е. в номенклатурно-перечислительной систематизации) есть особая многокомпонентная ТЕ, где родовые и видовые признаки, характеризующие объект, состоят в иерархически соподчиненных связях, в линейном развертывании текста признак родовой, как правило, опускается. Вся номинативная нагрузка в этом случае ложится на объединение видовых признаков. В анализируемом примере такими видовыми признаками являются компоненты ТЕ *(для) верха обуви* и *повышенные* и *тяжелые развесы.* Последний компонент (*повышенные* и *тяжелые развесы*) отсутствует во всех тех ТЕ, называющих виды кожевенного сырья, подвергшиеся не хромовому, а другим видам дубления. В общей систематизации видов кож признак "развесы кожи" не является членом терминологической оппозиции, стоит особняком. Поэтому в текстах, допускающих сокращение многокомпонентной ТЕ, данный признак становится достаточным для номинации объекта. Ср.: "Пропитывающее грунтование дает возможность в значительной мере улучшить качество кожи из *сырья тяжелых развесов...*" [2, 39].

Текстовые модификации ТЕ, обусловленные позиционным расчлене-

нием их, естественны и неизбежны в сфере функционирования; их виды аналогичны тем, что возникают у слов и словосочетаний в любом тексте, в любом литературно-письменном построении. В тех усечениях и сокращениях составных ТЕ, которые обусловлены правилами местонахождения слова в контексте, нет отступлений от предписаний ГОСТа. Таким сокращениям подвергаются почти все составные ТЕ; в них нет помех для реализации информативной и коммуникативной функции текста. Они естественны, ибо отвечают общеязыковой тенденции экономии языковых средств. В нашей выборке к ним относятся: *двоение* (из *двоение голья*), *дубление* (из *дубление голья*), *жесткость* (из *жесткость кожи*), *жирование* (из *жирование кожи*), *кожа для низа обуви* (*к. винтового, гвоздевого методов крепления* или к. *ниточных и клеевых методов крепления*), *крупное сырье* (*крупное кожевенное сырье*)[25], *наполнение* (*н. кожи полимерами*), *наполнитель* (*н.для кожи*), *подсед* (*п. кожи*)[26], *разводка* (*р.кожи*), *садка* (*с. кожи*), *строгание* (*с. кожи*), *тяжка* (*т. кожи*), *хромовые кожи*, *хромовый опоек* (разные виды хромового дубления)[27].

Списочное оформление ТЕ, показывающее атрибутивный компонент в составной ТЕ (модель П + С и П + П + С) в постпозиции по отношению к определяемому опорному слову, что свойственно обычно сфере фиксации (словникам ГОСТов, словникам энциклопедических и иных терминологических справочников), оказывает свое кодифицирующее влияние на дефинитивную часть ГОСТа и далее — на сферу функционирования. В словнике ГОСТа записаны: *сырье кожевенное, сырье кожевенное крупное, сырье кожевенное свиное* и мн. др., ср. в дефиниции: "Кожа для верха обуви, выработанная из шкур *яловки средней и тяжелой, бычины легкой и тяжелой* и бугая" [4. С. 21]. Случаи постпозиции атрибутивного компонента ТЕ заметно дифференцируются с общелитературным словоупотреблением, хотя общее количество таких примеров, в сравнении с грамматически правильными атрибутивными словосочетаниями (терминологическими и нетерминологическими), невелико. Обращает внимание отстоявшийся терминологический узус для отдельных ТЕ. К числу их следует отнести сочетание *бычина легкая*. В текстах отмечено несколько примеров, и все они в плане выражения представляют прилагательное в постпозиции. "По эксплуатационным свойствам кожи из *бычины легкой* не уступали кожам из выростка" [1, 54].

Постпозитивные конструкции в алфавитных реестрах терминологической лексики (будь то ГОСТ или какое-либо иное аналогичное издание) оправданы. Кроме удобства нахождения нужной ТЕ, они наглядны, ибо систематизируют вокруг опорного слова (в семантическом отношении — родового понятия) ряды видовых и терминологи-

---

[25] Опущение элемента *кожевенное* в данной ТЕ естественно, ибо его наличие в текстах избыточно по содержанию: сырье здесь может быть только кожевенным.

[26] В данном случае опущение элемента *кожа* можно объяснить нарушением смысловой и синтаксической связи для данной ТЕ в ГОСТе. *Подсед* 'остаточный волосяной покров' может быть *на коже*, а не *кожи*, другими словами, синтаксическая связь компонентов (С + С) должна быть объектно-пространственной, а не посессивной.

[27] Наименование видов кож хромового дубления см. в "Словоуказателе".

ческих наименований. Именно поэтому инвертивные конструкции (С + П или С + П + П) приняты в терминоведческом деле. Их распространенность оказывает аналогическое воздействие в текстах на атрибутивные сочетания свободного вида: *"Обоззоливание* голья *полное* [3, 29]. Случаи постпозиции прилагательного в атрибутивном сочетании, независимо от того, терминологично оно или нет, говорят о терминологизации и технизации текстовых построений уже на уровне синтаксических конструкций. "При прессовании обычно применяют войлок технический тонкошерстный или полугрубошерстный" [4, 19—20]. От позиционно-синтаксического сокращения ТЕ в текстовом функционировании отличаются трансформации ТЕ, которые вытекают из содержательного контекста всей отрасли. Подобные видоизменения ТЕ, многочисленные и разнообразные по своему характеру, в ряде случаев дают повод для уточнения ГОСТа в его классификационных и понятийно-содержательных параметрах. Эксплицирующиеся в языке и языковыми средствами, они доступны для наблюдений лингвиста и поэтому аналитическое описание их правомерно вести по лингвистическим критериям.

Обратимся к модификациям ТЕ, обусловленным контекстной синонимией. ГОСТ, как известно, предупреждает о невозможности функционирования номинативных синонимов, снабжая их пометой *ндп.* Естественно, такое запрещение не может иметь места в отношении тех лексических аналогов, которые порождает контекст. В контексте возникают аналоги для любой ТЕ. Общие понятия КП *кожа, шкура* могут быть свободно названы *сырьем;* если шкура прошла какие-то этапы обработки, то в таком виде ее называют *полуфабрикатом.* Денотативные пределы контекстного синонима различны. Ср. применение слова *полуфабрикат,* отвечающего разным стадиям в процессе производства кожи. Ср.: "Необходимо тщательно проводить операции мездрения, двоения голья и строгания полуфабриката после дубления, чтобы обеспечить равномерную толщину кож по всей площади" [4, 19].

В рассматриваемой группе модификаций ТЕ находятся и такие, семантика которых обнаруживается в лексической антонимии. Нагляднее всего эти случаи рассмотреть на примере терминологических наименований кож (шкур). Оставляя в стороне случаи свободных атрибутивных сочетаний, когда семантика складывается из суммы смыслов каждого слова (*контрольные кожи, опытные кожи),* остановимся на тех, которые детерминированы ГОСТом. Из числа признаков, которые характеризуют кожу (шкуру), возьмем один — массу (вес). Этот признак эксплицируется по-разному. В разделе "Виды кожевенного сырья" указание на массу содержат дефиниции отдельных ТЕ: *мелкое кожевенное сырье, крупное кожевенное сырье, выросток, жеребок, выметка, полукожник, бычок, яловка, бугай, конская шкура.* Здесь вес всегда определен в килограммах.

В номинациях ТЕ признак массы выделяется не как единственный конкретизатор того или иного вида кожи, а всегда в соединении с другими признаками (*яловка легкая хромового дубления, кожи хромового дубления из сырья повышенных и тяжелых развесов).* Тексты же представляют весовые признаки кож средствами обще-

языковой лексической парадигматики. Ср.: "Сократилось также количество *легких* шкур (массой от 10 до 17 кг) и увеличилось количество *средних* и *тяжелых* шкур" [2, 3]. "Особенно резко возросли заготовки *тяжелого* сырья за последние годы" (Там же). Отсутствие в ГОСТе соотнесенной систематизации объекта по признаку массы, дробность и конкретность выражения (в килограммах) для каждой ТЕ ("номенклатурность" ТЕ) не всегда может быть удобной для пишущего. Необходимое обобщение достигается в общеязыковой лексической парадигматике. И этот пример наглядно подтверждает недостаточную проработанность понятий и реалий КП в сфере фиксации. Неслучайно в этой же статье уточняется денотативное содержание разного ассортимента шкур: "тяжелые (массой более 25 кг), средние (массой от 17—25 кг), легкие (массой от 10—17 кг), телята (массой до 10 кг)". Попутно следует заметить, что понятие средней массы для шкур в ГОСТе не разъяснено вовсе, как и понятие повышенных развесов.

То же и с другими признаками. Одни из ведущих — "назначение" и "пригодность" кожи для разного рода изделий. В языковом отношении этот признак эксплицируется в ГОСТе: либо в левой части ГОСТа, в номинации ТЕ, либо в правой — в дефиниции. Как пример первого рода можно назвать ТЕ *кожа для низа обуви винтового, гвоздевого методов крепления* или ТЕ *подкладочная кожа* или *кожа для одежды* и *головных уборов*. Во втором случае признак "назначения" попадает в дефиницию: **"Шевро.** Кожа хромового дубления для верха обуви, выработанная из козлины площадью не более 60 дм^2." Все это находит реализацию в текстах. О сокращениях составных многокомпонентных ТЕ говорилось ранее. Широкие возможности текста к лексическому варьированию позволяют включать специализированные слова и сочетания, которых нет в ГОСТе, но смысл которых раскрывает внутренняя форма одного из компонентов. Ср.: "... В ЦНИИКП разработаны методы дубления *стелечных кож* с применением дубящих соединений циркония и титана" [4, 39]; "... при растяжении готовой *подошвенной кожи* объем ее пористой структуры увеличивается на 8%" [2, 31]. Специализированное сочетание *подошвенные кожи* обобщает два вида кож для низа обуви, различающихся способами крепления.

Нельзя недооценивать возможностей спонтанно-языковой систематизации всего номинативного многообразия, которое дают тексты КП. Систематизация — непременное условие существования термина. Нередко собственно языковая систематизация как бы "берет верх" над конвенциональными ("искусственными") действиями разработчиков терминосистем. В изученных нами текстах есть сочетание *жесткие кожи*, противопоставленное по смыслу *кожам тонким* (или *мягким*). ГОСТ такой предметно-понятийной оппозиции не дает[28]. Общеязыковые антонимы *жесткий — мягкий, жесткий — тонкий*

[28] Признак "способа дубления" (хромовый); здесь есть дополнительная характеристика рассматриваемой оппозиции *жесткий/мягкий*. Кожи для низа обуви (подошвенные) они, надо полагать, и есть — жесткие; по данным ГОСТа дубятся комбинированным (не хромовым) способом дубления. См. дефиниции [4, с. 20, 21].

восполняют эту понятийную систематизацию. "В отдельных случаях для получения более высокого блеска на *тонких* кожах (например, шевро) в качестве подложки используют чепрак *жесткой кожи,* выровненной по толщине" [4, 20]; "*Жесткие кожи,* противопоставленные *мягким хромовым* или *мягким полным хромовым*" [2, 4].

Регулярна замена в сфере функционирования многокомпетентных ТЕ на более краткие и в то же время не менее информативные благодаря доступной для восприятия и по форме своего языкового выражения. В общеязыковой антонимической оппозиции нашего примера *жесткие — мягкие кожи* содержится не только указание на понятийную систематичность, понятное как специалистам, так и неспециалистам, но и обобщение дробных название кож, сходных по каким-то признакам. В целом же случаи такого рода подтверждают давнее наблюдение Д.С. Лотте о том, что "громоздкость термина вызывает появления синонимии"[29].

Следует обратить внимание и на то, что специализированное сочетание *жесткие кожи* авторы и редакторы журнала, употребляют несмотря на то, что в терминосистеме есть ТЕ *жесткость кожи,* обозначающая один из ее пороков "в виде гремучести при прощупывании по всей площади". Ср.: "... при повышении влажности более 20% стойкость кожи может перейти в жесткость" [4, 19]. В тексте негативная по смыслу ТЕ *жесткость кожи* не согласуется по смыслу с атрибутивным сочетанием *жесткие кожи.* Это смысловое несовпадение близких по форме специализированных словосочетаний не составляет помехи для использования в текстах обоих сочетаний. Из контекста узнаем еще об одном понятийном сопоставлении в свойствах кожи: *стойкость/жесткость;* одно из них — *стойкость,* позитивное, другое *жесткость* — негативное. Сопоставление, не показанное ГОСТом.

В ряд антонимических противопоставлений вписываются и такие словосочетания, которые характеризуют кожу по признаку цвета. Это относится прежде всего к узуальным языковым антонимам *белый — черный, светлый — черный* (для кожи релевантно не *темный,* а *черный*), атрибутивным компонентам в составных ТЕ модели П + С. Не вызывает сомнения внеязыковая актуальность оппозиции *светлые — темные кожи, белые — черные кожи* (и особенно изделия из них). Эта языковая оппозиция прилагательных опирается на непреходящий опыт потребителей кожаных изделий. Тексты дают примеры того, как разнообразие цветовых обозначений кожи существенно и для производственных операций: "При прессовании *светлых кож* после черных плиту следует протереть марлевым тампоном, смоченным бутилацетатом или этиловым спиртом" [4, 20]; "В связи с тем, что обувь из *белых кож* пользуется большим спросом, перед кожевенной промышленностью стоит вопрос о значительном улучшении ее качества" [3, 41]; "После тяжки *черного* полуфабриката желательно сменить валик головки на другой, предназначенный для обработки *светлых* и *белых* кож и натуральной подкладки" [2, 13].

[29] *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М., 1982. С. 56.

Релевантные экстралингвистические характеристики готовой кожи по цвету выражены в дефинициях нескольких ТЕ.

Булгара. Кожа, выработанная из шкур крупного рогатого скота или конских передин таннидного или комбинированного дубления, *окрашенная в красный или черный цвет*, и используется для изготовления национальной обуви.

Сафьян. Кожа таннидного дубления, выработанная из овчины или козлины, слабо прожированная и окрашенная в яркие цвета, используется для верха национальной обуви.

Серость окраски кожи. Порок в виде седого оттенка на лицевой поверхности кож черного цвета.

Универсальным свидетельством семантической, грамматической и реляционных возможностей всякой ТЕ является ее деривационные свойства. Регулярное воспроизведение ТЕ в речи невозможно без разного вида деривационного словопроизводства. В этом термин также подобен слову. Специализированная семантика в дериватах той или иной ТЕ одновременно закрепляется и видоизменяется в зависимости от категориально-грамматического разряда производного слова. В тексте, как и вообще в сфере функционирования в целом, передается универсальное языковое свойство — сохранение специализированной семантики терминологической морфемы во всем словообразовательном гнезде[30]. ГОСТ и сфера фиксации такими возможностями обладают, но в гораздо меньшей степени, чем тексты с их порождающими возможностями. Для ТЕ *строгание кожи* кроме самого наименования действия в текстах встречаются имя деятеля (*строгальщик — строгаль*) и название сопряженных с данным действием орудий, машин, приспособлений (*строгальная машина*), изделий, продуктов действия (*строганина*), отходов действия (*строгальная стружка*). Кроме того, возможны наименования и абстрактных понятий, свойственных данному структурно-семантическому единству.

В дериватах словообразовательных и морфологических, наиболее распространенных в текстах, семантика производящей ТЕ совмещается с семантикой аффиксальных морфем; *дубление → додубливание, продубливание; жировать → жирование → пережированный, прожированный, непрожированный; спилок → спилковые* (кожи), *отдушистость* (кожи) → *неотдушистый* (лицевой слой).

Лексические дериваты чаще всего образуются от базовых, системно-устойчивых в рассматриваемом производстве ТЕ. В их семантику привносятся новые категориальные значения. В изученном материале в первую очередь следует назвать наименования лиц по профессии: *мездрить → мездрильщик* [2, 4], *разводка кожи → разводчик кож* (там же), *строгание кожи → строгаль* [4, 11], *сгонка волоса →сгонщик щетины* (Там же), *чистка лицевой поверхности кожи → чистильщик лицевой поверхности* [4, 4].

---

[30] "... процесс порождения термина осуществляется в тексте и обусловлен законами текстообразования", — замечают в связи с этим дериватологи (*Алексеева Л.М.* Терминообразование как деривационный процесс. Термин — 90 // Терминологические чтения (Цикл 1: Проблема языков для специальных целей научной и профессиональной коммуникации). Киев, 1990. С. 9.

Для наименования механизмов и машин служат синтаксические дериваты — модели П + С. Классификационно-понятийным компонентом в таких сочетаниях является атрибут, относительное прилагательное от базового термина глагольного типа: *двоильные, двоильно-ленточные, мездрильные машины* [1, 32], *навалосгоночные машины* [2, 3], *строгальные машины, тянульные машины, утюжно-мерейная машина* [4, 20]. В эту же модель входят и наименования цехов на кожевенном заводе: *дубильный цех, зольно-дубильный цех, спилковый цех.*

Вместе с семантикой, приуроченной к определенным предметным и понятийным классам (действие — лицо — деятель — машина-механизм, обеспечивающие данное действие, объект изготовления, отходы производства), предполагающей в языковой реализации определенные структурные типы слов и словосочетаний, в специальных текстах имеют место свободные дериваты. Их семантика складывается из семантики составляющих их единиц: *жирование → жирующие эмульсии, жирующие материалы, вещества, смеси, препараты* [1, 40; 2, 4—5]; *обезволашивание → обезволашивающая активность дубления, дубитель → дубящие свойства, дубленые отходы, огузок → огузочная часть, юфть → юфтевые ножи* [1, 39; 4, 36]. Все производственные образования, какую бы категориальную семантику они ни приобретали в процессах лексической деривации и в какие бы синтаксические взаимоотношения ни вступали с другими словами при этом, расширяют номинативный фонд, направленный на обслуживание специализированной отрасли. В специализированных текстах подобные производные номинативные фонды на базе терминологических единиц многообразны и широки. Они, создавая относительную однородность всего словарно-номинативного состава текстов, и формируют их специализированное содержание.

С однородностью словарного состава текстов, обусловленной специализированным содержанием их, сближается однородность, восходящая к генетическим истокам лексического состава кожевенного промысла. Ранее была дана характеристика народно-диалектной основы лексики КП. Эту "обыденность", "разговорность" номинативных обозначений сохраняют и тексты. Народно-разговорная окраска присуща и тем специализированным наименованиям ("синтагматическим вариантам" — по Авербуху), которые в ГОСТе не отмечены как стандартизованные ТЕ. Ср. отдельные ТЕ ГОСТа, "представителей" его тематических разделов и словарные извлечения из текста. Из раздела "Пороки шкуры и кожи". В ГОСТе: *замины кожи, кнутовина, ломина, роговина, оспины,* в тексте: *вдавины, выступы, рябины, царапины.* В ГОСТе: *борушистость шкуры (кожи), воротистость шкуры (кожи), жилистость шкуры (кожи), моржевистость шкуры (кожи)* в тексте: *потертость кожи, сбежистость кожи.* В ГОСТе: *зачес, закал,* в тексте: *порез, сдиры.* Из раздела "Процессы кожевенного производства". В ГОСТе: *промывка шкуры (кожи), переборка шкуры,* в тексте: *выстилка кож, нарезка искусственной мереи, сгонка волос.*

Абстрактные наименования свойств кожи, встреченные в текстах, структурно аналогичны тем, что в качестве ТЕ представлены в ГОСТе (в подавляющем большинстве, существительные на *-ость*); но характер и семантика корневой морфемы их отмечены печатью "обыденности", "повседневности": *влажность, осаленность, прочность, тягучесть* и под.

Последний момент, который требует освещения в общей характеристике лексико-терминологического состава сферы функционирования в сравнении со сферой фиксации, это употребление в текстах тех ТЕ, которые в ГОСТе отмечены как недопустимые ("парадигматические варианты терминов" — по Авербуху). Наши тексты дают сравнительно немного таких единиц: *мягчение* (вм. *тяжка кожи*), *полосы (*вм. *молочные полосы), распиловка (*вм. *тяжка кожи), растительное дубление* (вм. *таннидное дубление голья*), *съемка* (вм. *снятие шкуры*), *яловочное сырье (яловка легкая хромового дубления).* В этом ряду заслуживают освещения факты многократного повторения одной и той же ТЕ, снабженной пометой ндп.в текстах разных авторов. В этом усматривается устойчивая традиция реального употребления ТЕ, идущая вразрез с предписаниями ГОСТа. Такой пример встретился нам с применением недопустимой (по ГОСТу) ТЕ — *растительное дубление* (стандартизированный аналог — *таннидное дубление голья*). Уже сама дефиниция ТЕ *таннины* предопределяет текстовые реализации атрибутивного компонента *растительный* — "Дубящие вещества растительного происхождения содержащиеся в коре, древесине, корнях и листьях деревьев". Простота и понятийность в плане выражения и в то же время полная информативность атрибутивного компонента ТЕ *растительный* имеют прочную опору во внеязыковых условиях для его применения в речевом обиходе специалистов. И прежде всего это доказывает сам ГОСТ. В правой дефинитивной части его сочетания *растительный (ые) дубитель (и), растительный дубящий экстракт, растительные дубящие соединения* можно встретить в ряде дефиниций ТЕ, относящихся к разделам "Вещества и материалы, применяемые в кожевенном производстве" и "Процессы кожевенного производства". Один такой пример: "*Смесь дубителей.* Смесь растительных дубильных экстрактов и синтетических дубителей, применяемая для дубления". Стабильную устойчивость в применении термина *растительное дубление* показывают и тексты: "При *растительном дублении* нехромированного полуфабриката с такими же частотами эффекта не получается вследствие малых периодов релаксации" [2, 31]; "Опытные хромированные чепраки перед первой фазой *растительного дубления* обрабатывали в течение 20 минут... [3, 40]. Почему и в сфере фиксации и в текстах так устойчиво употребление прилагательного *растительные,* а не *таннидные*? Его образование от существительного *таннины* возможно по законам русской грамматики. Думается, что прозрачность синтаксического строения составных ТЕ *растительное дубление* и *растительный дубитель* в соединении с понятийной точностью обеспечивает их жизнестойкость; их конкурент *таннины* с затемненной внутренней формой такими дефинитивными свойствами не обла-

дает. Не случайно в тексте можно встретить тавтологическое сочетание *растительные танниды* [6, 19], которое нетрудно интерпретировать как показатель неполной освоенности и популярности в речевом обиходе специалистов КП иноязычного термина *танниды*. Это красноречивый пример коммуникативной недостаточности терминов иноязычного происхождения, о чем предупреждал еще акад. Терпигорев[31]. Для речевой практики кожевенников-профессионалов, корни которой глубоко вросли в национально-русскую среду бытования, это типично и показательно.

Содержательным стержнем в текстах КП, как и иных профессиональных отраслей, ориентированных на профессиональные знания адресата, является специализированная лексика. Она представляет собой относительно однородный лексико-семантический пласт как в плане его выражения, так и в коммуникативном отношении. На характер реализации специализированных слов в сфере функционирования оказывают существенное воздействие экстралингвистические условия. Разговорная окраска данного пласта слов, начиная с его генезиса, поддерживается и опирается на бытовые представления и ассоциации всех носителей языка. Изделия из кожи, в первую очередь обувь, — необходимый и всеобщий предмет пользования. Оценка свойств и качеств изделий из кожи неотделима от оценки свойств и особенностей исходного материала — кожи. Всеобщность пользования изделиями кожевенного производства создает благоприятные экстралингвистические предпосылки для общения профессионалов и непрофессионалов, если возникает такая необходимость.

Знакомство с массивом всех специализированных слов, обслуживающих отрасль, независимо от того, получило слово статус ТЕ в ГОСТе или нет, заставляет по-особому откликнуться на принятое в лексикологии разграничение терминов в собственном смысле и профессионализмов[32].

Если в качестве определяющего критерия профессионализма считать генетическую связь его с ремесленно-производственной основой речи (как полагают многие исследователи), то подобную связь в КП обнаруживает вся специализированная лексика, в том числе и та, которая не попала в ГОСТ. Следовательно, признак "архаичность", "принадлежность к ремесленному этапу производства" для нашей терминосистемы не релевантен.

Другой критерий — разговорность, образность (в профессионализме) и отсутствие таковых в термине, также несостоятелен в приложении к терминосистеме КП. Уже было показано, как однотипны в словообразовательном отношении ряды (и пары) слов, являющиеся узаконенными ТЕ и неузаконенными, но попавшими благодаря своей специализированной семантике в текст, как неразличимо их стилевое наполнение (*замины — вдавины, сгонка волоса, промывка*

[31] *Терпигорев А.М.* Об упорядочении технической терминологии. ВЯ. 1953. № 1.

[32] Систематизацию мнений по этому вопросу см.: *Шелов С.Д.* Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы: (К проблеме классификации специальной лексики). ВЯ. 1984. № 5.

шкур (кож), и под.). В подобной речевой ситуации затруднена стабилизация регулярных бинарных пар "термин — профессионализм", где "профессионализм" есть лексический дублет официального термина[33]. Анализ текстов КП подтверждает суждения С.Д. Шелова о том, что "традиция объединения терминологической и профессиональной лексики в один разряд специальной лексики имеет серьезные основания"[34]. И та, и другая лексика, сливаясь в один общий коммуникативный пласт для обслуживания сравнительно узкого круга потребителей-профессионалов, образует особые лексико-семантические системы, отличные от общеязыковых систем.

Можно предположить, что терминосистемы, восходящие генетически к национальным истокам русского языка, менее подвержены систематической противопоставленности понятийно-идентичных наименований по принципу "термин-профессионализм".

Остается один критерий: для терминов — "узаконенность", "официальность", для профессионализмов — "неофициальность". Высшим "органом" официального отнесения и квалификации специального слова к термину сегодня является ГОСТ. Построение терминосистемы в ГОСТе осуществляется не просто по правилам умозрительной логико-понятийной систематизации и классификации всего номинативного фонда той или иной области знания, но оно опирается на фактологические знания разработчиков. Авторы ГОСТов — это прежде всего специалисты данной научной или производственной сферы. Однако, как и всякое конвенциональное предприятие, разработка ГОСТа не всегда может быть свободной от субъективных факторов. Классифицируя и систематизируя наименования основных (базовых) и системно-устойчивых понятий (и реалий) определенной научной (или производственной) сферы, ГОСТ не имеет возможности учесть всю специализированную лексику данной сферы. Тексты наглядно демонстрируют, что за пределами ГОСТа остается многое, что необходимо для обеспечения профессионального общения.

Возникает правомерный вопрос, как квалифицировать эти пласты и группы специализированного словаря? Следует их назвать профессионализмами или еще как? Этот вопрос можно поставить и в отношении тех ТЕ, которые в ГОСТе сопровождаются пометой *ндп.* Устойчивое положение таких единиц в отрасли подтверждают не только тексты, но и справочная литература. Недопустимые по ГОСТу *водохлеб* 'опоек', *жеребок-сосун, жеребок-уросток* 'жеребок', *запёк* 'ороговение на пресно-сухих шкурах при слишком горячей сушке', *косовка* 'чистка голья косой', *лицо* 'лицевая поверхность кожи', *наблюй* 'шкура молодняка оленей', *отволожка* 'увлажнение кожи', *пыжик* 'шкура молодого оленя' и др. даны в словаре КП[35]. Не вызывает сомнения народно-разговорная окраска и генезис этих слов, как, впрочем, и иных, не отмеченных сферой фиксации. В их числе

---

[33] Ср. суждение: "Профессионализмы выступают обычно как дублеты научных и научно-технических терминов и никогда не составляют замкнутой системы" (*Капанадзе Л.А.* О понятии "термин" и "терминология" // Развитие лексики современного русского языка". М., 1965. С. 82).

[34] *Шелов.* Указ. соч. С. 77.

[35] *Приймук В.Е., Сивков А.А.* Краткий кожевенно-обувной технический словарь. Л., 1940.

следует назвать слово *нажор*. "Известно, что дерма, нейтрализованная после дополнительного обводнения, обычно обладает несколько большей обводненностью, чем до *нажора*" [1, 37]. Глагольная специализированно-кожевенная семантика известна в народной речи. В СРНГ *нажор* 'набухание кожи после обработки шкуры специальным раствором'. Употребленное в специальных текстах без пояснений это слово понятно адресату публикации. В отдельных случаях специализированная семантика слов с ясной этимологической мотивированностью раскрывается в тексте: "При работе на мездрильных и, главным образом, строгальных машинах при неравномерных перепадах толщины кожи (большая *сбежистость*) ее более тонкие участки в готовых кожах имеют серовато-матовый оттенок" [2, 13].

Номинативный материал, не попавший в ГОСТ и не получивший тем самым статуса "официальных ТЕ", в текстах полноценно выполняет свои номинативные и коммуникативные функции. Генетическая гомогенность и коммуникативное сходство обоих слоев специализированного словаря в реальном функционировании — основное затруднение при определении степени терминологичности каждого такого слова. Правомерно в этом случае вернуться к разговору, поднятому несколько десятилетий тому назад, о пороге терминологичности специализированных слов[36].

Специализированная лексика, как известно, отличается разной степенью терминологичности. Те требования, которые предъявляются к термину (точность, строгая корреляция с понятием, однозначность, систематичность в пределах предметной отрасли, краткость и др.), выдерживаются далеко не всегда. По-разному эти требования реализуются в терминах стандартизованных и рекомендуемых терминологическими стандартами к употреблению и в ненормативных терминах[37]. В одних эти требования соблюдаются последовательно и строго, в других — более избирательно, факультативно. Имеющиеся в терминоведении разные наименования отдельных разрядов специализированного словаря ненормативного вида, такие как терминоиды, предтермины, характеризмы, полутермины появились именно благодаря разному порогу терминологичности в них. Как становится ясным из предшествующего изложения, дихотомия же "термин"/"профессионализм" по той группе источников, которая была под нашим наблюдением, невыводима. Видимо, поиск профессионализмов мог бы быть эффективнее в устном обиходе специалистов-кожевенников. Для квалификации таких специализированных наименований, как *вдавины, выступы, рябины, сбежистость кожи* и под., мы вслед за другими исследователями используем еще одну категорию — "полутермин" рядом с "термином"[38]. Нам представляется, что терминосистемы, выросшие из глубин родного языка, сохраняющие генетические и традиционные языковые связи и отношения в составе языковых единиц, особенно предрасположены к наличию полутерминов. Наше иссле-

[36] *Андреев Н.Д., Замбржицкий В.Л.* Именное словообразование в спортивной терминологии // Развитие современного русского языка. М., 1963. С. 120.
[37] *Лейчик А.В.* Указ. соч. С. 36.
[38] *Капанадзе Л.А.* Указ. соч. С. 85; *Шелов С.Д.* Указ. соч. С. 85.

дование показало, что полутермины полноценно используются в текстах КП, несмотря на характерную для них разговорность и наличие в них экспрессивно-эмоциональных коннотаций. Именно использование их в письменной речи специалистов дает основание включать подобные лексические единицы в терминологические словари. Однако их генетическая близость к диалектизму требует, по мнению отдельных терминоведов, одинаковой с диалектизмами лексико-графической подачи[39].

Многообразие языковых единиц в таких терминосистемах, наличие в их числе раритетов, архаизмов, локальных элементов вызывают необходимость спонтанно-языковых систематизаций. Спонтанно-языковая систематизация всегда находит опору в свойстве естественного языка порождать и трансформировать свои языковые ресурсы в условиях естественно текущей речи. (Ср. в нашем материале образование существительных на *-ость*, называющих свойства кожи и образующих единый структурный ряд как для принятых в ГОСТе ТЕ, так и оставшихся за его пределами, или же оппозицию ТЕ на основе лексической антонимии: кожи *жесткие — мягкие* и др.).

Наблюдения за специальной лексикой КП в сфере ее функционирования показали, что эта лексика в парадигматике значительно шире и многообразнее, а при синтагматическом развертывании текста намного гибче и универсальнее, чем это способна отразить статика сферы фиксации. ТЕ, генетически восходящие к народно-диалектной речи, прочно вошли в профессиональный язык отрасли; синонимические замены этих ТЕ редки. Самим фактом такого вхождения они утратили строго ареальную прикрепленность, стали наддиалектными, даже в том случае, когда имеют относительно узкую сферу применения.

Систематичность базовых, исконно русских терминов кожевенного производства складывалась постепенно, испытывая спонтанное влияние языковых отношений вообще. Стабильность таких ТЕ в сфере функционирования постоянно уравновешивается в эпидигматике и парадигматике языковой системы. Преодоление дробности и многокомпонентности конвенциональных терминологических наименований, появление понятийно-обобщающих специализированных единиц также осуществляется собственно языковыми средствами.

3

Из диалектной лексикологии известно, что дифференцирование местной лексики с словарным составом общенародного литературного языка реализуется не только по характеру корневой морфемы или семантике однооформленных слов, но и варьированием одних и тех же лексем. Вариантность местной лексики — одна из ее ярчайших и общепризнанных особенностей.

Настоящий раздел — своеобразный лингвистический эксперимент.

[39] "Если тот или иной профессионализм или полутермин может быть соотнесен с определенным узлом в логико-понятийной системе знания, отрасли, то его следует включать в ТС, но подавать в словаре так же, как и диалектизмы, отдельно, за специальными знаками". (*Герд А.С.* Основы научно-технической лексикографии: (Как работать над терминологическим словарем). Л. 1986. С. 41).

Цель его — проследить, как и почему осуществляется отбор в естественно сложившиеся терминосистемы вариантов слов, один из которых — общенародное слово, другой восходит к местной речи. Каков ход спонтанно-языкового выбора при этом. Чему в этом случае отдается предпочтение — общенародному варианту или местному, локально окрашенному?

Анализу подвергаются два термина рыбообрабатывающей промышленности, взятые нами из проектов ГОСТов "Продукция рыбной промышленности и технология ее переработки" [1969] и "Рыба и рыбные продукты" (стандарт СЭВ, 1988 г.). В банке терминов ВНИИКИ окончательно принятых ГОСТов на данную тему не зафиксировано, также как нет их и в "Библиографическом указателе государственных стандартов СССР" и в "Библиографическом указателе стандартов (рекомендаций СЭВ)".

Мы исследуем дефиниции терминов, разработанные в указанных проектах; устанавливается также, как осуществляется закрепление термина в составе терминосистемы, каково влияние при этом таких существенных параметров в термине, как его форма и содержание.

Термины рыбообрабатывающей промышленности *зябрить* и *жабрить* и их производные (*зябрение, жаброванне/жабровка, заябренный, жаброванный*) восходят к разным фонетическим вариантам одного и того же слова — общенародного *жабры* и диалектного *зябры*. Процессы, которые обе лексемы обозначают у рыбообработчиков, похожи; они связаны с удалением жабер и дальнейшим посолом рыбы, но как показывают тексты применяются к разным видам рыб и отличаются применением или неприменением соли в этих процессах. Человек, не искушенный в тонкостях обработки рыбы, мог бы ожидать бóльшую распространенность в пределах терминосистемы термина *жáбрить*, а не *зя́брить*, ибо *жабрить* — дериват общепонятного литературного слова.

Фонетическое явление мены *ж/з* в русских народных говорах и восточнославянских языках известно хорошо. Словарь Даля дает такие фонетические варианты этого слова: *зябрить/зебра/жабра*. Ср. подобную же заменяемость слов *зябры/жабры* в значении 'органы дыхания рыбы' в хронологически наиболее близком к нам словаре Гриценко; в этом же справочнике представлены и производные образования, связанные с тем и другим фонетическим вариантом: *зябрик; жабровать, жаброванный*. Каковы лингвистические и экстралингвистические основания для существования в рыбообрабатывающей терминосфере двух дифференцирующихся терминов, если каждый из них восходит к фонетическим вариантам одного и того же слова?

Интересующая нас семантика слов *жабры/зябры (зебры)*, связанная с обозначением дыхательных органов рыбы, а также прилегающих к горлу или глотке участков (возможно не только у рыбы), в русском литературном языке и его говорах представлена широко[40].

[40] Мы исключаем те значения, которые не связаны с рыбным промыслом. Например, слово *жабры* по говорам может означать "зазубрину на крючке уды, на вилках остроги" или "растение — пикульник" [Шахматов].

В литературном языке, так же как и во многих говорах русского языка, *жабрами* называют органы дыхания у рыб, при этом, как правило, не разграничивают внутренние жабры, собственные органы дыхания рыбы, и наружные роговые дуги, покрывающие эти внутренние жабры, — "крышки". Слово *зя́бра* (мн. *зя́бры, зя́бри* и *зе́бры*) во многих говорах означает также 'рыбьи жабры': *вазьми́ ры́пку за зя́бри, кры́лушки йей отре́ш, цы́стить бу́дим* [КПОС], но во многих имеет и другое значение: у человека это "внутренность рта за зубами, окружающая язык" [Шахматов], "нижняя челюсть, скула", Кокчетав. обл., Оренбург., Воронеж., Хакасск., Курск., Обоянск., Восточно-Казахст., Орл., Мещовск., Пенз., Симб., Ряз.[СРНГ]; "место под челюстью, треугольное пространство от шеи до краев нижней скулы подбородка" — *зебри распухли* [Шахматов]; "нижняя губа" — *што зебры-то до колен распустил, не видишь, куда идешь;* "нижняя десна и все пространство под языком" [Там же]; "нижняя губа" [СРНГ]. С описанными значениями коррелируют *зебрить/зябрить* 'жевать, жамкать, суслить и под.' [Даль]; / 'скоро жевать' [Шахматов].

Вариантная соотнесенность слов *зябры (зебри)/жабры* приводит к тому, что семантика, связанная с нижней челюстью, горлом, скулами (преимущественно у человека), отмечена и у слова *жабры*. Ср. распространенный в разговорной речи и говорах фразеологизм *взять за жабры* 'взять за шею, горло или воротник одежды' [Шахматов]. (Интересную интерпретацию этого оборота встречаем в говорах: *а вот вы сказа́ли жа́бры/е́та/на пйа́нава нападёш, он гаварит́ — вот схвачу́ тебя за жа́бры, зна́чит ф челаве́ка жа́бры йесь* [КПОС]; *Он йево́ взял за жа́бры, оди́н з другим поспо́рили, мо́жно бы́ло ска́зать — за го́рло — а говоря́т за жа́бры* [Акчим.]).

В разных терминологических системах, связанных с рыбой, в качестве термина используются оба эти варианта. Вариант *жабры* (а не *зябры*), являясь одновременно принадлежностью ихтиологической сферы и литературно-кодифицированного языка, располагает развитой словообразовательной деривацией — *жабристый, жаберный, жабровый* и развитым словосложением — *жабродышащий, жаброногие, жаброносный.*

Прилагательное *жаберный* формирует многочисленные термины зоологии: *жаберный аппарат, жаберные артерии, жаберные вены, жаберные дуги, жаберная крышка* ('опекулярный аппарат'), *жаберные листочки, жаберные лучи, жаберный мешок, жаберный отдел, жаберное отверстие* и др. [Шахматов].

В специализированном языке рыбного промысла (обработка рыбы) оба варианта являются исходными для таких глагольных терминов, как *зябрить/жабрить — жабровать; зябряковать; обезжабривать,* соответствующих им отглагольных существительных *зябрение/жабрение — жабрование — жабровка — обезжабривание* и название лиц по профессии *зябровщик — жабровщик* [Словарь занятий].

Из экстралингвистических предпосылок, которые повлияли на формирование номинативного фонда отрасли, является местный фактор. Реалии лексики рыболовной и рыбообрабатывающей промышлен-

ности восходят к промыслам; такая лексика составляется, в основном из местных слов, являющихся прототипами современной терминологии.

Постоянство местного колорита в рыбной терминологии обусловлено рядом причин: по ихтиологическим сведениям, рыбы — огромный зоологический класс; он насчитывает свыше 20 тыс. подвидов. Распределение такого множества рыб на огромных водных пространствах (даже в пределах СССР), естественно, должно дать их номинации, зависящие от территориального признака.

Этот же территориальный признак сохраняется и в многочисленных и разнообразных наименованиях, связанных с процессом лова рыбы, так же, как и при формировании лексикона, связанного с обработкой рыбы. (Как отмечает журнал "Рыбное хозяйство", ассортимент рыбной продукции и консервов составляет в настоящее время около 1600 наименований[41].)

Активная роль местных слов в рыбной терминосфере неоднократно подчеркивалась исследователями рыбацкой и рыбопромышленной лексики и, в частности, составителями отраслевых словарей[42]. При анализе дефиниций ТЕ *зябрение, жаброванне,* а также употребительности каждой из них в рыбообрабатывающей отрасли мы сознательно пользуемся чисто языковедческими методами не только потому, что не являемся специалистом в областях ихтиологии и технологии переработки рыбной продукции, но главным образом потому, что язык изучаемой терминосферы достаточно стабилен и развит, в нем устойчивы чисто лингвистические отношения как в словопроизводстве и словоизменении, так и в семантике. Таково впечатление языковеда от внимательного ознакомления с текстами по данной тематике.

Из числа языковедческих методов исследования мы оперируем приемами текстологического и компонентно-семантического анализа. Эти методы позволяют нам наиболее эффективно приблизиться к понятийно-смысловой стороне изучаемой терминосферы.

Основными источниками для нашего исследования послужила специализированная литература по технологии переработки рыбы, связанная прежде всего с именами тех авторов, которые указаны составителями проекта ГОСТа (1969). По мере углубления в исследование список этих имен значительно пополнился: журнал "Рыбное хозяйство" за разные годы, просмотренный выборочно, а также справочники по данной отрасли толково-энциклопедического характера и языковедческие толковые и диалектные словари и их картотечные собрания (см. список источников).

---

[41] *Шведова Н.Н.* Стандарты и качество продукции рыбной промышленности // Рыбное хозяйство. 1970. № 1. С. 47.

[42] "В словарь включены названия и выражения, касающиеся не только самих рыб, орудий и способов их лова и обработки, видов товарной продукции, но и термины, относящиеся к промысловым районам, отдельным их частям, их географии. Поскольку в рыбохозяйственной литературе и практике существует много местных названий (разрядка моя.— *Т.К.*), словарь поможет устранить возникающие недоразумения при толковании того или иного термина" [Клыков. С. 2].

Самый общий взгляд на специализированную литературу по переработке рыбы показывает, что частотность употребления слова *зябрить* и его производных значительно выше, чем *жабрить* и его производных.

Глагол *зябрить* и производные отмечены в специализированных изданиях самого разного характера: и в учебных пособиях для вузов, и в научно-производственных книгах, и словарях-справочниках для практических работников рыбной промышленности, и в справочниках для товароведов. Его нетрудно найти в книгах и брошюрах по общей технологии переработки рыбы и в сочинениях, посвященных обработке какого-либо одного вида рыбы (преимущественно сельди). Наконец, именно *зябрению* (не *жабрению*) посвящена специальная статья в БСЭ (1-е идз., т. 27). *Зябренная сельдь* можно услышать даже в устной речи продавцов рыбных магазинов.

Причастная форма глагола *зябрить* *зябренный* нередко представлена в текстах в сопоставлении со своей антонимической формой — *незябренный,* особенно в рецептах приготовления того или иного рыбного продукта, например пряной сельди. Ср. такие контексты: "*Зябренная,* хорошая, свежая и жирная сельдь укладывается в восьмушку спинками вниз, не слишком плотными рядами"; "6 кг *зябренной* сельди на 9—12 часов кладется в уксус с солью"; "Совершенно свежую мелкую жирную сельдь, *незябренную*, обваливают (перемешивают) в мелкоистолченной ливерпульской соли"; "Свежую, *незябренную* жирную сельдь кладут в разбавленный уксус с солью на 24 часа" [Классен. С. 180—181, 183].

Функционально-смысловое обособление причастной формы *зябренный* создает предпосылки для перехода ее в прилагательное. Причастие *зябренный* при переходе в прилагательное *зябреный* помимо основного значения, соответствующего глаголу *зябрить*, приобретает качественно-оценочную окраску[43]. Ср. "В рыбе, *зябренной* спустя несколько часов после улова, остается кровь и окрашивает ее у позвоночника в бурый цвет". В таблице на той же странице перед маринованием разных рыб перечисляются: *зябреный* пузанок, *зябренная* сельдь [Березин. С. 112]. Аналогичного орфографического разнобоя, за которым, однако, кроется определенное соотношение реалий, в причастии *жабренный* нам не встретилось.

Термин *зябрить/зябрение* (соответственно рыба *зябренная* или *незябренная*) связывается прежде всего с промысловой рыбой. Искони в России такой промысловой рыбой была сельдь, поэтому *зябрение* — это один из видов традиционной разделки сельди перед посолом. Сам термин *зябрение* появляется в текстах, описывающих посол сельди[44]. Для полноты картины приведем традиционное описание процесса зябрения сельди. Такая демонстрация текста позволит нам

[43] О переходе причастий в качественные прилагательные см.: *Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947. С. 282.

[44] Зябрению подвергаются и некоторые другие рыбы, например шпроты (кильки), сардины при их прессовании [Классен. С. 183]. Зябрение относится к искони существовавшим видам разделки рыбы, цель которых — "удобство и улучшение условий консервирования" [Березин. С. 9]. Ср. отсутствие его в описании, на

нагляднее выделить семантические дифференциальные признаки, лежащие в основе термина *зябрение*.

"Как солить сельдь, чтобы получить хороший товар?

... 1) до соления надо удалить из каждой рыбки, пока она жива, жабры и весь кишечный канал, и т.д. (перечисляются другие условия. — *Т.К.*).

Первое из указанных вышеосновных условий правильного посола сельди, а именно — удаление жабер и кишок из живой сельди соблюдается только голландцами, которые производят эту операцию на море еще в лодках тотчас после освобождения сельди из сетей. Пока сельдь еще не уснула и пока ее кровеносные сосуды еще сокращаются, кровь может выйти из рыбы, мясо ее теряет красноватый оттенок и приобретает особенную белизну, которая так отличает сельдь голландского посола от сельди, приготовленной другим способом. Немцы и шотландцы вынимают жабры и кишки, т.е. зябрят сельдь, на берегу уже уснувшую, часов через 12—15 после поимки, сельдь их поэтому не такою свежею поступает в посол и имеет более темную окраску мяса. Норвежцы готовят сельдь и на лодках, и на берегу, они вынимают особым ножиком только жабры, оставляя в сельди кишки, а иногда не трогают и жабер, вырывая ногтем большого пальца только часть кожи с грудными плавниками. Это делается ими затем, чтобы облегчить рассолу проникновение внутрь тела рыбы". [Пушкарев. С. 8—10].

Быстрое удаление жабер и кишечника из только что выловленной сельди имеет целью, во-первых, обезвредить мясо рыбы от разрушительного воздействия гнилостных бактерий (жабры и кишки — основные очаги бактериального разложения) и, во-вторых, облегчить доступ соли внутрь мяса и ускорить просаливание.

Внутренняя форма термина *зябрение* отчетливо показывает генетическую связь с *зябры* 'жабры' и означает прежде вскрытие рыбы в момент удаления жабер; это главный дифференциальный признак термина *зябрение*.

Термин можно считать хорошим (точным) тогда, когда он определяется достаточными и необходимыми смысловыми дифференциальными признаками. Выделим дифференциальные признаки, которые лежат в определении термина *зябрение*, по приведенному выше тексту:

1. Объект удаления (жабры одни, жабры с кишечником и плавниками, жабры с плечевым поясом костей, обескровливание и под.).

2. Способ удаления этих органов (специальным ножом или пальцами, с нарушением брюшной стенки или без нарушения, с обезглавливанием и под.).

3. Цель консервирования рыбы (посол и другие виды гастрономической обработки). 4. Сорт рыбы[45].

4. Сорт рыбы[45]. В просмотренной литературе нам встретилось единичное указание на связь процесса зябрения с величиной рыбы: "Без вскрытия (незябренной) возможен только посол мелкой рыбы, хотя при посоле на холоду (в выходах) это и не так важно для рыб средней величины" [Классен. С. 106].

взгляд неспециалиста-рыбника внешне аналогичном (речь идет о разделке перед засолом сардинок, хамсы, анчоусов): "Итальянцы не отрывают головы, а отрезают только нижнюю челюсть, выдирая жабры и кишечник" [Классен. С. 131].

[45] При характеристике отдельных групп рыбных товаров операция разделки рыбы "зябрением" отмечается в пяти группах не только у "селъдей соленых", "маринованных и пряных", "сельдей импортных соленых", но и у "рыбы холодного копчения" и у "рыбы сушеной и вяленой" [Справочник. С. 498].

Этот пятый по счету семантический дифференциальный признак в термине *зябрение* — величина рыбы — по-видимому, можно посчитать необязательным.

Построим схему совмещения дифференциальных признаков при термине *зябрение*. В основу ее положим стабильный признак — посол сельди (3); с левой стороны помещается объект удаления (1), с правой — способ удаления органов рыбы (2). Наглядность схемы должна составиться из описания разных видов зябрения[46], сделанного различными авторами, специалистами по обработке рыбы. Незаполненные (чистые) клетки схемы означают отсутствие соответствующих сведений у того или иного автора.

Голландский посол

Объект удаления	Способ удаления
а) жабры, печень, сердце и грудные плавники [Говорков]	ножом, который выходит за грудными плавниками
б) жабры, горло, внутренности, удаляется вся кровь[47] [Березин, БСЭ]	вырезают ножом с тонким острием
в) жабры, горло, внутренности [Рождественский]	вырезают ножом
г) жабры, кишки, вся кровь [Пушкарев]	
д) жабры, глотка, кишечник, грудные плавники (кроме икры, молок и слепых отростков кишечника) [Классен]	ножом с тонким острием, который вонзают позади левой жаберной крышки, конец его выступает наружу около самой затылочной кости

Шотландский посол

а) жабры, плечевой пояс костей, пищевод и все внутренности (кроме икры и молоки); сельдь не обескровливается [Березин]	вначале надрезают жабры, а затем выдирают все внутренности
б) сельдь зябрится подобно голландской [Рождественский]	
в) сельди зябрятся подобно голландской: удаляются жабры, глотка, грудные плавники и все внутренности (кроме икры, молок и у половозрелой сельди — слепых отростков кишечника) [Классен]	

Норвежский посол

а) (когда кишечник пуст) жабры, глотка, сердце, желудок; (когда желудок полон) жабры, глотка с грудными плавниками,	пальцами или ножницами выдираются ножом подрезают жабры, выкручивают их вместе с глоткой и грудными плав-

[46] В литературе по обработке рыбы описаны три основных вида посола сельди; голландский, шотландский, норвежский. Мы привлекаем еще описания посола сельди, характерные для нашей страны (керчинский район, азербайджанский, азовский), т.е. все сведения, которые нам удалось обнаружить в специальной литературе.

[47] Последнее обстоятельство — обескровливание — немаловажная деталь в характеристике всего процесса зябрения. Ср., к примеру, такое высказывание: "При мариновании свежей, только что выловленной сельди ее необходимо *зябрить* немедленно для возможно лучшего удаления всей крови. В рыбе, зябренной спустя несколько часов после улова, остается кровь и окрашивает ее у позвоночника в бурый цвет" [Березин. С. 12].

внутренности [Говорков и Березин]	никами, вторым разрезом вскрывают брюшко
б) жабры	не указывается как
(или)	
часть кожи, грудные плавники, сердце [Рождественский]	ногтем большого пальца
в) жабры	не указывается как
(или)	
часть кожи, грудные плавники [Пушкарев]	выдирают пальцами или особыми ножницами
г) (когда кишечник пуст у крупной, половозрелой storsild и весенней vaarsild, и у осенней, если она пробыла в течение нескольких дней в запорном неводе) жабры с глоткой, грудными плавниками	ножом, обмотанным тонким ремешком, подрезают жабры и выкручивают их вместе с глоткой и грудными плавниками (иногда вторым разрезом), взрезают брюшко
(если желудок полон) жабры, глотка, грудные плавники; вынимают внутренности [Классен]	

Керченский район

(у крупной сельди) жабры, кишки [Кузнецов]	подпустив пальцы под жаберные крышки, вырывают

Азербайджан

(у крупной сельди в целях сохранения внешнего вида)	не затрагивая пояса костей, окаймляющего жаберные крышки
жабры и часть внутренностей [Березин]	вырывают

Азовское море

(у крупной сельди) жабры и кишечник, сердце и печень [Классен]	выдирают пальцами одним приемом

Несовпадение описания *зябрения* сельди у разных авторов и по признаку "объект удаления" и по признаку "способ удаления" показывает промыслово-местную основу этого процесса вообще. Однако общим являются два момента: 1) удаление жабер, 2) удаление органов — это вскрытие сельди, полученное путем изъятия прежде всего жабер, и здесь важны такие действия, как выдергивание, вытягивание без нарушения брюшной стенки (или с незначительным нарушением ее).

Несомненный интерес для языковеда представляет метонимическое использование термина *зябрение* и тогда, когда жабры не подлежат удалению (см. Норвежский посол — б, в). Ср. такое замечание: "При массовых уловах весенней сельди *зябрение* заменяют выдиранием грудных плавников вместе с костным основанием и кусками мяса" [Березин. С. 63]. В другом месте об этом же сказано: "несовершенное *зябрение*" [Говорков и Березин. С. 36].

Здесь метонимический перенос, свидетельствующий о семантическом развитии термина *зябрение,* осуществляется на основе дифференциальных признаков "вскрытие сельди" и "посол", обязательный для разделки сельди зябрением, а важнейший дифференциальный признак в лексическом значении глагольного слова *зябрение* — упа-

ление жабер — элиминируется вовсе. В таком взаимодействии дифференциальных признаков проявляются семантико-языковые свойства термина, как и всякого слова вообще, но в то же время совмещение семантических признаков создает определенные затруднения для дефиниции термина, особенно когда в одной терминосистеме имеются два или несколько близких в плане выражения терминов.

Значимость языковой метонимии, когда при характеристике процесса *зябрения* становится факультативным сам референт — удаление жабер — (мотиват слова), доказывается дальнейшими действиями специалистов-рыбников по унификации и стандартизации рассматриваемой ТЕ[48]. В проекте ГОСТа "Рыба и рыбные продукты" (1988 г.) (Стандартизация СЭВ) — ТЕ *зябренная рыба* дается такая дефиниция: "Рыба, у которой часть внутренностей и грудные плавники с прилегающей частью брюшка удалены; жабры, икра или молоки могут быть оставлены в рыбе".

В проекте ГОСТа (1969 г.) рядом с термином *зябрение* дается термин *жаброванне*. Понятийное и семантическое содержание термина *жаброванне*. (вариантами его выступают *жабрение* и *жабровка*)[49] устанавливается нами по тем же специальным источникам, что и для термина *зябрение*. Привлекает внимание высокая представленность в текстах термина *зябрение* и низкая — термина *жаброванне* и его производных. Причем описание процесса *жабрения — жаброванния* делается лишь в работах (или разделах), которые посвящены описанию переработки определенного сорта рыбы. Из справочников общего типа, поместивших термин *жабрение* (или его производных) в качестве самостоятельных статей, можно назвать "Промысловый словарь русских рыбаков дельты Дуная" И.Д. Гриценко и словник ЭРХ. В "Промысловом словаре" даются две словарные статьи — *жаброванный* и *жаброваць*. Приведем текст их полностью.

Жаброванный. Лишенный жабер, очищенный, подготовленный для посола. О рыбе. = *Ту ни трогай: вана͡ вже жаброванная.* Влк. *Я͡ сам помо́ю. а͡ты ки́нь у͡ саламу́р тую жаброванную.* Влк. СЧС 107.

Жаброваць что, *перех., несоверш.* Отделять у рыбы жабры и вынимать внутренности, готовя к посолу, вялению и т.д. = *Памага́й и͡ты́ нам жабрува́ць.* ВЛК. СЧС 107. *Ха́й ани творють, а͡мы͡ пайдём ры́бу жабрува́ць* ВЛК. СЧС 107.

Если сопоставить определения *жаброванный — жаброваць* с описаниями термина *зябрение,* то нетрудно уловить различие: в терминах *жаброванный — жаброваць* нет указания на способ удаления жабер и других внутренностей, т.е. отсутствует дифференциальный признак "способ".

[48] Эта цель формулируется так: "дать доступ рассолу во внутренности рыбы и удалить скоропортящиеся ткани брюшной полости" [Березин. С. 62].

[49] В числе производных от *жабры* в текстах нередко представлено *обезжабривание,* однако нам нигде не удалось встретить описания различия в операциях *обезжабривания* и *жабрения.*

Примечательны показания Энциклопедии рыбного хозяйства [ЭРХ], в частности, ее цифровые индексы. Эти индексы ставятся рядом с основным термином и равняются количеству справочных и справочно-отсылочных статей, связанных с данным термином по всей терминосфере. Цифровой показатель при термине *зябрение* — 250, *жабровка* — 50, из чего следует, что "разветвление" термина *зябрение* в сфере рыбного хозяйства в пять раз больше, чем у термина *жабрование.* Таково мнение специалистов-составителей ЭРХ.

Описание разделки рыбы жабрением появляется в работах, связанных с обработкой лососевых (прежде всего кеты). При этом операция жабрения является как бы подготовительной для дальнейшей обработки рыбы. Ср.: "Поступающая на пристань рыба, если она предназначена для приготовления колодки или семги, соответственным образом *жабрится"* [Говорков. С. 94] В книге И.В. Говоркова слово *жабрение* (и его производные) употребляется часто, однако представление о понятийно-содержательном наполнении его читатель может получить не из описания, а из рисунков (здесь уместно заметить, что процесс зябрения всегда описывался специалистами, рисунки служили дополнительными иллюстрациями). Лишь в отдельных случаях можно натолкнуться на фрагменты описания рассматриваемой операции: "При обработке кеты на пласт рыба *жабрится* несколько иначе, чем на колодку: перерезают калтык и удаляют жабры" [Говорков. С. 113]. Таким образом, из двух небольших отрезков текста видно, что "жабрение" — один из этапов в более сложных видах разделки кеты "на пласт", "на колодку", "на семгу", близкий к понятию "обезжабривание" (аналогично у Пушкарева. С. 101). В работах по технологии обработки рыбы, где в специальных главах "Разделка рыбы" дается перечень всех имеющихся способов разделки рыбы, *жабрение* (или *жабрование*) не упоминается.

Кроме того, в отдельных работах при описании удаления жабер у лососевых рыб авторы обходятся без упоминания глаголов *жабровать (жабрование, жабровка),* прибегая к описательным конструкциям. Небольшое текстологическое наблюдение, показательное для оценки распространенности термина в целом: "Для приготовления пласта берется рядовая, не на выбор, рыба; первоначально из рыбы удаляются жабры, и затем длинным ножом рыба режется со стороны спины" или: "Вторым видом засола является засол колодкой. Этот способ состоит в том, что рыба вспарывается с брюха, жабры вырезываются, икры и внутренности вынимаются..." [Розанов. С. 14, 16].

Проект ГОСТа (1969) дает полное описание обоих терминов. В отличие от [ЭРХ], где термин дан в иной отглагольной форме *жабровка,* а не *жабрование,* что, по-видимому, и выражает один из моментов упорядочения терминологии. Глагольное слово *жабрование* — книжное и оно соотнесено со словообразовательной моделью параллельного термина *зябрение.*

В заключение обзора приведем определение обоих терминов,

данных в проекте ГОСТа (1969 г.), и попытаемся оценить радикальность и целесообразность рассматриваемого терминологического упорядочения.

Зябрение рыбы — Разделка рыбы путем удаления жабер вместе с грудными плавниками, плечевым поясом, калтычком, небольшим участком брюшной стенки и части внутренностей.

Жаброваиие рыбы — Разделка рыбы путем удаления жабер или жабер с частью внутренностей, при которой целостность брюшка не нарушается.

Расположим дифференциальные признаки приведенных выше определений по принятой у нас схеме.

Объект удаления	Способ удаления
Зябрение: жабры, грудные плавники, плечевой пояс, небольшой участок брюшной стенки, часть внутренностей	с захватом небольшого участка брюшной стенки
Жаброваиие: жабры (или) жабры с частью внутренностей	без нарушения целостности брюшка

В левой части схемы ("объект удаления") показано, что количество удаляемых органов при *зябрении* больше, а при *жаброваиии* меньше. Основное содержательное противопоставление терминов представлено в правой части схемы (захват участка брюшка — в *зябрении,* отсутствие такого захвата — в *жаброваиии*). Способ удаления жабер (и прилегающих к ним органов) в схеме не представлен четко ни в термине *зябрение,* ни в термине *жаброваиие.* На описание способа (к а к, к а к и м о б р а з о м удаляются жабры) указывает лишь наречное сочетание "с захватом" (в термине *зябрение*). Другую же часть синтагмы — "небольшой участок брюшной стенки" — нетрудно отнести и к левой части схемы, т.е. к удаляемым органам. Такая диффузия дифференциальных признаков в дефиниции термина *зябрение* делает его не совсем точным. Эта терминологическая неопределенность подчеркивается наличием общего для обоих терминов смыслового компонента в левой колонке — "удаление жабер". Близкая языковая форма их выражения стирает, на наш взгляд, четкость их терминологического разграничения[50].

Необходимое разграничение могло бы быть подчеркнуто за счет усиления других дифференциальных признаков термина *зябрение* и *жаброваиие:* способ удаления, цель удаления, сорт рыбы. Так, при описании объектов удаления можно было бы ввести указание на то, удаляется или нет кровь при рассматриваемых операциях.

При описании же способа удаления определенных органов, по-видимому, следовало бы подчеркнуть, что *зябрение* — это вскры-

[50] В любом языке легко найти слова, которые являются вариантами одного и того же этимона. Целесообразность их употребления тем правомернее, чем значительнее смысловое и стилевое дифференцирование в них. Русское "школа" и "схоластика" по происхождению восходят к др.-греч. С χολή 'наука, учение, школа'. То же и в терминологиях — *манжета* 'обшлаг рукава', *манжет* (спец.) 'кольцо для скрепления концов труб'. Закрепленный за разными сферами речевой деятельности, они обрели смысловое и понятийное размежевание. для терминов *зябрение — жаброваиие* этого благоприятного условия нет: оба они входят не только в одну терминологическую сферу, но и в один ее отдел — "разделка рыб".

тие рыбы путем удаления тех или иных органов рыбы: оно тесным образом связано с целью обработки (например, дальнейшим посолом рыбы).

Правая же часть схемы заметно расходится с приведенными нами описаниями процессов *зябрения* и *жаброваиия,* сделанными специалистами, особенно для термина *жаброваиие.* Ни в одном из описаний нет указания на то, что при жаброваиии сохраняется брюшная стенка рыбы (как это сказано в проекте ГОСТа 1969). Именно описанию жаброваиия заставляет задуматься, не понимают ли сами специалисты этот процесс в разных местных условиях по-разному. Так, в "Промысловом словаре" И.Д. Гриценко жаброваиие четко связывается с посолом (или вялением) рыбы, в других же источниках его нетрудно понимать как этап, предваряющий другие виды разделки рыбы [Говорков]. Дефиниция ТЕ *жаброваиная рыба* в проекте ГОСТа (1988 г.) также не содержит денотативных уточнений, ибо в ней вовсе элиминирован дифференциальный признак "способ"; она даже более обобщена, чем в проекте ГОСТа (1969 г.). Ср.: "*жаброваиная рыба.* — Рыба у которой удалены жабры или жабры и часть внутренностей".

В заключение нашего критического анализа несколько чисто языковых замечаний. В текстах при описании зябрения используются глаголы конкретного действия: *вырезать* (жабры и др. органы), подрезав, *выдирать* (жабры и др. органы), *выкручивать,* при описании жаброваиия обычно *удалять* (жабры). Исходя из этого, разумнее было бы ввести и в проекты ГОСТов в определение *зябрения* глагольные слова конкретизирующего действия (одинаковое отглагольное существительное *удаление* в обоих терминах — это слишком неопределенно). Попутно заметим, что в проекте ГОСТа 1969 такие конкретные глаголы (или отглагольные существительные) вводятся во многих терминах. Ср.: "*потрошение рыбы* — разделка путем *разрезания* брюшка между брюшными плавниками от калтычка до анального отверстия с удалением внутренностей": "*полупотрошение рыбы* — разделка рыбы путем *надреза* брюшка около грудных плавников с выдавливанием внутренностей, кроме молоки и икры, и др.".

Как же усилить терминологическую дифференциацию в близких по форме выражения ТЕ? По-видимому, за счет введения в дефиницию дополнительных дифференциальных признаков — например, сорта рыбы и уточнения способа удаления жабер, а также цели удаления жабер. Не исключено, что в таком дополнении нуждается лишь один из терминов, скорее всего *жаброваиие* как менее представленный в специальной литературе. Заметим попутно, что в проекте ГОСТа (1969 г.) содержатся такие термины по разделке рыбы, которые связаны лишь с одним каким-либо видом рыбы, ср.: **карманный пласт** — способ разделки палтуса. Говорят о термине *жаброваиие,* следует заметить, что, формулируя его дефиницию, наверное, надо было бы иметь в виду и близкое ему по смыслу слово *обезжабриваиие* (в проектах ГОСТов 1969 и 1988 это слово как ТЕ не значится). И хотя сам процесс упорядочения любой терминологии прежде всего связывается с

современным состоянием знаний в той или иной отрасли, вряд ли стоит не принимать во внимание настоящее и прошлое специализированной литературы. В специализированной литературе по технологии обработки рыбы — огромная традиция; эти книги, брошюры, статьи читаются, изучаются, и что еще важнее, исходя из практической направленности ее, принимаются как руководство к действию. Поэтому все термины и номенклатуры должны быть соотнесены между собой. В арсенале лексико-номинативных средств этой литературы немалую роль играет локальный (местный) фактор, что является естественным следствием самих экстралингвистических условий в существовании рыбной отрасли в целом.

Основная цель предпринятого исследования двух терминов рыбообрабатывающей промышленности — показать возможность применения компонентного анализа, т.е. собственно лингвистического метода в анализе материала в приложении к терминоведческим построениям. Изучая специальные тексты, мы пытались опереться на лингвистически маркированные приметы. Так, двигаясь от контекста к смыслу, обнаруживая словообразовательную продуктивность и морфологическую развитость изучаемых терминов, мы устанавливаем соотношение в их употреблении в реальной речевой деятельности рыбников. В результате подтверждается вывод, который напрашивается априори: дефиниции проектов ГОСТов нуждаются в дальнейшей доработке[51].

Разобранные термины, близкие между собой по форме и по содержанию, интересны еще в плане распространенности их в терминосфере рыбного хозяйства в целом. Какой можно предложить ответ на вопрос, почему термин *зябрение,* восходящий к диалектному варианту слова, более значим в специализированной речи обработчиков рыбы, чем *жабрение,* словообразовательно связанное с общенародным и литературным словом *жабры*? Если иметь в виду общественный авторитет и престиж нормализованно-литературной формы национального языка, то термин *жабрение / жаброванне* должен бы быть больше представленным в специализированной речи обработчиков рыбы, чем термин *зябрение, зябрить.* В действительности же этого нет.

Видимо, существенные признаки термина как языкового знака вообще проявляются и в момент становления его, и в момент отбора как языковой единицы из числа возможных конкурентов, способных быть термином. Это — внеязыковая актуальность, конкретно-номинативная семантика, отсутствие оценочных коннотаций и удобный план выражения, не вносящий никакой двусмысленности.

Если посмотреть с этой точки зрения на *зябрение* в сопоставлении с *жаброванием,* то перечисленные требования оптимальнее реализуются именно в *зябрение,* а не в *жабровании.*

Термин *зябрение* поддерживается и ареалом распространения местного слова *зябры — зебры,* являющегося его производящей основой. По данным СРНГ локальные пометы связывают слово *зябры — зебры* с широким массивом южнорусских говоров (орл., тамб., пенз., симб., воронеж., курск., ряз., тул., дон., зап.-брян., астрахан.)

[51] Языковедческий анализ ГОСТов на этапе их проектов представляется нам своевременным и позволяет вносить соответствующие лингвистические коррективы.

и в их числе с теми, которые располагаются у рек, где возможно предположить развитие рыбного промысла (астрахан., дон.). Кроме помет южнорусских говоров, слова *зебры / зябры* отмечены в СРНГ и в севернорусских говорах (раст.-яросл., костром., сев.-двин.).

И главное, СРНГ отмечает глаголы в интересующей нас семантике *зябрить* 'удалять жабры у сельди перед посолом' (Северное и Белое море) и *зя́бряковать* и *зябряковать* 'удалять жабры и внутренности рыбы (при потрошении)'. Таким образом, термин *зябрение* известен промысловикам-рыбникам давно: на огромной территории распространения русского языка он занимает районы массового вылова рыбы; экстралинвистические условия обусловили его место и значимость в терминосистеме. Уже в местном осмыслении глагола *зябрить* представлены ведущие смысловые признаки дефиниции термина (по ГОСТу): 1. Удаление жабер, 2. у сельди 3. перед посолом.

Глагол *жаброваться* по данным СРНГ в народных говорах рыбной семантикой не обладает: 1. жаброваться — 'жалеть', жиздр., калужск. и 2. 'есть с жадностью'.

Предпринятое нами собственно языковедческое изучение методом компонентно-семантического и текстологического анализа двух терминов рыбообрабатывающей промышленности показало, что при построении их дефиниций недостаточно четко проведено разграничение между смысловыми признаками в данных ТЕ. Противоречие усугубляется еще и тем, что сами ТЕ *зябрение* (и ее производные) и *жаброваниe* (и ее производные) представлены в проектах ГОСТов (1969 и 1988 гг.) как две разные, самостоятельные ТЕ в то время, как генетически они восходят к одной *лексеме,* выраженной в двух ее фонетических вариантах (*жабры — зябры / зебры*).

Детальное ознакомление со специализированной литературой отрасли обнаруживает, что выявленные неточности в дефинициях ТЕ во многом обусловлены неравной употребительностью каждой из ТЕ в текстах — бóльшей для *зябрения* и меньшей для *жаброваниа.* Похоже, что последнее обстоятельство вовсе не принято во внимание при построении дефиниций. Правильно ли это?

Знакомство с литературой отрасли доказывает также насущную необходимость создания многотомного энциклопедического словаря одной из ведущих отраслей промышленности страны — рыбообрабатывающей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для современного этапа развития любой науки характерны процессы интеграции таких проблемных направлений, которые до недавнего прошлого казались относительно автономными областями ее. В нашем исследовании была предпринята попытка объединить такие продуктивные в современной русистике направления, как диалектные лексикология и лексикография и терминоведение. В синтезе этих дисциплин высветились и перспективы возможного изучения лексики русского языка как единого целого.

Диалектная лексика номинативного содержания, т.е. предметная лексика в условиях радикальных изменений жизни современной деревни устаревает, выпадает из активного употребления. И в то же время, став термином той или иной терминологической системы, диалектное слово приобретает особую социальную и коммуникативную значимость; в целом эти экстралингвистические предпосылки продлевают жизнь такого слова. В контексте всего объема национального языка в таких словах наблюдается перераспределение функционально-стилевых характеристик.

В диалектной языковой среде, в устно-речевом обиходе лиц, занятых традиционно устойчивыми видами производственной деятельности, закладывались основы естественно складывавшихся терминологий. Эти донаучные и доиндустриальные терминологии уже отражали четкие представления об основных объектах деятельности, о соответствующих им процессах, о качественных особенностях реалий данной внеязыковой сферы. Спонтанно-языковая номинация и систематизация слов, свойственная предметно-номинативной лексике диалекта в той или иной внеязыковой области, является нередко лингвистической базой и для научных знаний. Взятая в качестве специального анализа в настоящей работе терминология кожевенного производства наглядно иллюстрирует подобное положение вещей.

Ретроспективный подход в выявлении национально-самобытного элемента в составе текстов терминологических и отраслевых стандартов, избранный нами в качестве основного языкового источника в настоящем исследовании, показал, что восходящие к народно-диалектным истокам термины отвечают одному из важнейших требований, предъявляемых сегодня к стандартизованному термину как важнейшей номинативной единице языка, а именно — *внедренности* в общественную материально-техническую практику. Внедренность терминов, прототипы которых находятся в народно-диалектной среде, находит прочную опору как в экстралингвистических, так и собственно лингвистических обстоятельствах. Имеющих многовековую традицию

употребления, ясные и понятные для носителей родного языка эти своеязычные пласты терминологической лексики подчас оптимальнейшим образом отвечают собственно лингвистическим критериям термина как особого номинативного знака: многие из них, отвечая природе словообразования национального языка, обладают ясной внутренней формой слова. Ясный план выражения полностью коррелирует с точностью плана содержания в таких словах: эти термины удобны для производства новых слов (именно этим свойством их объясняется деривационное многообразие таких терминов), они часто используются в роли кратких вариантов составных терминов. Для сферы функционирования применение краткого варианта полного (составного термина) чрезвычайно существенно.

В широкой и многоплановой работе по унификации и стандартизации терминологии степень внедренности термина в речевую практику специалистов разных областей учитывается едва ли не в первую очередь, ибо термин, обладающий высокой степенью внедренности, с трудом поддается замене либо не подлежит ей вовсе.

Естественным следствием внедренности термина является выход его на разные уровни стандартизации: общесоюзный, региональный и международный. Термины, по происхождению диалектизмы, не являются здесь исключением, на них распространяются общие правила и условия, которым подчинены разные виды стандартизации в целом.

Специализированная лексика в диалектно-языковой среде составляется из номинативно-предметных слов. Семантические преобразования таких слов в диалекте, превращение их в термин — это основной путь терминотворчества. Метафора, метонимия, т.е. сужение или расширение полисемии слова, другими словами, терминирование одного из значений многозначного слова — самый продуктивный способ образования профессиональной лексики в говорах. Он поддерживается социолингвистическими условиями народно-диалектной речи.

Способ семантического терминообразования отвечает природе русского языка. Именно этим можно объяснить тот факт, что многочисленные примеры таких терминов соотнесены с разными эпохами в развитии национального языка с разными его подсистемами — нормализованными и ненормализованными.

Термины, восходящие к народно-диалектной основе, обладают, как правило, широкой семантической филиацией. Начало ее формирования закладывается еще в диалектно-языковой среде. Онтологическая специфика диалектной языковой системы определяется наличием в ней не одной координаты измерения, а двух или трех, если иметь в виду социальное расслоение диалекта. К временной координате измерения, как это имеет место в общенародном языке, всегда добавляется еще и координата пространственная. Исследователь диалекта, если он обращается к синхронному состоянию его, не может установить причину тех или иных языковых изменений, в частности, связаны они с фактором времени или с фактором пространства.

Все это создает широкие предпосылки для развития междиалектной терминологической омонимии, а затем уже — перенесение и закрепление ее в терминологических подъязыках. Терминологическая омони-

мия — едва ли не самое распространенное явление в номинативном фонде русских терминов. В такой семантической потенции слова — его жизнеспособность, придающая национальному языку единство и цельность.

В основе семантических сдвигов терминологической лексики лежит функциональный перенос. Функциональный момент в семантике любого слова обеспечивает историческую устойчивость слова, его лексико-семантическое тождество, несмотря на применение этого слова к называнию самых разных реалий.

Выделение терминов-омонимов в народно-диалектной речи обусловлено денотативной основой в лексическом значении слова. Характерно, что эта "привязка" к денотату превалирует и в лексическом значении современных узаконенных терминов, зафиксированных в терминологических стандартах и получивших там научно-обоснованную дефиницию, соотнесенную с коррелирующими понятиями соответствующей терминосистемы.

С ориентацией на денотативное наполнение строятся словарные статьи (термин и его дефиниция) в терминологических стандартах.

Понятийный объем терминологического стандарта в целом задан самой внеязыковой темой его, часто достаточно суженной и конкретной. Отсюда нередко вытекают разного рода коммуникативные расхождения. Наиболее распространенный вид расхождений имеет место между равнооформленными словами термином и нетермином, полноценно функционирующим с аналогичным значением в разных подсистемах национального языка — общенародном литературном, диалектах и в языках для специальных целей ("межфункционально стилевая омонимия").

Другая разновидность расхождений без труда обнаруживается в разных терминологических стандартах при разработке дефиниций таких терминов-омонимов, которые по своим логико-понятийным параметрам могут быть принадлежностью разных терминосистем (пороки, дефекты какого-либо изделия, сырья и под.). В плане выражения такие термины нередко совпадают с словами общего языка. В этом случае преобладание денотативных признаков в дефиниции термина над сигнификативными производят впечатление искусственного построения. Противоречащие обыденному языковому восприятию такие определения вряд ли будут иметь подтверждение в реальном функционировании терминов.

Все в целом усиливает разрыв между сферой фиксации терминов и реальной сферой функционирования, тяготеющей к такому употреблению терминов, которое сложилось для них в естественно-сложившихся языковых условиях. Низкий коэффициент использования стандартизованных терминов, о чем говорят многие специалисты, остается на прежнем уровне.

Весь массив национально-самобытного элемента в составе современной терминологической лексики делится на две группы терминов, различия в которых составляет план их выражения. Одна из них (бóльшая) совпадает по форме с лексическим составом общенародного литературного языка, другая (меньшая) — дифференцируется.

Если составляющие единицы первой группы служат показателем единства национального языка и как бы цементируют пласты номинативной лексики его, то единицы второй группы полноценно функционируют в роли терминов благодаря точной соотнесенности с понятием и оригинальной форме своего выражения. Картина противоречивая, но цельная ибо обе группы терминов составляют прочное диалектическое единство по собственно лингвистическим параметрам, таким как номинативная точность, свойство регулярной воспроизводимости в речи, богатым и разнообразным словообразовательным возможностям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СЛОВАРИ

Акчим — Словарь говора деревни Акчим Пермской области. А — З. Пермь, 1984. Вып. 1. (КАкчим — картотека Словаря говора дер. Акчим Пермской обл.) 1990. Вып. 2. И—М.

Александрова — *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

Словарь занятий — Алфавитный словарь занятий. М., 1950.

АОС — Архангельский областной словарь. 1980—1990. Вып. 1—7.

Ахлынов — *Ахлынов И.Я.* и др., Справочник промысловика. Мурманск. 1961.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950—1965.

Березин — *Березин Н.Т.* Промысловая обработка рыбы. М., 1951.

Брокгауз — *Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1890—1907 (отдельные тома).

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 1-е изд., М., 1929—1931; 2-е изд. М., 1949—1957; 3-е изд. М., 1969—1978 (статьи из отдельных томов).

Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843—1844. Т. 1—2.

Васнецов — *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Воронин — *Воронин В.* Музыкальный словарь. Владимир, 1908.

Восьм. с/х. сл-рь — Восьмиязычный сельскохозяйственный словарь. Прага, 1970. Т. 1—2.

Говорков — *Говорков И.В.* Амурская кета. Лов и обработка. М.; Л., 1932.

Говорков и Березин — *Говорков И.В. и Березин Н.Т.* Посол сельди. М.; Л., 1931.

Грандилевский — *Грандилевский А.* Родина М.В. Ломоносова, областной крестьянский говор // Отделение русского языка и словесности. 1907. Т. 83, № 5.

Гриценко — *Гриценко И.Д.* Промысловый словарь русских рыбаков дельты Дуная // Вопросы русского и общего языкознания. Учен.зап. Кишиневского ун-та, 1970. Т. 114.

Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882. Т. 1—4.

Деул. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.). М., 1969.

ДСЛ — *Тимофеев В.П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971

Дунин-Горкавич А.А. Словарь некоторых технических и местных терминов // Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1; Тобольск, 1910. Т. 2.

Дуров — *Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929.

Жилинский — *Жилинский А.А.* Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957.

Забайкал. — *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ИОС — Иркутский областной словарь. Иркутск, 1973. Вып. 1.

КАкчим — см. Акчим

Камчат. — Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.

Классен — *Классен Ф.* Технология рыбных продуктов. Прага, 1925.

Клыков — *Клыков А.А.* Краткий словарь рыбацких промысловых слов. М., 1959.

Кочин — *Кочин Р.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.

КПОС — см. ПОС.

Краткий музыкальный словарь (справочник) / Составил С.А. Павмоченко. М.; Л., 1950.

Краткий технический русско-немецко-французско-английский текстильный словарь / Составил инж. М. Коган. Иваново-Вознесенск, 1928.

Кузб. — Словарь русских говоров Кузбаса. Новосибирск, 1976.

Кузнецов — *Кузнецов И.Д.* Краткий словарь рыбопромышленных терминов Азовского бассейна // Материалы по изучению рыбных промыслов Азовского бассейна. СПб., 1903.

Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЯОС — *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Латв. — *Семенова М.Ф.* Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР. Рига, 1974.

Лекс. Берынды — Лексикон словено-роський Памви Беринды. Киев, 1961.

МАС — Словарь русского языка. 2-е изд. М., 1981—1984.

Маштаков — *Маштаков П.Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

Минаев А.Ф. и *Плотников Н.Д.* Правила обработки рыбы и рыбных продуктов. Астрахань, 1932.

Мурзаев — *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Новосиб. — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

НС и З-1971 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971.

НС и З-1984 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.

Обск. — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967. Т. 1—3.

Обск. доп. — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1975. Т. 1—2.

Ож. — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., (цифры при сокращении указывают номер издания).

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Опыт доп. — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.С.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПОС — Псковский областной словарь. Л., 1967—1990. Вып. 1—8. (КПОС — картотека Псковского областного словаря.

Преображен. — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914 // Труды института русского языка. Т. 1. М.; Л., 1948.

Приамур. — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

Прибалт. — *Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова М.Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

Пушкарев — *Пушкарев Н.Н.* Обработка рыбы. М.; Л., 1931.

Пушкарев Н.Н. О посоле северной сельди. Петрозаводск, 1925.

Рождественский — *Рождественский Н.Н.* Справочная книга рыбака. М.; Л., 1930.

Розанов — *Розанов Н.Г.* Справочная книга по рыбопромышленности Дальнего Востока. Николаевск-на-Амуре, 1914.

СБГ — Словарь брянских говоров. Л., 1976—1988. Вып. 1—5.

Сборник работ по технологии рыбных продуктов. М., 1931.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—1989. Вып. 1—4.

СГП — *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

СЗБГ — *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

СКГ — *Кириллова Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А.* Опыт словаря Калининской области. Калинин, 1972.

Слов. XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1991. Вып. 1—17 (Карт. Слов. XI—XVII вв. — Картотека словаря русского языка XI—XVII вв.)

Шебалин — Словарь Орехово-зуевских текстильщиков / Колл. авторов под рук. М.Н. Шебалина // Труды кафедры русского языка. Орехово-зуевский пед. ин-т. М., 1960.

Солдатов — *Солдатов В.К.* Рыба и рыбный промысел. М.; Л., 1928.

Солдатов В.К. Промысловая ихтиология. М.; Л., 1934. Ч. 1; М.; Л., 1938. Ч. 2.

Соликам. — Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

Справочник-каталог по технологическому оборудованию рыбной промышленности. М., 1954. Ч. 1.
Справочник — Справочник товароведа продовольственных товаров. М., 1955. Ч. 1—2.
СРГКр. — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд. Красноярск, 1988.
СРДГ — Словарь русских донских говоров. Ростов н/Д, 1975—1976. Т. 1—3.
Срезн. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т. 1—3.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л. 1965—1991. Вып. 1—26.
Ср.Обск. — Среднеобский словарь (Дополнение). Томск, 1983—1986. Ч. I—II.
ССмГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974—1988. Вып. 1—5.
СУГ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1988. Т. 1—7.
СХЭ — Сельскохозяйственная энциклопедия. 4-е изд. М., 1969—1975. Т. 1—6.
СЭС — Советский энциклопедический словарь. М., 1979.
Технология рыбных продуктов. М.; Л., 1940.
ТСП — Толковый словарь по почвоведению. М., 1975.
ТЭ — Техническая энциклопедия. М., 1927—1936. Т. 1—26
Ушак. — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1940, Т. 1—4.
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1963—1973. Т. 1—4.
Шанский — *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
Шахматов. — Словарь русского языка Грота Я.К., Шахматова А.А. СПб., 1885—1930.
Шульц — *Шульц А.Я.* Краткий словарь некоторых технических народных слов, употребляемых каспийскими рыбаками // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 4: А.Я. Шульц. Техническое описание каспийского рыболовства. СПб., 1861.
ЭРХ — Энциклопедия рыбного хозяйства. Словник проект. М., 1948
ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981—1989. Вып. 1—8.

ГОСТы

1. 17.5.01-83. Охрана природы. Рекультивация земель.
2. 20022.1. Защита древесины. (Ст. СЭВ 2021-79, Ст. СЭВ 4186-83).
3. 2140-81. Пороки древесины. (Ст. СЭВ 2017-79, Ст. СЭВ 2018-79, Ст. СЭВ 2019-79, Ст. СЭВ 320-76, Ст. СЭВ 321-76, Ст. СЭВ 391-76, Ст. СЭВ 3286-81, Ст. СЭВ 3287-81, Ст. СЭВ 3504-81).
4. 3123-78. Производство кожевенное.
5. 12916-89. Транспортирование радиактивных веществ. (Ст. СЭВ 399-88).
6. 13784-70. Волокна и нити текстильные.
7. 14312-79. Контакты электрические.
8. 14706-78. Алмазы и инструменты алмазные.
9. 15470-70. Фурнитура для изделий кожевенно-галантерейной, текстильно-галантерейной, обувной и швейной промышленности.
10. 15812-87. Древесина клееная слоистая. (Ст. СЭВ 1267-78, Ст. СЭВ 3286-81).
11. 15830-84. Обработка металлов давлением. Штампы.
12. 16020-70. Скот для убоя.
13. 16032-70. Лесосплав.
14. 16265-80. Земледелие.
15. 16367-86. Птицеобрабатывающая промышленность.
16. 16382-87. Оборудование электрокерамическое.
17. 16548-80. Стекло кварцевое и изделия из него.
18. 16814-88. Хлебопекарное производство.
19. 17461-84. Технология лесозаготовительной промышленности.
20. 17462-84. Продукция лесозаготовительной промышленности. (Ст. СЭВ 1262-78).
21. 17559-82. Лесные культуры.
22. 17613-80. Арматура линейная.
23. 17743-86. Технология деревообрабатывающей и мебельной промышленности.
24. 18157-88. Продукты убоя скота.
25. 18288-87. Производство лесопильное.

26. 18473-88. Птицеводство.
27. 18486-87. Лесоводство.
28. 19088-89. Бумага и картон. Термины и определения дефектов.
29. 19200-80. Отливки из чугуна и стали. Определения дефектов.
30. 20433-75. Лен-долгунец.
31. 20840-75. Кожа искусственная мягкая. Пороки.
32. 20847-75. Прутки, полосы и профили горячительные и кованые. (По: Библиографический справочник: М., 1986).
33. 21014-88. Прокат черных металлов. Определение дефектов поверхности.
34. 21451-75. Патроны спортивные и охотничьи.
35. 22294-76. Сельское хозяйство. Кролиководство.
36. 23153-78. Кормопроизводство. (Ст. СЭВ 6530-88).
37. 23246-78. Древесина измельченная.
38. 23493-79. Картофель.
39. 23505-79. Обработка абразивная.
40. 23944-80. Древесина модифицированная.
41. 25629-83. Пчеловодство.
42. 25725-89. Инструменты медицинские. (Ст. СЭВ 3401-81, Ст. СЭВ 6345-88, Ст. СЭВ 4347-83).
43. 26640-85. Земли.
44. 27244-87. Производство химических волокон.
45. 27674-88. Трение, изнашивание, смазка.
46. 27935-88. Плиты древесноволокнистые и древесностружечные.
47. ИСОР-836-68. Силикатно-керамические и углеродные материалы и изделия.

СТАТЬИ ИЗ Ж. "КОЖЕВЕННО-ОБУВНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ". 1978

№ 1

Афанасьев В.В. Автоматизация управления качеством механической обработки натуральных кож.

Багаев В.И. Машина для тиснения кожанных подошв.

Бойко Т.С., Зурабян К.М. Комплексная оценка качества лаковых кож.

Зурабян К.М., Краснов Б.А. Новое в свойствах кожи, исходя из задач обувной технологии.

Островский В.С., Ягода Л.А. О свойствах кож для верха обуви из шкур крупного рогатого скота.

Темкин С.И., Галицкий В.А., Сергеева О.Э. Глубокое тиснение натуральной кожи.

Хохлов Ю.И. Модернизация оборудования для отделки кож.

№ 2

Большаков П.А. Влияние механических воздействий на ускорение процессов обработки кожи.

Дербаремдикер Т.Л., Пономарев С.Г., Мартынова Э.Н. Пути повышения качества жирующих и вспомогательных материалов для кожевенной промышленности.

Липатова М.Н., Эткин Я.С. Сырьевая база кожевенной пром-ти за 60 лет.

Островский В.С., Ягода Л.А., Опанасюк А.Л., Лесин С.П. Изменение свойств и состава хромовой кожи при носке обуви.

Тричис В.А., Валаткайте Д.А., Маяускене Н.Ю. Исследование изменений структуры и свойства кожи при пропитывающем грунтовании.

Шапиров В.С., Лысунец Б.П., Лехтман Л.Б., Брусиловский М.Н. Усовершенствование методики дубления козлины.

Хохлов Ю.И. Причины и предупреждение образования пятен на хромовой коже.

№ 3

Метелкин А.И., Русакова Н.Т. Применение дубящих соединений титана в производстве жестких кож.

Тришина Л.П., Мараджанов И.К., Страхов И.П., Мельничук Н.И. Интенсификация отмотки, дубления и крашения кож натриевыми солями нафтеновых кислот.

Шапиров В.С., Лысунец Б.П., Бабич И.Я., Шапильская А.Я. Дубление кож для низа обуви с применением дубящих титаноциркониевых соединений.

№ 4

Афанасьева Р.Я. О всесоюзном конкурсе рабочего мастерства сгонщиков щетины.
Куциди Д.А., Страхов И.П., Вендеров Я.А., Есин В.А., Анохина В.М. Моделирование процесса дубления свиных кож.
Левченко П.И., Микаэлян И.И., Кочетыгов Б.С., Сучков В.Г. Жирование хромовых кож новым синтетическим жиром.
Пустыльник Я.И., Белоброва Л.В., Метелкин А.И., Саитгалиев К.Ш., Киямов Г.Х. О свойствах кожи, выработанной с применением дубящих соединений циркония и титана.
Рудюк И.Т., Бутко Р.В., Федоренко В.Ф. Социалистическое соревнование в Бердичевском производственном кожевенном объединении им. Ильича.
Скиба-Гяшко С.Д. Опыт работы бригады стригалей.
Хохлов Ю.И. Предупреждение пороков при прессовании кожи на финишных операциях.

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ*

баран 61
баранчик 61
*бахтарма 72
*башмак 41
безличина 69, 72, 79
белек 68
белковать 43
белость 47
белый 86
беседка 32
болт 32
болячка 68—69, 72
боров 61
бороздование 43
*борушистость 69, 72, 88
*ботва 7—8
брать 10, 31
*бревно 30, 48, 50
бродник 32
бродничок 32
бугай 64, 68, 72, 84
буйвол 61
буйволенок 61
буйволица 61
булгара 72
*быглость 69, 72
бык 61, 64
бычина 69, 72, 79, 83
*бычок 61, 68—69, 72, 84

важенка 61
валух 61
валушок 61
вдавина/вдавины 88, 90, 92
верблюд 61
верблюдица 61
верблюжонок 61
веретено 29
вертушка 64
верхник 28
вершина 50
вершить 43
ветви/ветвь 50
ветровал 44
вешала 50
*взрослый 61
влажность 89
водохлеб 70, 91
вол 61
волнолом 44
*волока 64
*волокно 20
*воротистость 68—69, 72, 88
*ворота 63
вороток 69, 72, 79
выбоина 64
*выдав 64
вылом 64
вылот 64
*выметка 69, 72, 84
выпечка 64
*выросток 69, 72, 74, 83—84
выстилка 88
выступ/выступы 88
выхват/вахваты 52, 72
*выщип/выщипы 44

гавань 62, 64
гибкость 47
гнездиться 40
*гнездо 37—40
*гнездовая 39
гнездование/гнездовка 40
*гнездовка 40
голова 68
*голье 72, 79, 89
*гольевой 72
гребневание 43
грибоварка 7
грибоварня 7
грива 68, 72
грядкование 43

движок 64
*двоение 80, 83
двоильный 87
двоить 79
двузернянка 44
дед 32
*дежа 7
дернина 50
дискование 43
додубливание 87
долготье 50
донце 31
древесина 52—53
*древесная порода 49
древолаз 44
дрезостой 49
дрова 50
дрожжевание 43
дубень 72
дубильный 88
*дубитель 70, 72, 79—80, 89
*дубление 69, 72—73, 79, 82—83, 87—89
*дубность 72
*дубящий 72, 88
дуранда/дурунда 18

жаберный 95
жабрение/жабрование/жабровка 67, 94—96, 101—105
жабренный 97
жабристый 95
жабрить 94—95, 97
жаброванный 94, 101, 104
жабровать 94—95, 101—102, 106
жабровщик 95
жабровый 95
жабродышащий 95
жаброногие 95
жаброносный 95
жабра/жабры 94, 101, 106
жердь 50
жеребенок 61
жеребец 61

*В словоуказателе приводятся своеязычные слова и термины, проанализированные в монографии. В случае, если своеязычный компонент входит в составную ТЕ или или сложное слово, он обозначен *. Например, *Запань в тексте может встретиться и отдельно и в словосочетаниях: *поперечная запань, продольная запань.*

*жеребок 68—70, 73, 84, 91
жерства 19
жесткий 85
жесткость 47, 83
жилистость 69, 86, 88
жирить/жировать 87
жирование/жировка 69, 73, 79, 83, 87
жирующий 88
жом 65
жонка 28

задвижка 64
*зажим 64, 65
закал 70, 73, 88
закром 18
залив 64
залом/заломы 65—66
*залощенность 44
залужение 50
*замин/замины 52, 66, 70, 73, 79, 88, 90
*замок 64
запанный 63
*запань 62—64
запёк 73, 91
зарез 64
заруб 64
засолка 69
затвор 64
*затек/затеки 70
*затраты 64
зачес 68, 70, 73, 88
зебрить 95
зев 10
землерои 44
*земля/земли 48, 57—59
*зимник 7
*золение/золка 73, 79
золить 73
зольник 73
*зольный 73
зуб/зубья 31
зяблевая 33
зябра/зебра/зябры 94—95, 97—98, 105—106
зябрение 67, 94, 96—98, 100—101, 103
зябренный 94, 97
зябрик 94
зябрить 94—95, 97, 99, 106
зябровщик 95
зябряковать 95, 106
зябь 33

изгребье 10
*искожа 65

карасевать 43
кислость 47
кнур 64
кнутовина 68—69, 73, 88
кобыла 48, 61
*кожа 70, 73, 80—81, 83—85
кожеед 73
кожеедина 69—70, 73
коза 61
козел 61, 73
козленок 61, 73
*козлина 69, 73, 79
козовать 43
кол 50
конина 69, 73
конопи/конопля/конопле/конопель 31
конский 84
копна 50
копнение 43
копора 32
копыл 31
кора 50
корм/корма 32, 50
*кормушка 7
корова 48, 61
коромысло 41
короста 68, 73
корчажить 43
корье 50
косина 44
косовка 91
косослой 10
кострика 10, 29
кроликоматка 64
крольчиха 64
кросна 31—32
кротование 43
круглый 56
кругляш 29—31
крупность 47
крутильная машина 22
крутильщик 22
крутить 21
кручение 22
крыга 32
крыло 32
*кряж 8, 29, 50
кувички/кувиклы/кугиклы 36

лайка 68
лапа/лапы 68, 73
*лежень 63
*лес 48—49
лесовод 44
*лестницы 70
лещадь 45
лизуха 68—69, 73
лисовать 43
лист/листья 50
*лицевой 80—81
лицо 81, 91
лобаш 68—69, 73, 79
ломина 69, 93, 88
ломкость 47
лосевать 43
*лошадь 48
лошак 61
луг/луга 50
луговодство 50
лукавить 43
лункование 43
льнотеребилка 7
льнотеребильщик 7

*маклак 68, 73
махалка 44
медосбор 44
мездра 73—74
*мездрение 69, 73, 79
мездрильный 87
мездрильщик 87
мездрина 73
мездрить 73, 87
*мездровый 73
мельзавод 7
*мерея 74, 79
*мерея 74, 79
мерин 61
молеедина 70, 74, 80
молеточина 74
молеяд 74
*молодняк 61
мордовать 43
*моржевина 69, 74
*моржевитость 74, 88
мостовье 69—71, 74
мотня 32
мотовило 47
мужик 28
мул 61
мягкий 85
мягкость 47
мягчение 89
мякина 50
мялка 10
мялльница 44
мять 10

набелки/набилки 10
наблюй 91
навой 44
нажор 92
накостница 74
*накостыш 68—70, 74
*наплывы 70
намазка/намазь 74, 79
*намин/наминка 70, 74
наполнение 79, 83
наполнитель 83

нарезка 69, 79, 88
насаждения 49
насест/нашест 64
незябренный 97
неотдушистый 87
непродуб 72
непрожированный 87
нетель 61—62
нижник 28
*нитка 37
*нить 21, 37, 47
ниченки 10

обвалование 43
обезжабривание 95, 101, 104
обезжабривать 104
обряд/обряда 74
обрядить 74
обрядиться 74
обрядка 74
*обезволашивание 69, 79
*обезволашивающий 88
*обезжиривание 69
*обеззоливание 69, 79
обечайка 10
*облой 45, 64
*овчина 74
овчинка 74
огузок 68—69, 74, 88
огузочный 88
окоренок 55
окорить 55
*окорка 55
окорщик 55
окрайник 29—30
окуневать 43
окучивание 43
олененок 61
олень 61
опара 57, 64
*опоек 68—69, 74, 79—80
*опоечный 74
опойник 74
опойчатый 74
опойчина 74
опок 74
осаленность 89
осел 61
осленок 61
ослица 61
оспина/оспины 68—69, 74, 88
отава 50
*отавность 47
отволожка 74, 91
отдушистость 79, 87
откомлевка 50
отмин/отмины 66, 79
*отмока 69, 74, 79
отсдобка теста 64

пар 48
парх 74
парша 68, 74
паховина 74
пашина/пашины 69—70, 74, 79
пень 48
перволедье 44
переборка 88
*передина 69—70, 75
пережированный 87
пиловочник 50
плата 64
плот 48, 63
*под 5
подвялка/подвяливание 75
подгон 49
подлесок 49
подматок 44
подножка 10, 44
подошвенный 85
*подрезь 70, 75
подсадина 64
подсвинок 61
*подсед 75
*подстрожка 69, 75
*пожелтение 44
полено/поленья 50
ползун 41
полотно 32
полувал 70—71, 75
полукожа/полукожи 75, 79
*полукожник 70, 75, 80, 84
полупередина 69, 75
получепрак 70, 75
пола/полы 70, 79
порез 88
поросенок 61
порубы 70
потертость 88
потыкать 31
потылок 29—31
прелина 69, 75
пригар 64
*продуб/продубы 66, 72, 80
продубить 66, 71
*продубленность 72
продубливание 87
продублять/продубить 72
прожированный 87
пролысить 54
пролыска 44, 54—55
промывка 88, 90
*прорезь 70
прочность 89
прялка 10
*пыж 63, 91
пыжик 75, 91
пылимость 44

развесы 82, 81
разводка 69, 80, 83, 87
разводчик 87
*размездривание 73
разность 47
разнотравье 50
распиловка 89
расплод 38
растительный 89
расчина 57, 64
рвать 10
рвотина 64
режь 32
ровность 47
рогатый 61
роговина 69, 75, 88
рухлость 47
рыбка 69, 75
рыхлина 64
*рыхлость 80
рябина/рябины 88, 92

садка 69, 79, 80, 83
*сбег 54
*сбежистость 54, 88, 92
светлый 86
*свилеватость 53
свилеватый 53
*свиль 9, 45, 53—54
свищ 68, 75
свищеватость 75
свищуха 75
сгонка 69, 87, 90
сгонщик 87
сдиры 88
сеголеток/сеголетка 60
седина 69
седловина 69, 75
сено 50
серость 87
сетничать 43
сиварь 75
скирда 50
склизок 69, 75
скол 64
*скот 61
солома 50
сорняк 48
спилковый 87—88
спилок 69—75, 80, 87
ссадина/ссадины 52—53
стеклохолст 7
*стелечный 85
*стог 7, 50
стогование 43
стойка 41
строгаль 87
строгальщик 87
*строгание/строжка 68, 75, 83, 87

строганина 87
стяжка 69
сувой 9
сук/сучья 50, 56
сучить 31
сучкорезка 44
*сучок 48, 56
сушка 69, 80
сходы 69, 80
съемка 89
*сыромятный 75
сыромять 72, 75
*сырье 83, 84

тавро 75
таскать 31
твердость 47
*теклость 69, 75
теленок 61
телка 61
телятка 75
теребить 7, 31
*тесто 56—57
товар 29, 31
тонкий 85
топляк 44, 64—65
тощесть 69—75
трепать 10
трещина/трещины 52
трости 31
тростильная машина 22
тростильщик 22
тростить/тращивать/тро-
щенный 21—22
трощание 22—23
тузлук 69
тузлукование 69
тычка 32
тычковая снасть 32

тягучесть 89
тяжка, 69, 80, 83, 89
тянульный 87

удобность 47
ужимина 64
уклейня/уклея 32
укос 50
упек 64
упор 64
*усол 75
усаливать/усолить 75
усушка 64
утоп 64, 65
утяжина 64
утяжка 64
уцынок 32

фитилить 43

хвост 68
хвостач 32
хвоя 50
хряк 61, 64

царапина 52, 69, 88
цевка 34, 45
цевник 36
цевница 35, 36
цевочник 35
цевочница 34
цевье 35
ценки 10

челка 68—69, 75
*чепрак 70, 75, 80, 89
червоточина 70
чердачить 43

черность 47
черный 86
чесотка 69
численка/чисменка/чисме-
ница 10, 31
чистильщик 87
чистка 69, 87
чурак 50

шатун 41
швырок 29—31
шевро 80
шея 68
шкура 69, 81, 84
шпенек 64

щека/щеки 64, 70
щеколда 64
щепа 50
*щуплость 47
щучить 43

*юхть/юфть 75, 88
юфтевой 88

ягненок 61
як 61
яловина 71, 74
яловица 75
яловичный 74, 75, 89
*яловка 69, 71, 75, 80,
83—84, 89
яловочина 71
яловочный 60
яловый 60
ярка 61
ярмо 75
ячиха 61

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1.
Народно-диалектная лексика и современные узаконенные термины 16

Глава 2.
Терминологические стандарты. Место своеязычных элементов в их составе 46

Глава 3.
Сфера фиксации и сфера функционирования в их сопоставлении. Проблема дефиниции своеязычного термина 67

Заключение 107

Список источников и принятые сокращения 111

Словоуказатель 116

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

CONTENTS

Introduction 3

Chapter 1.
Folk-dialectal vocabulary and modern establish terms 16

Chapter 2.
Terminological standards. The status of original (non-borrowed) terms in them 46

Chapter 3.
The Sphere of term-registration and the sphere of term-usage: comparative study. The problem of defining of an original term 67

Final conclusions 107

Sources and accepted abbreviations 111

Index 116

www.ruslang.ru

Научное издание

Коготкова Тамара Сергеевна

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Утверждено к печати Институтом русского языка

Редактор издательства *А.В. Бездидько*
Художник *А.Г. Кобрин.* Художественный редактор *И.В. Монастырская*
Технический редактор *Н.А. Посканная.* Корректор *Р.Г. Ухина*

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ № 47846

Подписано к печати 24.12.91. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 7.5. Усл.кр.-отт. 7,8
Уч.-изд.л. 8.9. Тираж 850 экз. Тип. зак. 1750. Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

6-34
~~4 р. 80 к.~~